

Б.В. СЕННИКОВ

ТАМБОВСКОЕ ВОССТАНИЕ

1918–1921 гг.

И РАСКРЕСТЬЯНИВАНИЕ РОССИИ

1929–1933 гг.

Москва “ПОСЕВ” 2004

Б.В. Сенников. Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг.

Серия «Библиотечка россиеведения». Выпуск 9. — М.: Посев, 2004. — 176 с. 22 илл.

ISBN 5-85824-152-2

Под редакцией *Р.Г. Гагкуева* и *Б.С. Пушкарева*

Корректор *Е.В. Феоктистова*

Компьютерная верстка *В.А. Согласновой*

Книга Б.В. Сенникова «Тамбовское восстание 1918–1921 гг. и раскрестьянивание России 1929–1933 гг.» продолжает серию изданий «Библиотечки россиеведения», посвященных истории народного антибольшевистского сопротивления, и рассказывает о крупнейшем крестьянском восстании — Тамбовском, проходившем в 1918–1921 гг. и охватившем как территорию Тамбовской губернии, так и ряд уездов соседних губерний.

В первой части книги, на основе документов из собственного архива, автор популярно рассказывает об истории Тамбовского восстания, долгое время ошибочно называемого в исторической литературе «Антоновским мятежом».

Вторая часть книги повествует о коллективизации и состоит из документальных свидетельств, собранных автором главным образом в 1980-х гг., впервые публикующихся на страницах этой книги.

Издание написано популярно и рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся историей XX века. На страницах книги приводятся редкие иллюстрации из собрания автора.

В приложении С.С. Балмасова приведены статистические данные о результатах подавления восстания из официальных советских источников.

© НП Содружество «Посев», 2004

Издательское, исследовательское и просветительское
содружество «Посев»

103051 Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, кв. 96

Тел./факс: 095 925 9248

e-mail: posevru@online.ru

Лицензия Государственного комитета по печати РФ

ЛР № 066807 от 29.7.1999

Подписано в печать 10.03.2004.

Формат 60х90 1/16. Усл.-печ. л. 11,0.

Печать офсетная. Тираж 2500.

Отпечатано с оригинал-макета

в ООО «Муромская Полиграфическая Компания»

602267, Владимирская обл., г. Муром, Меленковское шоссе, 21.

Тел./факс (09234) 6-39-38, 6-08-62

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	4
ЧАСТЬ I. Правда о крестьянском народном восстании 1918–1921 гг. в Тамбовской губернии	5
Предисловие	5
1. Россия в канун прихода к власти коммунистов	16
2. Тамбовская губерния	20
3. Тамбов (историческая справка)	21
4. «Тамбовская вандея», или как все начиналось	27
5. Рейд казачьей конницы генерала К.К. Мамантова по тылам красной Совдепии в 1919 г.	52
6. Организация партизанской армии и ее программа	64
7. Контрнаступление коммунистов	76
8. Зачистка	95
ЧАСТЬ II. «Сталинская коллективизация»: свидетельства тех, по чьим спинам прошло «красное колесо»	117
1. «За что такая кара?»	118
2. Попутчики	124
3. Память сохранила все	129
4. «Казачество вырубать под корень»	133
5. Воспоминания о «светлом детстве»	136
6. Воспоминания попавших под колесо коллективизации	139
ПРИЛОЖЕНИЕ I	
Места захоронений и массовых казней в Тамбовской области	152
Песня тамбовских повстанцев	153
Краткие биографии	153
ПРИЛОЖЕНИЕ II	
С.С. Балмасов Итоги подавления тамбовского восстания по официальной статистике	161

От редакции

Данная книга основана на не публиковавшихся ранее отдельным сборником документах, которые долгое время были недоступны читателям и исследователям. Документы по истории Тамбовского крестьянского восстания, принадлежавшие тамбовскому губернскому военному комиссару, уцелели чудом. После подавления восстания и коллективизации они в 1933 году подлежали безусловному уничтожению. В архиве губвоенкома в Тамбове, в здании Зимней церкви Казанского монастыря, документы о подавлении восстания сжигались в печи. Однако при уничтожении документов возник пожар, горящие же бумаги были залиты водой и забросаны песком. В 1982 году архив, находившийся в церкви, переехал на новое место, а в алтаре, под слоем песка остались бумаги — одни в довольно хорошем состоянии, другие — подпорченные водой и песком. Помимо документов губвоенкома периода подавления восстания (включая и документы 1919 г., касающиеся знаменитого рейда генерала К.К. Мамантова), сохранились и документы о репрессированных в 1920–1930 гг.

Алтарь Предтеченской церкви, где под слоем песка и штукатурки была найдена часть архива Тамбовского губвоенкома

армии периода подавления восстания, переписка с Москвой, доклады об использовании химического оружия против крестьян, документы Союза трудового крестьянства и другие свидетельства — все они вошли в книгу.

Путь их к читателю не был простым. В 1980-х гг. на автора книги из-за этих документов Тамбовским отделом КГБ было заведено уголовное дело. Позднее оно было закрыто, за отсутствием состава преступления, но при этом автор книги был уволен с работы.

Помимо сохранившихся архивных документов периода гражданской войны, во второй части книги приводятся устные свидетельства тех, кто попал под «сталинское колесо коллективизации», рассказанные автору книги как непосредственными участниками тех трагических событий, так и уже опубликованные на страницах газет и журналов. Книга дополнена краткими биографическими справками об участниках восстания и приложениями, в которых приведены статистические данные на основе официальных советских источников о результатах подавления Тамбовского восстания.

Р.Г. Гагкуев

Посвящаю моей дорогой дочурке
Верочке Сенниковой

Часть I

Правда о крестьянском народном восстании 1918–1921 гг. в Тамбовской губернии

Дай Бог слепым глаза вернуть...

Б.Ш. Окуджава

ПРЕДИСЛОВИЕ

(которое обязательно надо прочитать)

Крестьянское народное восстание, которое произошло в Тамбовской губернии в 1918–1921 гг., относится к самым крупным народным восстаниям против советской власти и коммунистической партии. Об этом восстании различными авторами, среди которых немало кандидатов и докторов исторических наук, было напечатано много «трудов» и публикаций. Их число уже давно перевалило за 600 единиц (только в нашей стране). Но в реальности эти труды только усложнили и запутали процесс воссоздания подлинной истории этого восстания и самой крестьянской войны, так как носили не исторический, а идеологический характер. Поэтому все происходившее тогда на тамбовской земле и по сей день остается белым пятном в истории нашего государства. И тема все еще ждет своих подлинных исследователей, историков-аналитиков тех событий, которые до сего времени зовутся незаслуженно-оскорбительно — «антоновщина». И сегодня многие авторы, по-видимому, списывая друг у друга непроверенные данные, по привычке продолжают запутывать нашу историю. В основном все они продолжают утверждать, что руководили крестьянским восстанием «уголовники», «конокрады» и «бандиты», однако на поверку выходит, что грабили не они, а наоборот — их грабили коммунисты, так как у коммунистов и грабить-то было нечего.

Руководители же восстания были честными людьми, принадлежавшими к крестьянам-хлеборобам, сельской, волостной и уездной интеллигенции, а также к офицерству Русской армии. А именно на стороне большевиков довольно много было уголовного элемента. Во время подавления восстания они травили удушливыми газами русских крестьян, убивали членов их семей, в том числе и детей. И если мы хотим наконец-то узнать сегодня нашу подлинную российскую историю XX века,

такую, какой она была в действительности, то ее нужно основательно очистить от всевозможных наслоений и идеологических наносов.

Очень много в «трудах» советских историков «антоновщины» встречается разночтений, а также мифов и несурязиц¹. Так, например, доктор исторических наук И.П. Донков повествует нам, что Александр Степанович Антонов родился в Кирсановском уезде Тамбовской губернии². Авторы-составители сборника «Антоновщина» В.П. Данилов, С.А. Есиков, В.В. Канищев, Л.Г. Протасов считают, что А.С. Антонов родился в Москве³, и т.д. При этом все исследователи считают именно А.С. Антонова руководителем восстания.

Однако все документы относительно А.С. Антонова еще дореволюционного времени сохранились, как и его личное дело жандармского ведомства, где о нем имеются абсолютно полные данные. Просто многих авторов «антоновщины» это мало интересует и они отдают предпочтение другим «источникам», нисколько не подвергая их анализу. Далее исследователь этой же «антоновщины» В.В. Самошкин почему-то утверждает, что Эктов был у А.С. Антонова начальником штаба, и пишет, что Антонов сам был начальником штаба, — путаница. А.С. Антонов действительно был начальником штаба 2-й партизанской повстанческой армии, которой командовал сначала поручик П.М. Токмаков, а после его выдвижения на пост главкома Объединенной (Единой) партизанской армии Тамбовского края командование 2-й армией принял штабс-капитан Митрофанович. У него на посту начальника штаба армии по-прежнему служил Антонов, который до конца восстания оставался на этом посту и никогда сам не возглавлял восстания. Восстание

¹ Антоновщина. Сборник статей, очерков, воспоминаний и других материалов к истории эсэро-бандитизма в Тамбовской губернии. — Тамбов, 1923; *Баранов В.П.* Крестьянское восстание в Тамбовской губернии. — Тамбов, 1991; *Донков И.П.* Антоновщина: замыслы и действительность. — М., 1977. 127 с.; Известия Тамбовского губисполкома. 1920–1922; *Есиков С.А., Протасов Л.Г.* «Антоновщина»: новые подходы // Вопросы истории. 1992. № 6–7. С. 47–57; Какурин Н.Е. Организация борьбы с бандитизмом по опыту Тамбовского и Витебского командований // Военная наука и революция. — М., 1922. № 1; Красноармеец. Газета политотдела армии по подавлению мятежа в Тамбовской губернии. 1921. Май–октябрь; *Михалев Г.* Разгром кулацко-эсэровского мятежа в Тамбовской губернии. Кандидатская диссертация. — Тамбов, 1941; *Самошкин В.В.* Александр Степанович Антонов // Вопросы истории. 1994. № 2; *Самошкин В.* Мятеж. Антоновщина // Литературная Россия. 1990. №№ 23, 43, 48; *Трифонов И.* Из истории разгрома антоновщины в 1920–1921 гг. // Военно-исторический журнал. 1968. № 9. С. 27–35; *Трифонов И.Я.* Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа. Ч. 1 (1921–1923 гг.). Борьба с вооруженной кулацкой контрреволюцией. — Л.: изд-во ун-та, 1964. 311 с.; *Тухачевский М.Н.* Борьба с контрреволюционными восстаниями. Исследование типичного бандитизма (Тамбовское восстание) // Война и революция. 1926. №№ 7 (С. 3–17), 8 (С. 3–15), 9 (С. 3–16) и др.

² *Донков И.П.* Антоновщина: замыслы и действительность. — М., 1977. С. 23.

³ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы / Интерцентр, ГА Тамбовской обл. и др. — Тамбов, 1994. С. 17.

возглавлял Союз трудового крестьянства (СТК), а его председателем был П.М. Токмаков, одновременно служивший и главкомом Объединенной (Единой) партизанской армии Тамбовского края. Прочитав эту книгу, мы узнаем, почему долгие десятилетия считали руководителем восстания Антонова, хотя на самом деле он никогда им не был. Все это подтверждено документами.

Многие ученые авторы пресловутой «антоновщины» даже не подозревают о том, что пишут они не об одном человеке, который носил имя Александра Степановича Антонова, а о двух совершенно разных людях, которые по иронии своих судеб носили это имя. Сегодня на кладбище районного центра Ржакса Тамбовской области сохранился памятник на одной из могил, где значится, что он поставлен Александру Степановичу Антонову, погибшему в 1919 году. А мы знаем, что А.С. Антонов, активный участник народно-крестьянского восстания, которому большевики приписали главенство в нем, погиб в 1922 году, и похоронен он был в городе Тамбове, у стены мужского монастыря Казанской Божией Матери, где в то время находилось Тамбовское губернское ГПУ. И похоронен он там во рву, вместе с другими расстрелянными участниками этого восстания. Зарыли его там 29 июня 1922 года, на пятый день после гибели, вместе с братом Дмитрием. Оба Александра Степановича в дореволюционное время проходили по делопроизводству Тамбовского жандармского ведомства и, по всей видимости, никогда друг друга не знали. После революции кто-то из работников губернского ГПУ по невежеству оба их дела свалил в одну кучу. Поэтому «глава» крестьянского восстания Антонов у различных авторов в одно и то же календарное время работает в Тамбове в вагоноремонтных мастерских и служит учителем в городе Сызрани. На станции Ржакса Тамбовской области похоронен тезка Александра Степановича, который до революции был анархистом, а во время гражданской войны служил в ЧК и был убит повстанцами.

Вот такие сюрпризы порой нам подбрасывает наша история.

Подобное произошло и с двумя различными организациями, носившими одно и то же название. Речь здесь идет о Союзе трудового крестьянства (СТК). Оба союза, существовавшие в одно время, в действительности были совершенно разными организациями. Изучая «труды» советских идеологов, вы, несомненно, обратите внимание на то, что у различных авторов в одно и то же календарное время говорится, будто Союзом трудового крестьянства руководил П.М. Токмаков, который одновременно был и главкомом Объединенной (Единой) партизанской армии Тамбовского края. Другие же авторы утверждают, что председателями СТК были Г.Н. Плужников и И.Е. Ишин. В уставах обоих СТК сопредседателей не было. Так как же в одно и то же время председателями

значатся сразу три человека? Да очень просто. Председателем Союза трудового крестьянства, который руководил крестьянским восстанием, был П.М. Токмаков. Сражался он с коммунистами под знаменем Учредительного собрания «За единую и неделимую Россию» и стоял на позициях Белого движения. Второй означенный СТК ни с кем не сражался, но агитировал за «Советы без коммунистов» и был левозэсеровским. Создан он был после того, как коммунисты изгнали левых эсеров из Совнаркома и исключили из всех советских учреждений. Этим СТК и руководили Г.Н. Плужников и И.Е. Ишин. Кстати, бывший эсер А.С. Антонов, начальник штаба 2-й повстанческой армии, горячо настаивал на ликвидации этого СТК, который прижился на свободной территории Тамбовской губернии и нес вместе с коммунистами ответственность за притеснения крестьян советской властью. Сами крестьяне этот эсеровский союз не признавали, так как советы вообще в Тамбовской губернии никогда не были популярными. Вскоре левозэсеровский СТК был разогнан и уже больше никогда не возрождался на территории Тамбовской губернии. Об этом можно подробно узнать из допроса Юрия Подбельского, родного брата советского наркома почт и телеграфа Вадима Подбельского.

Таким образом СТК левых эсеров и закончил на Тамбовщине свое существование. А Союз трудового крестьянства, где был председателем П.М. Токмаков, руководил этим восстанием. Впоследствии им была провозглашена «Республика Тамбовского партизанского края» со всеми правами до созыва Учредительного собрания. Она была провозглашена 20 мая 1921 года на народном митинге, созванном Союзом трудового крестьянства, гражданской управой и командованием Объединенной (Единой) партизанской армии Тамбовского края. Это произошло в селе Карай-Салтыки Кирсановского уезда Тамбовской губернии. Главой партизанской республики стал один из самых активных участников сопротивления крестьян — Шендяпин.

Еще с 1917 года, сразу же после отречения императора Николая II, тамбовское крестьянство в большинстве своем придерживалось идеи созыва Учредительного собрания. Крестьяне Тамбовской губернии не захотели добровольно принять самозванной власти коммунистов, платных наемников Германии. В 1994 году в Тамбове вышел в свет так называемый «сборник документов», под тем же уже набившим оскомину названием: «Антоновщина», и еще больше запутал историю восстания⁴. В сборник наряду с подлинными документами вошли также и

⁴ Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы / Интерцентр, ГА Тамбовской обл. и др. — Тамбов, 1994. 334 с.

всевозможные фальшивки, сфабрикованные в различные годы советской власти, и документы, не имеющие вообще никакой исторической ценности.

Для примера хочу привести историю одного из документов, связанного с романом «Одиночество»⁵ тамбовского писателя Н.Е. Вирты, настоящая фамилия которого — Карельский. В этом романе Н.Е. Вирта повествует о крестьянском восстании в Тамбовской губернии. Роман основан на фальшивке, состряпанной органами НКВД в 1937 году. Однако на основании этой фальшивки был расстрелян человек, которому в вину ставили то, в чем он абсолютно не был повинен. Этот человек, Петр Иванович Сторожев (бывший член РКП(б) и председатель ревкома), был родом из села Грязнухи Сампурского района Тамбовской губернии. В романе «Одиночество» один из персонажей носит такое имя, хотя к этому человеку не имеет никакого отношения — это литературный псевдоним. Под этим псевдонимом у Вирты в действительности выведен Петр Иванович Сажин, его сосед по селу Большая Лазовка (в романе село Дворики). Семья Сажиных, купцов 2-й гильдии, еще до революции и гражданской войны дружила с семьей Карельских. Отец Н.Е. Вирты был священником в селе Большая Лазовка и имел прямое отношение к Государственной Думе, а позже к Учредительному собранию. Отца Евгения расстрелял один из членов семьи Сажиных — Сергей Иванович Сажин, родной брат Петра Ивановича Сажина, по роману братьев Сторожевых. Вся семья Сажиных во время восстания находилась на стороне восставших крестьян, кроме одного — Сергея Ивановича Сажина, который принял сторону советской власти, а во время подавления восстания был председателем ревкома.

По роману «Одиночество» он проходит под именем Сергея Ивановича Сторожева или, как еще его называет автор, — «матроса». Личность эта историческая, как и большинство персонажей романа. Помимо Вирты об этом матросе писала Лариса Михайловна Рейснер. Старшее поколение еще, по-видимому, хорошо помнит пьесу «Гибель эскадры», которая обошла все театры страны в 50-х гг. XX в. Одним из ее главных героев был матрос Швабрин, прообразом которого является Сергей Иванович Сажин (по роману Н. Вирты — С.И. Сторожев). Об этом матросе было много написано в 1920–1930-х гг. Н.Е. Вирта пишет о нем так: «Это подлинные страницы из биографии «матроса». Сергей Иванович, брат Петра Ивановича, матрос с крейсера «Рюрик», в 1917 году политкомиссар Кронштадского порта, участник взятия Зимнего дворца, член штаба сводных матросских отрядов. Начальник охраны мостов через Неву». И тот, кто изучал материалы государственного

⁵ Вирта Н.Е. Одиночество. — М., 1962.

переворота октября 1917 года, несомненно помнит, что только благодаря разведенным на Неве мостам этот переворот тогда и удалось осуществить. Матрос Сажин производил арест Временного правительства в Зимнем дворце, и он же со своими матросами препроводил его тогда в Петропавловскую крепость, где и держал под стражей. Обо всем этом Н.Е. Вирта так же подробно пишет в своей брошюре, вышедшей в свет в 1973 году в серии «Писатель и время». С 1904 года «матрос» на трапе революции — он анархист. А с 1918 года — член РКП(б). Это он со своим другом матросом А.Г. Железняковым в январе 1918 года разгоняет Учредительное собрание и расстреливает на улицах Петрограда шестидесятитысячную демонстрацию рабочих, которые вышли на улицы столицы, чтобы поддержать Учредительное собрание. Затем из Петрограда его направляют в Тамбовскую губернию, которая отказалась признать Ленина и советскую власть. Прибыв в Тамбов с группой своих корешков-матросиков, Сажин подготавливает здесь переворот, который состоялся в марте 1918 года. Затем он становится одним из председателей Тамбовского ревкома, жестоко расправляется с восставшими крестьянами. А в это время его родные братья и другие родственники сражаются на стороне восставшего народа и Союза трудового крестьянства.

«Матрос» лично расстреливает священника отца Евгения, который был родным отцом писателя Н.Е. Вирты. Расстреливает он и многих своих односельчан и родственников. Из его автобиографии, которую он написал в конце сороковых годов XX века, хорошо видно, как протекала «социалистическая революция», в которой он активно участвовал⁶. С большим смаком он рассказывает о том, как он лично убивал священников. Подробно описывает, как на третий день государственного переворота в Петрограде, когда усиленно громились винные склады, а повсюду шли грабежи и насилия, у революционных матросов было такое развлечение. Разъезжая по городу пьяными на автомобилях, они отлавливали мальчишек, одетых в форму гимназистов, кадетов и юнкеров, везли их на Фонтанку и там, привязав к шеям камни, бросали с моста в реку, топя как котят под хохот пьяной матросни.

После подавления крестьянского восстания в Тамбовской губернии, в 1922 году, Сергея Ивановича Сажина отзывают в Москву, на Лубянку, где назначают одним из помощников Феликса Дзержинского. Однако после инцидента Ф.Э. Дзержинского с одним из своих сотрудников, матросом, которого Феликс собственноручно застрелил в своем кабинете, Сажина вновь отправляют в Тамбов, где он становится

⁶ Автобиография С.И. Сажина хранится в Тамбовском краеведческом музее.

начальником колонии заключенных и занимает ряд других мелких должностей.

В 1937 году Сажин вновь активно проявляет себя во время чисток партии и репрессий, участвует в разгроме церкви и тамбовского костела. По его навету, как он сам пишет в своей автобиографии, были арестованы в Тамбове многие видные коммунисты и воинские начальники, а затем расстреляны, но в 1956 году реабилитированы, и уже посмертно восстановлены в партии. А С.И. Сажин к празднику «Великого Октября» в 1957 году был награжден орденом Ленина, за заслуги перед партией и правительством.

В 1946 году он вдруг близко сошелся с писателем Н.Е. Виртой, у которого до этого собственноручно убил отца и на которого постоянно писал доносы в НКВД. Вирта ему выхлопотал персональную пенсию союзного значения. Однако он ее перевел на детский дом, так ею ни одного раза и не воспользовавшись. Умер он в Тамбове, в 1959 году, в нищете, похоронен на Петропавловском кладбище. На его могилу коммунисты даже не поставили памятника. Сегодня в Тамбове жива его правнучка, у которой хранятся его фотографии, документы, журналы и газеты разных лет, где писалось о «матросе».

Его брат Петр Иванович Сажин (по роману «Одиночество» Петр Иванович Сторожев) — активный участник народно-крестьянского восстания. После его подавления он сумел скрыться и вскоре оказался в Польше, где вплоть до II мировой войны служил офицером в Войске польском, в русском отделе разведки. В 1939 году, после сговора между А. Гитлером и И. Сталиным и раздела Польши между Германией и СССР, он попал в плен к немцам, где находился до конца войны. П.И. Сажин был «освобожден» из плена советской армией и направлен после этого на Урал, в фильтрационный лагерь.

Петра Ивановича Сажина не расстреляли, а дали 25 лет лагерей и отправили на Колыму добывать золото, откуда он был освобожден по амнистии 1957 года. Он посетил Тамбов, где они встретились с братом и разошлись с ним непримиримыми врагами. П.И. Сажин возвратился в родное село — Большую Лазовку, где не был с 1921 года и где были похоронены его родители. Там он встретил вдовушку, которую знал еще в молодости, и женился на ней. Вскоре из Польши пришло известие, что ему как участнику II мировой войны и офицеру польской армии назначена пенсия, а также приглашение на жительство в Польшу. Взяв с собою жену, он уехал туда.

Так что Петр Иванович Сажин не был расстрелян в 1937 году — он в это время находился в Польше. А в 1937 году вместо него был расстрелян органами НКВД Петр Иванович Сторожев, который носил свою

фамилию, и она вовсе не была литературным псевдонимом героя романа «Одиночество» Н.Е. Вирты.

Обвинение ему было предъявлено как литературному герою романа, хотя он к нему не имел никакого отношения. Настоящий Сторожев Петр Иванович был, как и Сергей Иванович Сажин, коммунистом и, как и он, был председателем ревкома во время подавления крестьянского восстания. Он также в то время убивал и расстреливал повстанцев. Однако в 1927 году его как троцкиста исключили из партии и отправили в лагеря на 5 лет. А после того как он отбыл наказание, в 1937 году, НКВД предъявило ему обвинения, что он был участником крестьянского восстания, командовал полком партизан и был членом Союза трудового крестьянства. Все это было в романе с человеком, носившим там фамилию П.И. Сторожева, но в жизни это был П.И. Сажин. Так настоящего Петра Ивановича расстреляли вместо литературного. Так что расстрелян был коммунист, а не участник восстания. Того, кого хотели расстрелять, — Бог миловал. Виноват ли в этом писатель Вирта? Думаю, нет. Время было такое.

Документ о расстреле П.И. Сторожева помещен в сборник «Антоновщина» тамбовскими учеными по причине их незнания подлинной истории восстания, — документ подавался в свое время в тамбовской печати как дело участника восстания, а не наоборот. И таких «документов» в этом сборнике довольно много — они просто брались из архива и не подвергались научному анализу. Много в сборнике «документов» и таких, которые опровергают один другого. И обидно, что этот сборник имеет претензию на научность. Ее там нет. Он только путает людей, которые серьезно хотят заниматься этой темой. Поэтому историкам, прежде чем публиковать документ, нужно убедиться в его достоверности и помнить, что вся наша история начиная с октября 1917 года писалась не историками, а идеологами, и все документы в наших архивах должны проходить через серьезный анализ.

Название сборника «Антоновщина» непристойно, поскольку и В.А. Антонов-Овсеенко — председатель полномочной комиссии ВЦИК РСФСР, и М.Д. Антонов-Герман — председатель Тамбовского губернского ЧК — были палачами восставших⁷.

Как же писалась наша история после 1917 года? Начнем с самого начала. Сегодня в городе Тамбове на Первомайской площади (бывшая Варваринская площадь), на одном из домов красуется мемориальная

⁷ В упомянутом сборнике «Антоновщина» помещено сразу несколько документов касательно П.И. Сторожева. Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1919–1921 гг. («Антоновщина»): Документы и материалы / Интерцентр, ГАТО и др. — Тамбов, 1994. С. 283–292.

доска, на которой значится, что здесь жил первый советский нарком почт и телеграфа Вадим Подбельский. Берем старые газеты за октябрь 1917 года, как большевицкие, так и все другие, и видим, что среди длинного списка первых советских наркомов имя Подбельского не значится. Первым советским наркомом этого ведомства был Н.П. Глебов-Авилов — В.Н. Подбельский был только четвертым по счету наркомом этого ведомства. Берем книгу Джона Рида «10 дней, которые потрясли мир» с предисловием, написанным В.И. Лениным, который заявляет, что товарищ Рид написал всю подлинную правду в этой книге⁸. Смотрим список первых наркомов и видим там снова Н.П. Глебова-Авилова — В.Н. Подбельского там нет⁹. Берем «Большую советскую энциклопедию» и снова убеждаемся, что первым наркомом почт и телеграфа был Глебов-Авилов¹⁰. Затем приходим в Тамбовскую областную библиотеку и берем подшивки газет за 30 лет, а потом и за 50. «Тамбовская правда» говорит нам совсем другое. Ежегодно, в день рождения В.Н. Подбельского, там на всю полосу печатается статья, автором которой всегда является какой-либо доктор или кандидат исторических наук, профессор, доцент или просто преподаватель истории.

То же самое вы там увидите и о другом советском наркome — Г.В. Чичерине — оба они из Тамбова. В газетах о нем помещены такие же статьи. Но и Чичерин в действительности не был первым наркомом иностранных дел хотя бы по одной причине — когда создавался первый Совнарком, он был за морем, в Англии, отдыхал еще на нарах, в английской тюрьме. Наркомом значился Л.Д. Троцкий, а не он. Однако профессора-историки не обращают на это внимания.

Нашу советскую «историю» писали попросту с художественных произведений. Все старшее поколение несомненно видело советский кинобоевик «Чапаев». Там есть такой эпизод — на чапаевцев наступают офицеры белого «каппелевского» полка, а Анка-пулеметчица косит их пулеметными очередями. Однако офицеров генерала В.О. Каппеля не было в то время на данном участке фронта — это раз, а Анка стреляла не по русским офицерам, а по рабочим Ижевской рабочей дивизии, которая входила в стрелковый корпус под командованием генерала В.М. Молчанова¹¹. Эта рабочая дивизия сражалась на стороне адмирала А.В. Колчака против коммунистов, и в ней был собран весь цвет рабочего сословия России. Так что чапаевцы расстреливали пулеметами

⁸ Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир. — М., 1957. С. 5.

⁹ Там же. С. 126.

¹⁰ Большая советская энциклопедия. Т. 6. — М., 1971. С. 588.

¹¹ См. Волков Е.В. Образ каппелевцев в фильме братьев Васильевых «Чапаев» // Каппель и каппелевцы. — М., 2003. С. 529–544.

русских рабочих, 'а не буржуев, как любили говорить коммунисты. Если вспомнить историю Белого движения юга России, то и там в Корниловской дивизии был полк, сформированный из шахтеров Донбасса.

Миф о том, что рабочие и крестьяне были в гражданскую войну опорой коммунистов, — ложь, которую пропагандировали сами коммунисты. Вспомните по этому поводу хотя бы то, что говорил сам Ленин: «Говорить правду — это мелкобуржуазный предрассудок. Ложь оправдывает средства». Никто до коммунистов не убил столько крестьян и рабочих, как это сделали они. История остается всегда историей, но если ее исказить, то она уже что угодно — но не история. За все годы преступной власти коммунистов в России они всегда врал, как в малом, так и в большом. Ложь была их религией. Идеологи коммунизма и по сей день продолжают раздувать уже угасающую коммунистическую ложь. Коммунисты грабили крестьян и в то же время их обзывали «бандитами». Все семьдесят с лишним лет господства коммунистов в России были лживыми. Кто был бандитом? Кто грабил крестьян? Кто силой принуждал признавать свою самозваную власть, добытую уголовным путем? Кто обещал построить народу рай на земле? Из-за кого мы недоисчисляемся 100 миллионов граждан России за годы советской власти? Ответ однозначный. Вся «история» послереволюционного времени была закашлена советскими идеологами на сплошной лжи.

Многие еще хорошо помнят репродукции с картины художника И.И. Бродского, широко известные в 1930–1940 гг. Одна из его картин называлась «Расстрел 26 бакинских комиссаров». На этом полотне были изображены все 26 комиссаров, стоящие перед лицом смерти. Гордо поднятые головы и гневно-пламенные взгляды мужественных и негибаемых большевиков-ленинцев — таков был замысел этого произведения искусства. Все они презрительно смотрели на шеренгу целящихся в них из винтовок людей, одетых в полосатые азиатские халаты. Кроме них на картине также были изображены английские офицеры в тропических пробковых шлемах, наблюдающие за расстрелом. Копии этой картины Бродского можно было видеть повсюду. Репродукции печатались во всех журналах и «учебниках истории», по которым учились дети, не ведая, что все это — неправда. А фальшивомонетчики от истории описывали даже подробности расстрела и речи, которые перед смертью якобы толкали «герои-комиссары», смотря смерти смело в глаза. Но в действительности расстрела не было. Всю эту «историю» с расстрелом выдумали советские идеологи. Подлинная картина гибели 26 бакинских комиссаров была установлена в свое время комиссией ВЦИК РСФСР, которая прибыла для этой цели из Москвы. Возглавлял ее Вадим

Афанасьевич Чайкин — эсер по партийной принадлежности. В эту комиссию также входила большая группа высокопоставленных московских чекистов под предводительством небезызвестного заместителя председателя ВЧК Якова Христофоровича Петерса. Вся эта компания и установила тогда на месте подлинную картину гибели комиссаров и составила об этом подробный отчет. «Картина Бродского «Расстрел 26 бакинских комиссаров» исторически неверна, — говорил Чайкин. — Они не были расстреляны, а были обезглавлены. При этом непосредственным исполнителем казни являлся только один человек — туркмен, исполнинской силы богатырь. Этот туркмен один, своими собственными руками шашкой обезглавил всех»¹².

Яма с останками бакинских комиссаров и отделенных от них голов была вскрыта в присутствии высокой комиссии ВЦИК и представителей ВЧК. Коммунисты решили, что ни в коем случае не станут оглашать факты о подлинной гибели комиссаров широким массам, так как она отнюдь не изобилует примерами их героизма. Все это как-то надо было идеализировать, превратив всех комиссаров в негибаемых революционеров-ленинцев. Вот здесь и была выдумана «история» с расстрелом и героическим поведением бакинских комиссаров. Пригласили в ЦК художника И.И. Бродского и велели ему написать картину. Вскоре заказ любимой партии был им исполнен. А уже другие «специалисты», состоящие для подобных целей на службе у коммунистов, придумали даже речи, которые якобы произносили перед расстрелом комиссары, чередуя их с пением Интернационала. Однако Вадим Чайкин по прибытии в Москву написал об этом книгу, и мир узнал подлинную картину гибели 26 бакинских комиссаров¹³. Сам автор этой книги был расстрелян 11 сентября 1941 года, во дворе изолятора орловской тюрьмы, вместе со многими историческими личностями, среди которых была наша тамбовская землячка, бывшая террористка Мария Спиридонова, а потом член ВЦИК РСФСР и советского правительства, глава партии левых эсеров. Она сидела в орловской тюрьме вместе со своим мужем, также членом партии левых эсеров и советским наркомом земледелия Майоровым. Оба они не знали все эти годы, что находятся в одной тюрьме, и встретились во дворе тюрьмы, когда их туда вывели на расстрел. Отчет о гибели бакинских комиссаров, направленный во ВЦИК, Совнарком и ЦК РКП(б) комиссией, побывавшей на месте их казни, сегодня хранится где-то в спецхране, а «легендарные» соратники Ф.Э. Дзержинского во главе с Я.Х. Петерсом были расстреляны в 1937 году Н.И. Ежовым.

¹² Газарян С. Это не должно повториться // Звезда. 1989. № 2. С. 12.

¹³ Чайкин В. К истории российской революции. Вып. 1. Казнь 26 бакинских комиссаров. — М., изд-во З.И. Гражбина, 1922. 195 с.

Такая была история. Только писалась она иначе.

Так же была написана и история «антоновщины». Народно-крестьянское восстание было восстанием трудового населения против политически-уголовной власти коммунистов, объявивших себя законной властью в стране. И чтобы ослабить сопротивление народа своей власти, они решили изъять у него все продовольствие. В силу декрета «О продовольственной диктатуре», подписанного Лениным 9 мая 1918 года, население России должно было голодать — только за работу на коммунистов предусматривались скудные хлебные пайки, которые были единственным источником существования людей. Чтобы осуществить этот ленинский декрет, был уничтожен свободный рынок продовольствия. Любая торговля расценивалась как спекуляция, за которую тогда полагался расстрел. Но в сельской местности продовольствия было более чем достаточно, и коммунисты для создания голода в стране решили изъять его у крестьян полностью. Однако элеваторы, холодильники и склады были доверху заполнены продовольствием. Порой изъятое у крестьян продовольствие просто уничтожалось, так как его некуда было девать, хотя коммунисты, при созданном ими повальном голоде в стране, ухитрялись продовольствие еще и продавать за границу. А в стране в это время процветало трупоедство и людоедство. Большевики знали, что у кого в руках хлеб — у того и власть, а во время голода, имея хлеб, можно добиться власти неограниченной, подкрепляя ее еще и красным террором.

Следы геноцида, проведенного коммунистами в то время на Тамбовщине, дают о себе знать и до сего времени, так как ее население еще не может достигнуть уровня 1917 года. Вечная память всем, кто погиб тогда от рук уголовной власти...

1. РОССИЯ В КАНУН ПРИХОДА К ВЛАСТИ КОММУНИСТОВ

Вот уже и позади кровавый XX век. Теперь можно оглянуться назад и задуматься о минувшем столетии. Для России оно было особенно тяжелым и трагическим. С каждым годом все меньше становится людей, критически относящихся к личности последнего русского императора Николая II. Сегодня почти всем здравомыслящим людям стало ясно, что страна во время его правления жила значительно лучше и намного богаче, чем при последующих правителях. Но так уж сложилась наша история, что от нас, новых поколений, прятали, скрывали все то, чем нам надо было бы гордиться. Это при нем, нашем последнем российском монархе, Россия вышла на первое место по приросту

экономического потенциала, обогнав в этом самые высокоразвитые страны мира. Россия заявила о себе как о самом мощном в мире производителе хлеба, мяса, сливочного масла и других видов продовольствия. Она добывала больше всех в мире золота и платины, а экспорт на мировой рынок сливочного масла только из одной Сибири приносил ей золота в два раза больше, чем она его добывала сама. Россия была на первом месте в мире по заготовке дорогих мехов и пушнины и занимала в этой отрасли до 50% всего мирового экспорта. Страна быстрыми темпами развивала свою промышленность — Россия тогда больше всех в мире строила километров железнодорожных путей. Она в небывало короткий срок проложила самый длинный в мире железнодорожный путь из Европы, через всю Азию, до Тихого океана. Великая Транссибирская магистраль пролегла местами там, где еще не ступала нога человека. По трудности ее прокладки и скорости строительства она и по сей день не имеет себе аналогов. Сооружение ее явилось огромным событием для всей планеты, нашедшим широкий отклик в мировой прессе. Тогда писали, что после открытия Америки и постройки Суэцкого канала вся история человечества не знала более выдающегося события. От берегов Великого океана, через всю Россию, стали регулярно ходить экспрессы в Париж, Берлин, Варшаву, Петербург и Москву. Кроме этой железной дороги, Россия также строила десятки других. Даже знаменитый советский БАМ (Байкало-Амурская магистраль), на строительство которого коммунисты потратили несколько десятков лет, фактически начали строить еще до I мировой войны, и его строительство было законсервировано только с ее началом. До революции серьезно разрабатывался проект строительства железной дороги через Якутию на Чукотку и постройки тоннеля под Беринговым проливом на Аляску с прокладкой по нему железной дороги, которая должна была соединить Евразию с Американским континентом.

Тогда это удовольствие стоило четыреста семьдесят миллионов золотых российских рублей. И это России было по плечу. Страна постоянно искала новые рынки сбыта своего хлеба и других видов продовольствия. Была построена железная дорога через Маньчжурию к Тихому океану — КВЖД, по которой хлынул поток русского продовольствия на мировой рынок. Более 80% всей пахотной земли в стране принадлежало крестьянам и только 20% — крупным землевладельцам. Золотая монета четырех различных достоинств ходила в стране в простом обращении наравне с бумажными деньгами. Это золотая пятерка (5 р.), золотой червонец (10 р.) и золотые империалы по 15 и 25 рублей. Более мелкая монета от 5 копеек до одного рубля чеканилась из чистого серебра (самой высокой пробы, как и золотая). Самые мелкие монеты от пяти

копеек до грошика (одна четвертая копейки) чеканились из чистой красной меди. Такого себе ни одно из государств в мире не могло позволить. Русскому человеку, выезжающему за границу, не надо было менять свои рубли на иностранную валюту, так как русские деньги были желанной валютой на всем земном шаре. В стране при правлении императора Николая II были самые низкие налоги и самая дешевая в мире жизнь. Добавим к этому, что в России при Николае II были устойчивые и бездефицитные бюджеты. В 1914 году в Государственный сберегательный банк России населением Империи было вложено тридцать шесть миллионов золотых рублей. Это говорит о благосостоянии русского народа. В России во время рабочего дня работодатель должен был кормить рабочего за счет предприятия обязательно не реже одного раза (обед). При этом в рацион рабочего должно было входить не менее одного фунта мяса (400 г). Фунт мяса в России получали все, кто питался от работодателя, государства или от благотворительных организаций.

В дореволюционной России не было безработицы, в ней всегда требовались рабочие руки, и много иностранцев приезжало в Россию на заработки, чтобы поправить свое финансовое положение. Из того, что было построено при советской власти, многое было намечено еще тогда. Советская власть из намеченного сделала не так уж и много, старая Россия могла бы сделать больше. По признанию всего мира, в России было самое лучшее женское образование и страна ежегодно открывала одно высшее учебное заведение и восемнадцать тысяч начальных школ и народных училищ. В стране было лучшее в мире судопроизводство. Президент Северо-Американских Штатов Уильям Хоуард Тафт заявил, что император Николай II создал в своей стране самое лучшее рабочее законодательство, каким ни одно демократическое государство в мире не может похвастаться у себя. Миф о «завоеваниях Октября» — это всего лишь словоблудие коммунистов.

Император Николай II по праву считается основателем очень многого в России — будь то кино или авиация, подводный флот, автомобилестроение и броневойска. Это он первым предложил мировому сообществу сокращение вооружения и запрет оружия массового уничтожения, при этом имея самую мощную армию. Это его идея создать международную организацию по образцу сегодняшней Организации Объединенных Наций, а также международный третейский суд. И все это было еще в 1899 году. Однако миру потребовалось две мировые войны и множество малых войн и несколько революций, чтобы осознать и принять часть его идей.

Россия, имея громадные темпы развития, уже к концу 1920 — началу 1930-х гг. вышла бы на первое место в мире по всем показателям развития, обогнав другие высокоразвитые страны. Но пути Господни неисповедимы. После захвата власти коммунистами в 1917 году целые поколения людей ничего не знали о своей истории, которую им заменила коммунистическая идеология лжи. Однако ничего на свете не проходит бесследно и рано или поздно тайное станет явным.

В конце лета 1914 года Германия, Австро-Венгрия и их союзница Турция навязали России войну, которую она вела против них небезуспешно, совместно со своими союзниками — странами Антанты. Победа в этой войне твердо была обеспечена России, и она шла к ней, не сворачивая с пути. Но, повторяю, пути Господни неисповедимы. Могучая, богатая и Великая Россия была подло продана. Россию продали Германии коммунисты. За деньги, которые они получили от германского генерального штаба. Захватив в стране власть путем государственного переворота, они незаконно и самозвано правили более 70 лет, расстреляв и убив в концлагерях десятки миллионов граждан России.

Все прошлое, то есть история нашей страны, — это фундамент нашего будущего. В годы советской власти в этот фундамент были положены фальшивые кирпичи, и чтобы в будущем не рухнуло здание российской государственности, нам необходимо заменить фальшивые кирпичи на настоящие. Иначе сказать, мы должны знать всю подлинную правду о нашей истории — такой, какой она была на самом деле. Без этого нас ничто хорошее в будущем не ждет. Наша история — это наш приговор, от которого нам никуда не деться, и во имя своего будущего и будущего России мы должны выкинуть всю фальшь из нашего прошлого. Все, что было, уже никак не зачеркнешь, — хотя это порой очень хочется сделать. Только объективный взгляд на прошлое поможет нам в будущем. Рухнула и разбилась в прах ленинско-сталинская империя зла, а коммунисты под занавес все разбежались более чем по 100 различным партиям, чисто в воровских традициях, действуя по принципу: если кого и заметут, то кое-кто и останется. России наконец-то вернули подлинное имя и исторический герб — двуглавого орла. И страна уже больше не зовется непристойным названием — СССР. Пройдет и сегодняшняя эпоха разложившегося большевизма, а Россия останется, и ее история будет продолжена. Какой она будет?

Все зависит от нас. Если мы хорошо будем знать свое прошлое — как хорошее, так и плохое, — тогда нам будет из чего выбирать. Ибо все познается в сравнении. Для этой цели люди и пишут свою историю. А она продолжается...

2. ТАМБОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ

До революции Тамбовская губерния делилась на 12 уездов. Помимо губернского города Тамбова с уездом было еще 11 уездных городов, а также 13 поселков городского типа. Все уезды, в свою очередь, делились на 361 волость с 3462 селами и деревнями. Было еще множество отдельных хуторов, различных сельских хозяйств и поместий. Громадная по своей площади губерния под стать какому-нибудь европейскому государству имела около 4 миллионов населения. В городах губернии проживало всего 268 тысяч человек. Подавляющее большинство жителей жило в сельской местности, где занималось сельским хозяйством. Тамбовская губерния была расположена на лучших в мире черноземах, не имеющих аналогов на нашей планете. Здесь плодородный черноземный пласт в некоторых местах достигает глубины до четырех метров.

Еще в XIX веке губерния страдала от перепроизводства хлеба и других видов продовольствия, не имея достаточных рынков сбыта. Однако вскоре это положение было исправлено силами местного купечества совместно с государством. К концу XIX века по территории Тамбовской губернии было проложено несколько железных дорог. Таким образом, излишками производимого продовольствия стали питаться другие регионы России, а также многие европейские страны. Тем самым намного улучшилось материальное положение тамбовского крестьянства. До 1917 года Тамбовская губерния занимала по своему развитию пятое место в Российской империи среди 80 других губерний и административных образований и считалась, таким образом, одной из самых богатых губерний страны. С началом I мировой войны экономическое положение губернии несколько не ухудшилось, хотя в Европе она и потеряла многие рынки сбыта. Все это компенсировали поставки на нужды действующей армии. Таким образом, губерния не утратила темпов производства продовольствия и оставалась одной из лучших житниц Российской империи.

После государственного переворота в октябре 1917 года и насаждения насильственным путем советской власти Тамбовская губерния оказалась коммунистам активное сопротивление, активно сражалась с самозванцами за Учредительное собрание и законную власть. С подавлением коммунистами народно-крестьянского восстания Тамбовская губерния экономически скатилась на предпоследнее место в стране, потеряв две трети населения. В результате мероприятий коммунистов Тамбовщина, имея самые плодородные земли в мире, сегодня не может

прокормить даже себя. А ее лучшие в мире черноземы, с которых крестьяне когда-то собирали громадные урожаи, сегодня зарастают бурьяном.

Очень большой урон губернии нанесла сталинская коллективизация и репрессии 1920–1930-х и 1940–1950-х гг., II мировая война, в которую резко, как и после подавления крестьянского восстания, сократилось мужское население. Все это вместе взятое сильно ударило по генофонду тамбовского крестьянства. А колхозная система Сталина, по сути, раскрестьянила Россию, в том числе и Тамбовщину.

После всего сделанного, похоронив свои мечты о «мировой революции» и «построении коммунизма в отдельно взятой стране», зараза коммунизма нанесла вред не только России, но и другим странам. Стоит только вспомнить Камбоджу, которая оказалась в руках коммунистов второй Россией. Коммунисты, несомненно, нанесли нашей стране больше ущерба, чем 250-летнее татаро-монгольское иго. У России и Тамбовщины одна и та же судьба, так как Тамбовщина — это часть России.

3. ТАМБОВ **(историческая справка)**

Город Тамбов был основан в 1636 году, сначала как военная крепость, по указу царя Михаила Федоровича Романова на южных рубежах Московского государства¹⁴. Крепость была построена на старой Ногайской дороге, преградив собою путь на Русь крымским, азовским и ногайским татарам, ханства которых были осколками Золотой Орды и по традиции ходили грабить окраины земли русской.

Основателем Тамбова был государев стольник и шацкий воевода, боярин Роман Боборыкин. Именно он выбрал место для будущей крепости, которая строилась под его руководством. Как только крепость была построена, боярин Боборыкин стал ее первым воеводой. А посему его имя неразрывно связано с историей Тамбова, хотя современным жителям оно ничего и не говорит, так как они не очень хотят знать историю своего города. Хотя бы потому, что в центре города стоит памятник палачу тамбовской земли, а не основателю города.

Летоисцы Тамбова сбились со счета, сколько раз враги подходили к стенам крепости и сколько раз ее защитникам приходилось отбиваться от них. Однако они хорошо помнили, что крупных осад было 86, но крепость никогда не была взята неприятелем. Враги в нее попадали только как пленные.

¹⁴ Города России. Энциклопедия / Г.М. Лаппо. — М., 1994. С. 457.

После продвижения на юг границ Российской империи, присоединения к ней Азова и Крыма, Тамбов как крепость теряет свое значение. Он становится центром обширного края. А чуть позже — центром Тамбовской губернии. Накануне революции и гражданской войны Тамбов был вполне приличным европейским городом, не чуждым всех благ тогдашней цивилизации. Губернский город был связан густой сетью железных дорог со всей необъятной Российской империей. Жилые кварталы по вечерам были залиты электрическим светом, а витрины магазинов сияли рекламами. Работали телеграф, телефон и почта. В городе функционировали водопровод, канализация и центральное отопление. При населении в 70 тысяч человек в городе функционировало на десяток больше кинотеатров, чем сегодня, при населении в 360 тысяч жителей. Учебных заведений на одну тысячу человек приходилось гораздо больше, чем сегодня, спустя почти 100 лет. Молодежь города и губернии получала отличное образование в соответствии с потребностями времени. В Тамбове был прекрасный драматический театр, на сцене которого выступали лучшие артисты России. Об этом хорошо писал В.Л. Гиляровский, показавший тамбовский театр в своей книге «Люди театра» — сам Гиляровский был в свое время актером тамбовского театра¹⁵. В Тамбове были своя опера и оперетта, свой театр эстрады «Зеркало жизни». В городе часто гастролировали российские и зарубежные артисты. У рабочих и служащих вагоноремонтных мастерских был потрясающий самодеятельный театр, который успешно конкурировал с театром профессиональным. В Тамбове были свой цирк и зверинец, отличный ипподром и замечательный краеведческий музей, большая часть экспонатов которого была разграблена во время становления советской власти. Помимо краеведческого музея было также несколько специализированных музеев. Работало девять очень солидных банков, среди которых были и такие известные на весь мир, как Русско-Азиатский и Волжско-Камский. Выходило много газет и альманахов. А в 1914 году был открыт великолепный «Народный дом», где много было разнообразных кружков по интересам, а кроме этого, в городе было более ста различных обществ. Была очень хорошая скаутская детская организация, любимое детище полковника О.И. Пантюхова. Большевики-коммунисты, разогнав и запретив скаутское движение в России, скопировали с него свою пионерскую организацию, которая, будучи политизированной, не шла ни в какое сравнение со скаутской. Именно со скаутов, а не с пионерской организации Аркадий Гайдар написал свою книгу «Тимур и его команда», взяв за основу скаутов города Арзамаса времен I мировой

¹⁵ Гиляровский В.А. Люди театра. — М., 1941.

войны, руководителем которых был действительно мальчик, носящий имя Тимура, в советское время, по слухам, погибший на Соловках, на Сикир-горе. В Тамбове большой популярностью пользовались такие заведения, как Дворянское, Купеческое и Коммерческое собрания, доступные и широкой публике, при условии соблюдения принятых в них правил. При собраниях были замечательные летние сады, где по вечерам играли духовые оркестры расквартированных в Тамбове военных полков и любителей духовой музыки. Здесь по вечерам всегда было много гуляющей публики. Работали рестораны, бильярдные, а также летняя эстрада. Зимой в садах заливались катки, где дети и молодежь могли кататься и днем и вечером. Именно в одном из таких садов Тамбова впервые прозвучал марш «Прощание славянки», а дирижировал военным оркестром сам автор этого марша — капельмейстер Тамбовского драгунского полка В.И. Агапкин. Кстати, в Тамбове похоронен на Крестовоздвиженском кладбище и И.А. Шатров, автор широко известного вальса «На сопках Маньчжурии». А еще раньше в Тамбове, на сцене Масловского театра, состоялись премьеры всех опер композитора А.Н. Верстовского, включая и знаменитую «Аскольдову могилу», которая потом была поставлена в Петербурге и в Москве, а после — во многих столицах Европы и даже в Америке, в Нью-Йорке и на австралийском материке в Сиднее.

На реке Цне было много лодочных пристаней, а сама Цна была в то время рекой судоходной, по которой до Моршанска ходили пароходы. А для прогулок был на реке остров «Эльдорадо», на котором росли громадные дубы, работали рестораны, пели цыганские хоры и эстрада. При населении 70 тысяч человек, в городе было 5 гранд-отелей, 17 гостиниц, 10 постоянных дворов, 110 ресторанов и трактиров, 665 магазинов, а также неисчислимое количество всевозможных «чайных заведений» и «харчевен», а также всяких лавок и лавочек.

Не обойдены были в городе вниманием всякие бродяги и паломники, для которых были открыты так называемые «обжорки», куда за вход надо было платить алтын (3 копейки) и где можно было оставаться хоть целый день и есть жирные мясные щи, кашу и пирожки с ливером. За водку, однако, приходилось платить отдельно. По весне весь Тамбов утопал в цветущих садах, что очень радовало глаз. Когда поезд подходил к городу со стороны Саратова, Тамбов, погруженный в низину, весь просматривался с полотна железной дороги. По праздникам над Тамбовом плыл колокольный звон 31 православной церкви, однако в Тамбове были и храмы других вероисповеданий. Люди здесь в основном жили верующие, Божией милостью весьма зажиточно и богато. Более двух тысяч семей относились к купеческому званию различных гильдий.

Довольно много жило в Тамбове дворян, тех же фамилий, что в Петербурге и Москве. В городе жили и родственники императорской семьи, а также потомки грузинских царей и византийских императоров. Много в городе было военных, разночинцев, а также фабрикантов, заводчиков и людей различных интеллектуальных профессий. Однако 60% горожан принадлежало к мещанскому сословию. В основном это были лавочники, мелкие торговцы, мастерские ремесленники и кустари, которые над собой никогда не знали хозяина и работали на себя, держа небольшие мастерские, пекарни и другие заведения. Было очень много вольных профессий — это повара, кухарки, парикмахера, шоферы, извозчики, горничные, приказчики, сторожа, дворники, швейцары и т.д. Рабочий «класс» Тамбова трудился на 25 различных предприятиях, которые были в основном небольшие по размеру. Все рабочее сословие Тамбова едва перевалило за 1500 человек. Рабочий день на всех этих предприятиях, как правило, колебался от пяти до девяти часов. Однако тогда было очень много выходных дней и праздников, как религиозных, так и государственных. Воскресенье было обязательным выходным днем. А вот, например, на Пасху, Масленицу и Рождество отдыхали по целой неделе. Месячный заработок рабочего колебался (в зависимости от характера труда) от 27 рублей 90 копеек на свечном заводе, где в основном работали молодые девушки и женщины, до 300 рублей и более — на вагоноремонтных мастерских и чугунолитейном заводе Мохова, а также на асфальтовых и кирпичных заводах. Получку в Тамбове рабочие получали тогда не один раз в месяц, а еженедельно, каждую субботу, в короткий рабочий день, то есть четыре раза в месяц. При этом, как было сказано, квалифицированные рабочие получали до 300 рублей и более, а рабочие неквалифицированные — в пределах 100 рублей. Ученики-мальчишки рабочих специальностей получали в месяц 30–50 рублей.

Представление о характерных ценах на продукты того времени дают следующие цифры:

хлеб ржаной (здесь и далее цена за 1 кг)	— 7 коп.,
хлеб пшеничный	— 16 коп.,
литр водки (40 град. алкоголя)	— 17 коп.,
десяток яиц	— 30 коп.,
свинина	— 50 коп.,
говядина (1-й сорт)	— 57 коп.,
масло сливочное	— 1 руб.,
рабочая лошадь	— 70 руб.,
дойная корова	— 60 руб.

В Тамбове жизнь была намного дешевле, чем во многих других городах России ввиду того, что губерния была одной из лучших житниц империи. Особенно здесь были дешевы продукты.

Многие иностранцы пользовались тем, что в России были очень маленькие налоги, — открывали в ней свои предприятия, что государству также давало хороший доход. За соблюдением законных прав рабочих, которые были выделены в рабочее сословие, зорко следила так называемая «Государственная рабочая комиссия», которая не давала работодателям ущемлять права рабочих, дарованные им законодательством. И эта комиссия была намного эффективнее современных профсоюзов, так как имела больше прав. Комиссия имела право штрафовать работодателей за нарушение прав рабочих, и поэтому предприниматели боялись с ней связываться, предпочитая все конфликты решать с рабочими полюбовно, не доводя дело до госкомиссии.

Вот таким был Тамбов накануне революции и гражданской войны.

В I мировую войну Россия довольно успешно воевала с Германией и ее союзниками, продвигаясь к победе над ними. Россия, по сути, спасла от поражения своих союзников, и когда уже во всем мире стало ясно, что Германия войну проиграла, ее генеральный штаб, чтобы спасти хотя бы отчасти положение своей страны, решает использовать внутренних врагов России — своих агентов, Ленина и его компанию. Те за определенную мзду берутся помочь немцам и организуют в тылу России подрывную деятельность, при этом используя все, чтобы помочь Германии избежать полного поражения. Шайкой этих иуд раскачивается ситуация внутри России. В начале 1917 года обстановка внутри страны накаляется спровоцированными беспорядками. Многие генералы и государственные деятели советуют императору Николаю II прибегнуть к крайним мерам для наведения в Петрограде порядка. Однако император не хочет, чтобы из-за него пролилась кровь русского народа, и подписывает отречение от власти, передав ее своему брату Михаилу, который был согласен принять ее только от народа России.

Для этого намечается созвать Учредительное собрание, а пока было создано Временное правительство, которое, однако, не собиралось заключать сепаратный мир с Германией и ее союзниками и взяло курс на продолжение войны до победного конца.

Во Временное правительство вошли люди, мало смыслившие в государственных делах, среди них было много дилетантов, не умевших разобраться в текущем моменте. Генеральный штаб Германии направил в Россию Ленина, снабженного большими денежными средствами. Он с группой агентов приезжает в Россию через Скандинавию, развив

громадную подрывную деятельность на поражение России в войне и выходе ее из Антанты.

Русская армия после ухода государя-императора с политической сцены некоторое время, по инерции хорошо сражается с противником, а потом, подверженная анархии, разваливается, как картонный домик, и начинает разбегаться, бросая фронт, где усиленно работают по разложению армии большевики. Немецкие войска теперь имеют возможность продвигаться вперед в Польше и Прибалтике. Во время прибытия в Россию Ленина, одновременно с ним в страну приезжают офицеры германского генерального штаба с инструкциями к военнопленным поддерживать коммунистов во время их захвата в стране государственной власти и оказывать им всяческое содействие. По всей необъятной России, где в лагерях содержались военнопленные, эта инструкция была распространена при помощи самих коммунистов, а также других агентов Германии. Летом 1917 года коммунисты делают попытку государственного переворота в Петрограде. Она провалилась, и Ленин во избежание ареста вынужден бежать в Финляндию, где ему приходится вместе со своим другом Г.Е. Зиновьевым прятаться в шалаше, чтобы избежать суда по обвинению в уголовно-государственном преступлении. Генеральный штаб Германии разрабатывает новый план переворота, который намечается на декабрь 1917 года. Но события подталкивают сделать переворот раньше почти на полтора месяца. Австро-Венгрия была вконец разорена войной и больше не могла находиться в состоянии войны. 25 октября 1917 года она была готова капитулировать перед Россией. И чтобы Австро-Венгрию удержать от подобного шага, немцы отдают Троцкому приказ о начале государственного переворота. Из Финляндии прибывают Ленин и Зиновьев. Переодетые в рабочую одежду и русскую солдатскую форму, немецкие военнопленные при поддержке моряков-балтийцев, сплошь состоящих из анархо-коммунистов, разведя на Неве мосты и введя в нее военные корабли, совершают в России государственный переворот, арестовав Временное правительство, которое отправляют в Петропавловскую крепость. Коммунисты самозванно создают так называемое «Рабоче-крестьянское правительство», в которое не вошло ни одного рабочего, а тем более крестьянина. Захват государственной власти коммунистами вылился в Петрограде в грандиозную пьянку с разгромом винных погребов и складов, с массовыми убийствами жителей и насилием над женщинами, с ограблением государственного банка России, казначейства и монетного двора, а также многих частных банков. На украденные оттуда деньги большевики склоняют на свою сторону латышский стрелковый корпус и формируют из китайских рабочих, занятых на строительстве Мурманской

железной дороги и нанятых еще царским правительством, 65-тысячный стрелковый корпус. Таким образом, первой опорой советской власти были немцы, латыши и наемники-китайцы, а также выпущенные из тюрем уголовники.

Так Временное правительство уступило свою власть в России политизированным уголовникам-коммунистам, преступным путем захватившим государственную власть. В женском Смольном институте работала группа немецких офицеров генерального штаба над разработкой плана государственного переворота и ходом дальнейших событий в России, где для них было отведено несколько комнат, которые охраняли военнопленные-«интернационалисты».

29 октября 1917 года Ленин решил устроить во дворце Смольного института парад военнопленных — участников государственного переворота в России — они по-прежнему были переодеты в одежду рабочих и шинели русских солдат. Приветствуя их на немецком языке, он прокричал им: «Да здравствует мировая революция!», на что они ему дружно прокричали на немецком языке: «Да здравствует император Вильгельм!» Все еще только начиналось.

4. «ТАМБОВСКАЯ ВАНДЕЯ»; ИЛИ КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Прошли многие годы и десятилетия, как отгремели, уйдя в историю, те события. Сам факт народно-крестьянского восстания и гражданской войны на Тамбовщине и сегодня привлекает к себе внимание многих российских и зарубежных историков, журналистов, писателей и всех тех, кто хочет знать правду о восстании, которое было частицей нашей российской истории. Многие люди хотят знать о причинах этого восстания, о его целях и руководителях. Однако эта тема сложна и очень запутана по причине того, что с 1917 года нашу историю писали фальшивомонетки от истории, коммунистические идеологи. Именно они до сего дня продолжают называть это народное восстание крестьян «антоновщиной», по фамилии одного из участников восстания, якобы его возглавлявшего.

Несмотря на массу уничтоженных советской властью документов об этом народном восстании, в архивах еще сохранились те, из которых ясно видно, что А.С. Антонов никогда не был во главе восстания. В начале восстания он командовал одной из партизанских дружин, а позже в период крестьянской войны был начальником оперативного штаба одной из трех повстанческих армий. Этой армией командовал поручик Русской армии, георгиевский кавалер П.М. Токмаков, а после его

выдвижения на пост главкома всех повстанческих армий в Тамбовской губернии командование армией принял на себя штабс-капитан Митрофанович, а Антонов в этой армии по-прежнему состоял в качестве начальника штаба. В этой должности он оставался до самого конца восстания. 2-я повстанческая армия партизан, где Антонов был начальником штаба, была составной частью Единой (Объединенной) партизанской армии Тамбовского края, главкомом которой являлся П.М. Токмаков. Кроме того, в подчинении у Токмакова находились все территориальные силы самообороны и внутренняя охрана, как и народная милиция. Должность главкома Единой (Объединенной) партизанской армии Тамбовского края Токмаков совмещал с должностью председателя Союза трудового крестьянства, который стоял во главе народно-крестьянского восстания, а посему он и стоял во главе всего восстания, совмещая военную и гражданскую власть на всей свободной территории Тамбовской губернии. Союз трудового крестьянства, опираясь на свои 900 местных комитетов, руководил всей восставшей губернией. Антонов, будучи начальником штаба 2-й армии, был в прямом подчинении у командарма Митрофановича, а тот в подчинении главкома. Оба они исполняли все его команды и распоряжения, как по военной, так и политической части.

Сам П.М. Токмаков был офицером военного времени, происходил из крестьян села Иноковки Кирсановского уезда Тамбовской губернии.

Главком Объединенной партизанской армии Тамбовского края, председатель Союза трудового крестьянства, глава восстания поручик П.М. Токмаков

В 1904 году во время Русско-японской войны он был призван на действительную службу в Русскую армию. После окончания войны Токмаков остался в армии на сверхсрочную службу. Служил он в Петербурге, где был награжден медалями «За усердие» на станиславовской ленте и «В память 300-летия дома Романовых», дослужился до вахмистра. Во время I мировой войны, которую народ России называл в то время 2-й Отечественной войной, а большевики-коммунисты обозвали «империалистической», вахмистр Токмаков находился в действующей армии, на Галицийском фронте. На фронте он за свою отвагу был награжден полным бантом георгиевского кавалера, четырьмя крестами

и четырьмя Георгиевскими медалями. В 1915 году Токмаков был произведен в офицеры и дослужился к концу войны до чина поручика. В 1916 году он был награжден орденом Святой Анны 4-й степени и именным оружием (шашкой) с надписью «Подпоручику Токмакову за храбрость». Этот русский офицер из народа был подлинным патриотом своей Родины, совершавшим чудеса храбрости и самопожертвования во время войны за Россию.

После позорного Брест-Литовского мира и роспуска Лениным старой Русской армии поручик Токмаков возвращается на свою родную Тамбовщину, в свое село Иноковку, где занимается привычным крестьянским трудом. По дороге домой он достаточно насмотрелся на то, как распадалась старая и совсем недавно могучая Российская империя, оставшаяся без своего царя, который был символом единства народов России. Ее внутренние враги совместно с иноземным сбродом топтали ногами ее былую славу и величие. Приехав в Иноковку, он и здесь увидел воочию всю гадость и подлость, которую несли России ее враги коммунисты. Собрав вокруг себя русских крестьян-патриотов, он организовал партизанский отряд для борьбы с самозванцами. Вскоре крестьяне избирают его председателем Союза трудового крестьянства, который затем подымает на борьбу с властью коммунистов всю Тамбовскую губернию. Сначала Токмаков командует партизанским отрядом, затем 2-й партизанской армией повстанцев, а после выдвигается на пост главнокомандующего всеми силами народных партизан Тамбовщины. Под его началом крестьяне сражаются за законную власть в стране, отстаивая идею Учредительного собрания.

Миф о том, что А.С. Антонов стоял во главе восстания, был придуман лично Лениным и на протяжении многих десятилетий использовался советскими фальшивомонетчиками от истории.

В действительности дело обстоит так. С самого начала коммунисты и эсеры не могли поделить в России незаконно захваченную власть. И коммунисты на своих товарищей по революции обрушили репрессии. Чтобы оправдаться за это перед коммунистическим Интернационалом, Ленин приказал валить всю вину за все восстания против советской власти на социалистов-революционеров (эсеров), даже в тех случаях, когда последних там не было и близко.

Антонов до революции действительно был еще с мальчишеских лет членом этой террористическо-революционной организации, которая, как и коммунисты, занималась преступной деятельностью. Но в 1918 году, еще до того, как эсеры и коммунисты разошлись, Антонов подал заявление в эсеровскую организацию, в которой состоял на учете, о

выходе из партии ввиду того, что, по его мнению, как эсеры, так и коммунисты предали идеалы революции.

В это время он находился на посту первого советского начальника милиции Тамбовской губернии. Позднее он переводится из Тамбова в город Кирсанов Тамбовской губернии начальником уездной милиции, а затем, создав там боевую партизанскую дружину, уходит с ней на нелегальное положение в лес и до конца своей жизни с оружием в руках воюет с советской властью. Антонова хорошо знали в Тамбове по 1905 и 1917 гг., как члена партии эсеров. Его выход в 1918 году из нее не был предан широкой огласке, и поэтому коммунисты и взвалили на него всю ответственность за восстание, так как готовили процесс против партии эсеров, который состоялся в 1922 году в год его гибели.

А.С. Антонов родился в 1888 г. в Москве, детство провел в городе Кирсанове Тамбовской губернии, учился в Тамбове, в реальном училище, откуда был исключен за распространение эсеровских прокламаций. Боясь возвращения домой в город Кирсанов, так как знал крутой нрав своего отца, он решил туда не ехать и остался в Тамбове.

А.С. Антонов — ученик Тамбовского
реального училища

В это время в тамбовских вагоноремонтных мастерских у эсеров была довольно сильная подпольная организация, и они помогли ему устроиться туда на работу учеником столяра. Здесь он в свои 16 мальчишеских лет был принят в партию социалистов-революционеров. Во время первой русской революции 1905 года Антонов входит в довольно известный круг революционной молодежи эсеровского толка, в котором помимо него состоят такие люди, как известная террористка Мария Спиридонова, застрелившая на перроне вокзала в городе Козлове полковника Г.Н. Луженовского. Катин и Кузнецов, оба также из вагоноремонтных мастерских, застрелили тамбовского вице-губернатора Богдановича,

а студент Кудрявцев зверски застрелил в Петербурге бывшего тамбовского губернатора фон Лауница. В этой организации был также Юрий Подбельский (родной брат будущего ленинского наркома Вадима Подбельского) и еще целый ряд им подобных. В это время в истории России был такой период, когда взрослые рецидивисты-революционеры разлагали молодежь романтикой революции, затягивая в свои сети, а затем используя ее в своих интересах. Так тогда произошло со всеми этими молодыми людьми. Антонов, несмотря на свои юные годы, активно включился в деятельность своей криминально-подпольной организации. Он, подобно Сталину-Джугашвили и Камо-Тер-Петросяну, был занят экспроприацией, а по-русски — разбоем. Вскоре о нем из прессы узнала вся Россия. Антонов был привлечен к суду за ограбление почтового вагона, в котором перевозились деньги, золото и другие ценности. За это он получил 20 лет каторги, которую отбывал сначала в Шлиссельбургской крепости, а затем во Владимирском центральном. Так закончился первый период его жизни.

В России тем временем сменялись события. Великий государственный деятель и реформатор П.А. Столыпин после Русско-японской войны и сопутствующей ей революции занялся наведением порядка и в довольно короткое время весьма в этом преуспел. Император Николай II дал стране конституцию и учредил парламент, который назывался Государственной Думой. Политизированные уголовники-революционеры убили П.А. Столыпина, понимая, что он опасен для их дальнейшего существования. Затем в 1914 году Россия была втянута в мировую войну. И тогда, когда Россия стояла на пороге победы, императора вынудили отречься от престола, а до созыва Учредительного собрания Россией управляло Временное правительство. Старое опытное руководство было отправлено в отставку, а новое в погоне за мнимой демократией постепенно окунуло страну в анархию. По всей стране кипели страсти.

Крестьяне Тамбовской губернии в своем большинстве довольно болезненно перенесли отречение от престола императора Николая II. Не разбираясь в оттенках всевозможных политических партий, теперь они все уповали на созыв Учредительного собрания, которое, по их разумению, справедливо и по-божески должно решить дальнейшую участь России. Начиная с апреля и по сентябрь 1917 года в Тамбове в здании бывшей Нарышкинской читальни-библиотеки с небольшими интервалами состоялись три губернских крестьянских съезда. На первом съезде был учрежден губернский Союз трудового крестьянства, а также был принят ряд важных резолюций, определяющих дальнейшую линию тамбовского крестьянства. Первый апрельский губернский съезд крестьян

выпустил такой документ и постановил следующие к исполнению его решения:

1. Признать политику Временного правительства правильной. Войну необходимо довести до победного конца, не заключая с Германией сепаратного мира отдельно от наших союзников.

2. Безвозмездно собрать хлеб и другое продовольствие среди крестьян Тамбовской губернии для нужд действующей армии и все это передать «Правительственному комитету».

3. С первого на второе ноября 1917 года, как это уже было ранее заявлено, приступить к выборам в Учредительное собрание (выборы состоялись 26–28 ноября 1917 года. — Б.С.), которое должно будет решить дальнейшую участь государства: быть ему дальше, как и прежде, монархическим или принять иные формы правления (например, демократическая республика). Но на это имеет право только одно Учредительное собрание, через своих всенародно избранных депутатов.

4. Ни в коем случае нельзя допустить самовольного захвата земли, а ждать по этому вопросу решения Учредительного собрания, чтобы не скатиться в анархию, как это уже было в 1905 году. Не слушать подстрекателей большевиков, которые на самом деле никогда не были друзьями народа.

5. Крестьянам необходимо создать свой союз, который должен быть освобожден от влияния какой-либо политической партии. Называться он должен Союзом трудового крестьянства¹⁶.

На этом 1-й губернский крестьянский съезд закончил свою работу. Все его решения и резолюции были одобрены и поддержаны делегатами съезда и всеми последовавшими за ним съездами. Эти съезды уже в основном занимались текущими делами и подготовкой к избирательной кампании в Учредительное собрание, а также выдвижением туда кандидатов в депутаты от Тамбовской губернии. Из всего этого хорошо видна высокая гражданственность русских крестьян.

Всего за месяц до выборов депутатов в Учредительное собрание 25 октября 1917 года в Петрограде коммунисты вкупе с левыми эсерами и анархистами (весь Балтийский флот был сплошной анархией) совершили в Петрограде государственный переворот, уголовно-бандитскими средствами захватив государственную власть.

Ни Тамбов, ни губерния тогда этой самозваной власти не признали. В Тамбове она была навязана силой оружия только через полгода после государственного переворота, а в губернии ее навязали народу только в 1921 году, при этом убив почти две трети всего населения Тамбовской губернии.

¹⁶ Архив автора.

А как же Тамбов встретил весть о государственном перевороте? Об этом сегодня можно сказать одним словом — отрицательно. Как только весть дошла до Тамбова, население города вышло на улицы с демонстрациями протеста и митингами. К Тамбову присоединились и многие другие уезды губернии. Был создан «Комитет спасения Родины от большевизма». В него вошли многие организации, такие, как «Союз увечных воинов», «Организация учащихся», «Союз инженеров», «Крестьянский комитет», «Союз трудового крестьянства», «Союз служащих», рабочие железнодорожного депо, вагоноремонтных и артиллерийских мастерских, а также «Союз работников почты и телеграфов» и другие. Все они в своих митингах и собраниях постановляли не признавать самозванной власти немецких наймитов и шпионов. Население Тамбова и губернии провозгласило своей властью до созыва Учредительного собрания «Временный губернский исполнительный комитет». Во всех городах и уездах губернии народ требовал ускорить начало выборов в Учредительное собрание. Но несмотря на то, что выборы состоялись только 26–28 ноября 1917 года, они состоялись почти по всей необъятной бывшей Российской империи. Число избирателей без учета занятых неприятелем территорий, принявших участие в этих выборах, составляло 85 миллионов человек. Хотя после государственного переворота в стране царили анархия и хаос, статистическое управление бывшей Российской империи работало еще четко. Выборы прошли в установленный срок, голоса были подсчитаны, а результаты обнародованы. Народ с нетерпением ждал выборов в Учредительное собрание, надеясь на то, что оно даст стране законное правительство, которое сумеет навести порядок и покончить с анархией. Преодолевая всевозможные препятствия и преграды, чинимые самозванцами, депутаты Учредительного собрания в начале января 1918 года собираются в Петрограде, чтобы приступить к своим обязанностям.

Однако после открытия Учредительного собрания коммунисты поняли, что им не видать власти как своих ушей. Это также не устраивало и их хозяев, немцев, с которыми Россия еще формально находилась в состоянии войны. Поэтому коммунисты, применив силу, разогнали Учредительное собрание, попутно убив некоторых его депутатов. А на улицах Петрограда большевики расстреляли демонстрацию рабочих, которые вышли на улицы столицы в поддержку Учредительного собрания. Ленин и Троцкий расстреливали питерских рабочих при помощи наемников латышей, китайцев, бывших военнопленных, названных «интернационалистами», а также матросов анархо-коммунистов с кораблей Балтийского флота.

Таким образом, в России была начата гражданская война, которая продолжалась пять лет, унеся в могилы многих людей. Тамбов по-прежнему не хотел принимать власть самозванцев.

Весной 1917 года в Тамбов возвратился с каторги А.С. Антонов, по манифесту Временного правительства об амнистии. На вокзале его встречала громадная толпа местных революционеров, «краснобандочников», как их тогда называли в Тамбове, и зеленая революционная молодежь. Выйдя из вагона на подножку, он поднял над головой цепи кандалов, от чего толпа встречающих восторженно взревела и подхватила его на руки, минуя перрон, вынесла в город. От самого вокзала и до Нарышкинской библиотеки-читальни Антонова несут на руках через весь город, при этом во всю глотку горланя революционные песни, чередуя их с духовым оркестром, исполняющим Марсельезу, Интернационал и Варшавянку. Библиотека, где к тому времени революционно настроенная публика организовала свой притон, была построена на личные деньги князя Нарышкина и подарена им Тамбову для просвещения горожан. Теперь она служила для различных сборищ, съездов и конференций. Здесь А.С. Антонову закатили тогда грандиозный банкет и встречу, как мученику за дело революции, пострадавшему от царской каторги. Кандалы, которые им были привезены с собой из Владимирского централа, тут же были распилены на части и розданы как сувениры присутствующим. Такой почетной встречи не был удостоен в Петрограде даже Ленин, прибывший из-за границы на Финляндский вокзал.

После своего возвращения с каторги в Тамбов Антонов вновь с головой уходит в революционную работу. Он как прежде становится на партийный учет в вагоноремонтные мастерские, примкнув к фракции левых эсеров. Вскоре, при поддержке местного совета и городской управы, Антонова выдвигают на пост начальника губернской милиции. Полиция к тому времени была упразднена Февральской революцией по всей России, а в новой милиции были дилетанты, как, впрочем, и везде в то революционное время. Поэтому волна криминала начала захлестывать Россию. Не миновала она и Тамбов. Таким образом, Антонову досталась очень горячая должность. Ранее постоянно живя в разногласии с законом, теперь он по призыву революции берется навести в городе порядок и очистить его от криминала. Антонов совместно с городской управой и различными общественными организациями разрабатывает план. Тамбов в это время — летом 1917 года — уже стал наводняться дезертирами, бежавшими с фронтов мировой войны, а также беженцами из Польши и Прибалтики. Кроме политических преступников, из тюрем и с каторги были выпущены все уголовники. В городе чуть не каждый день проходили кражи, грабежи и убийства. Тамбов был

довольно богатый город, и уголовникам здесь было чем поживиться. Ко всему этому в городе было размещено несколько запасных полков, которые ввиду новых революционных веяний основательно разложились. Они беспрерывно митинговали, требуя для себя всевозможных льгот, отказывались ехать на фронт и пропивали военное имущество, разворовывая его со складов. Нацепив на свои шинели и гимнастерки красные банты и горланя во всю глотку революционные песни, они шлялись по городу, задирая прохожих, а порой отнимая у них имущество и деньги. Горожане очень страдали от этих разложившихся, но сплоченных солдат, которые никому не хотели подчиняться. Офицеры этих запасных полков частично уехали на фронт с маршевыми ротами, на пополнение действующей армии. Те из офицеров, кто еще оставался в этих полках, уже никак не могли повлиять на сложившуюся ситуацию и тем более держать ее под контролем. А разложившиеся вконец солдаты задавали в городе тон, занимаясь грабежами и разбоем по ночам, то здесь, то там, вырезая целые семьи зажиточных горожан. Единственной дисциплинированной воинской частью в городе был ударный батальон, который находился в стадии формирования и не мог повлиять на сложившееся в городе положение. С присущей ему энергией и упорством Антонов берется за наведение в городе порядка. Трезво и серьезно оценив все возможности, первым делом он обратился к рабочим вагоноремонтных мастерских, где когда-то сам работал. Антонов просит у них поддержки, и они ему ее оказывают. «Гегемоны» помнят его еще мальчишкой, когда он работал там учеником столяра, и они считают его своим. Тогда Антонов берет со складов городской управы, расположенных на территории сегодняшней мэрии, 1 000 винтовок и вооружает рабочих. К нему присоединяются горожане и ударный батальон добровольцев. Городская управа, возложив на себя ответственность, проводит демобилизацию запасных полков, распуская их всех по домам, и они покидают город. Оцепив вокзал, рабочие и ударники батальона перекрывают в город доступ дезертирам. Одновременно дезертиров разоружают постоянно курсирующие по городу патрули городской милиции. Вскоре Антонову благодаря крутым мерам удается навести в городе порядок. Порой с помощью расстрела на месте преступлений, порядок в городе был восстановлен. От городской управы Антонов получает благодарность, как и от горожан.

Город становится тихой заводью посреди океана нарастающей преступности в стране. Антонов как левый эсер остается на посту начальника губернской милиции и после переворота 1918 года в Тамбове, совершенного коммунистами, так как левые эсеры входили тогда в ленинский совнарком. Таким образом, Антонов — первый начальник

губернской милиции при советской власти. Уже в советское время ему удается успешно разоружить два чехословацких эшелона, чего не смогли сделать другие. За это он от советской власти получает в награду именное оружие — маузер. Однако, смотря на все вокруг происходящее, Антонов все больше убеждается в том, что революция ничего не внесла хорошего в жизнь России. Наоборот, все хорошее, что только было в стране, с каждым днем рушилось и погибало по вине революции и тех хамов, которые благодаря революции утвердились у власти.

У Антонова, начальника губернской милиции, сложились очень хорошие отношения с руководством Кирсановской уездной милиции, которой он достаточно много помог. После раздумий он написал заявление в свою партийную организацию эсеров, что он выходит из партии, по причине того, что эсеры и большевики предали идеалы революции, и он не может больше оставаться в партии и просит себя впредь считать беспартийным. Его заявление тогда не было предано широкой огласке, так как такой авторитетный член партии, как Антонов, не должен был бросать тень на нее. Это вскрыется позже. В личной просьбе в губисполком он просит освободить его от должности начальника губернской милиции и направить его в город Кирсанов на должность начальника уездной милиции. Работники Кирсановской милиции пишут в губисполком свою просьбу о переводе к ним Антонова. И губисполком их просьбу удовлетворяет. В Кирсанове Антонов себя почувствовал более свободно, чем в губернском Тамбове.

Здесь он подобрал и сплотил вокруг себя хороших единомышленников, собрал достаточное количество оружия и боеприпасов, организовал на первый случай надежные базы. Создав сплоченную боевую дру-

жину, Антонов перешел на нелегальное положение и отныне и до конца своей жизни он уже сражался против советской власти. Погиб Антонов в неравном бою с чекистами 24 июня 1922 года. Погиб достойно, стойко сражаясь, до конца так и не сложив оружия, погиб вместе со своим братом Дмитрием, в селе Шибрай, преданный своим другом, от которого я и узнал все обстоятельства его

Убитые братья Антоновы. На первом плане Александр, на втором — Дмитрий

гибели. Этот человек потом прожил довольно долго, мучаясь всю жизнь от своего большого греха.

Большинство советских источников утверждают, что восстание тамбовских крестьян началось в 1920 году. Это неверно — оно возникло в начале 1918 года, как только самозванная власть коммунистов начала навязывать свои порядки. Сначала восстание носило местный характер и проходило в некоторых районах Тамбовской губернии. Затем оно ширилось и крепло, а в 1920 году, охватив уже почти всю губернию, приобрело формы организованного восстания, которое доставило много головной боли власти коммунистов. Восставшие организуются: из разрозненных отрядов партизан летом 1920 года формируются три партизанские армии, впоследствии сведенные под единое главное командование. Была провозглашена демократическая республика Тамбовского партизанского края. Помимо партизанских полков была создана внутренняя охрана, милиция, прокуратура, издавалась своя повстанческая пресса. 900 комитетов Союза трудового крестьянства работали в деревнях и селах всех уездов на свободной территории Тамбовской губернии, которая находилась под контролем народных партизан. Народ Тамбовской губернии по-прежнему требовал созыва Учредительного собрания и законной власти в стране. В Совнаркоме, ВЦИК и ЦК РКП(б) хорошо понимали серьезность восстания, которое постепенно перекидывалось и на другие губернии России. Культура страны и ее духовно-нравственная среда были революцией искорежены и деформированы до неузнаваемости. Бога больше не почитали, а значит — опустошались души народа. Все недопустимое теперь стало возможным. Страна приобретала очертания звериного характера, так как все святое в ней было поругано и предано.

Нет прежней России. Однако ее стойкая часть берется за оружие, чтобы спасти свою Родину. Белое движение возникает на юге, севере, востоке и западе бывшей империи. Оно борется за «Единую и Неделимую Россию», а в это время Ленин без конца подписывает декреты на самоопределение всем народам, населяющим страну. Развал Российской империи входил в план германского генерального штаба. Ленин приглашает немцев для оккупации западных областей России. Немцы оккупировали Польшу, Украину, Прибалтику и западные губернии России. Тысячи эшелонов вывозят в изголодавшуюся за войну Германию русский хлеб и продовольствие, стратегическое сырье, металл, нефть, лес, каменный уголь и даже часть золотого запаса. Демонтируется оборудование военных заводов, а все вооружение старой Русской армии передается коммунистам для борьбы с патриотами Белого движения и народом России. В портовых городах страны высаживаются бывшие

союзники России, так как там скопилось много военных грузов, которые Россия заказывала для ведения войны на заводах своих союзников, а коммунисты все это намеревались передать Германии. Высадка союзников производилась с целью защиты военного имущества от передачи его Германии, с которой они по-прежнему находились в состоянии войны. Коммунисты завопили тут же на весь мир об военной интервенции против Советской России, но промолчали о том, что сотни тысяч иностранных солдат-«интернационалистов» топчут русскую землю и расстреливают граждан России. Подписав с Германией унижительный для России Брест-Литовский мир, мартовской ночью Ленин со своим кагалом тайно покидает Петроград и, спрятавшись за штыки «интернационалистов», направляется в Москву — его поезд пытаются перехватить моряки-балтийцы, но ему удается от них ускользнуть. Россия отдается Лениным на разграбление Германии. Официально по Брест-Литовскому договору Россия должна была Германии выплатить громадные репарации, будто не Германия, а Россия напала на нее. Ленин все это делал в обмен на власть, которую он получил благодаря Германии. Как говорит русская пословица — «долг платежом красен».

В 1918 году, получив власть из рук немцев, Ленин использует все, чтобы ее удержать. Многие декреты советской власти изумляют своей дурью, а другие — жестокостью, изуверством и ненужной беспощадностью. Вот некоторые из подобных декретов — судите о них сами. Коммунисты опубликовали их в Кронштадте, Пулкове, Луге, Владимире, Саратове. Сегодня вы нигде не встретите упоминание об этих декретах в истории советской власти. Невыгодно ей это, как и всем ее сторонникам. Но слово из песни не выкинешь — они были, и глупо утверждать, что этих декретов не было. Года два тому назад, когда я писал эти строки, у меня возник по этому поводу спор с нашими местными историками, которые меня упрекали за то, что я вечно выкапываю небылицы. Я тогда не стал с ними спорить, так как хорошо знал, где и какое они получили образование. Но вскоре из Москвы мною была получена бандероль, которую я не ждал. Она пришла из Государственной Думы от одного из депутатов, который мне не был лично знаком. В бандероли находилась стопка газет «За права человека» общероссийского общественного движения «За права человека» и Московской правозащитной организации «Горячая линия» за 1999 год, в одной из которых в сокращенном виде был помещен декрет Совдепа города Саратова, который ныне хранится в архиве Орловского областного управления ФСБ РФ. К счастью, я располагал полным текстом этого декрета, а также аналогичным ему декретом Владимирского совдепа, который в 1918 году был опубликован в газете «Известия». В «Малой советской энциклопедии»

издания 1920–1930-х гг., в разделе «Партийная этика» косвенно упоминается об этих декретах и сетуется на то, что «...в наше переходное время нет еще достаточных экономических предпосылок для полного раскрепощения женщины»¹⁷.

Вот оба эти исторических документа, в силу которых советская власть и коммунисты собирались отменить не только частную собственность, но и семью, как первичную ячейку буржуазного быта.

Декрет
Владимирского совдепа
«О раскрепощении женщин»¹⁸

1. С 1 марта 1918 года в городе Владимире отменяется частное право на владение женщинами (брак отменен, как предрассудок старого капиталистического строя). Все женщины объявляются независимыми и свободными. Каждой девушке, не достигшей 18 лет, гарантируется полная неприкосновенность ее личности. «Комитет бдительности» и «Бюро свободной любви».

2. Каждый, кто оскорбит девушку бранным словом или попытается ее изнасиловать, будет осужден ревтрибуналом по всей строгости революционного времени.

3. Каждый изнасиловавший девушку, не достигшую 18 лет, будет рассматриваться как государственный преступник и будет осужден ревтрибуналом по всей строгости революционного времени.

4. Всякая девица, достигшая 18-летнего возраста, объявляется собственностью республики. Она обязана быть зарегистрирована в «Бюро свободной любви» при «Комитете бдительности» и иметь право выбирать себе среди мужчин от 19 лет до 50 себе временного сожителя-товарища.

Примечание. Согласия мужчины при этом не требуется. Мужчина, на которого пал выбор, не имеет права заявлять протест. Точно так же это право предоставляется и мужчинам при выборе среди девиц, достигших 18-летнего возраста.

5. Право выбора временного сожителя предоставляется один раз в месяц. «Бюро свободной любви» при этом пользуется автономией.

6. Все дети, рожденные от этих союзов, объявляются собственностью республики и передаются роженицами (матерями) в советские ясли, а по достижении 5 лет в детские «дома-коммуны». Во всех этих заведениях все дети содержатся и воспитываются за общественный счет.

¹⁷ Малая советская энциклопедия. Т. 6. — М., 1930. С. 332.

¹⁸ Архив автора.

Примечание. Таким образом, все дети, освобожденные от пред-
рассудков семьи, получают хорошее образование и воспитание. Из
них вырастет новое здоровое поколение борцов за «мировую рево-
люцию».

Совдеп города Владимира. 01.01.1918 г.

Далее приводится декрет Саратовского совдепа, который имеет не-
которые разночтения с Владимирским, но, в общем, аналогичен ему.
Эти декреты местных совдепов вводились пробно и в случае их прова-
лов ответственность за них несли местные совдепы, а не Совнарком. Но
такие декреты грозили взрывом негодования населения, и коммунисты
побоялись попробовать их осуществить.

Когда вышел такой декрет в Саратове, после его обнародования ты-
сячи жителей города, прихватив с собой дочерей и жен, устремились в
Тамбов, который не признавал советской власти, управляемый Времен-
ным исполнительным комитетом и городской управой. Таким образом,
Тамбов в это время увеличился в населении почти вдвое. Однако город
всем дал приют, так же как и во время нашествия Наполеона в 1812
году. Все саратовские беженцы были размещены в гостиницах и по до-
мам горожан, где им был оказан хороший прием и где они были
окружены заботой.

Декрет

Саратовского губернского совета народных комиссаров
об отмене частного владения женщинами¹⁹

Законный брак, имеющий место до последнего времени, несо-
мненно является продуктом того социального неравенства, которое
должно быть с корнем вырвано в Советской республике. До сих пор
законные браки служили серьезным оружием в руках буржуазии в
борьбе с пролетариатом, благодаря только им все лучшие экземп-
ляры прекрасного пола были собственностью буржуев, империали-
стов, и такую собственность не могло не быть нарушено правиль-
ное продолжение человеческого рода. Поэтому Саратовский губерн-
ский совет народных комиссаров, с одобрения Исполнительного ко-
митета Губернского совета рабочих, солдатских и крестьянских де-
путатов, постановил:

1. С 1 января 1918 года отменяется право постоянного владения
женщинами, достигшими 17 лет и до 32 лет.

Примечание. Возраст женщин определяется метрическими выпи-
сками, паспортом. А в случае отсутствия этих документов — квар-
тальными комитетами или старостами по наружному виду и свиде-
тельским показаниям.

¹⁹ За права человека. — М., 1999. № 4-5. С. 8.

2. Действие настоящего декрета не распространяется на замужних женщин, имеющих пятерых и более детей.

3. За бывшими владельцами (мужьями) сохраняется право на внеочередное пользование своей женой.

Примечание. В случае противодействия бывшего мужа в проведении сего декрета в жизнь он лишается права предоставляемого ему настоящей статьей.

4. Все женщины, которые подходят под настоящий декрет, изымаются из частного владения и объявляются достоянием всего трудового класса.

5. Распределение заведывания отчужденных женщин предоставляется Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, уездными и сельскими по принадлежности...

6. Граждане мужчины имеют право пользоваться женщиной не чаще четырех раз в неделю в течение не более трех часов при соблюдении условий, указанных ниже.

7. Каждый член трудового коллектива обязан отчислять от своего заработка два процента в фонд народного образования.

8. Каждый мужчина, желающий воспользоваться экземпляром народного достояния, должен предоставить от рабоче-заводского комитета или профессионального союза удостоверение о своей принадлежности к трудовому классу.

9. Не принадлежащие к трудовому классу мужчины приобретают право воспользоваться отчужденными женщинами при условии ежемесячного взноса, указанного в п. 7 в фонд 1 000 руб.

10. Все женщины, объявленные настоящим декретом народным достоянием, получают из фонда народного поколения вспомоществование в размере 280 руб. в месяц.

11. Женщины забеременевшие освобождаются от своих обязанностей прямых и государственных в течение 4-х месяцев (3 месяца до и один после родов).

12. Рождаемые младенцы по истечении месяца отдаются в приют «Народные ясли», где воспитываются и получают образование до 17-летнего возраста.

13. А при рождении двойни родительнице дается награда в 200 руб.

...

16. Виновные в распространении венерических болезней будут привлекаться к законной ответственности по суду революционного времени.

Совету поручается вносить улучшения и проводить усовершенствования по данному декрету.

Инициаторами этих декретов были члены Совнаркома и ЦК РКП(б) А.М. Коллонтай и фиктивная жена Ленина Н.Д. Крупская. Обе эти партийные бабенки считали, что семья является зачатком буржуазного общества и только стадное воспитание детей даст новое поколение революционеров — идейных борцов за дело «мировой революции». А брак — это выдумка эксплуататоров, которые сделали женщин крепостными. Опубликование этих декретов встретило большое сопротивление всего народа. Ленин по этому поводу тогда сказал, что это преждевременно и на данном этапе революции может ей сослужить плохую службу. Декрет, готовый к его подписи, был отложен на потом, до более благоприятного времени.

По всей России полыхала война, спровоцированная коммунистами. Миллионы гибнут. Россия буквально взмокла от крови «красного террора» и созданной для его проведения ЧК. Патриарх Московский и Всея Руси Тихон, впоследствии причисленный Русской Православной церковью к лику Святых, анафемствует новых самозванных властителей России.

Смиренный Тихон, Божию милостию Патриарх Московский
и всея России, возлюбленным о Господе архипастырям,
пастырям и всем чадам Православной Церкви Российской²⁰

Тяжкое время переживает ныне Святая Православная Церковь Христова в Русской земле: гонение воздвигли на истину Христову явные и тайные враги сей истины и стремятся к тому, чтобы погубить дело Христово, и вместо любви христианской всюду сеют семена злобы, ненависти и братоубийственной брани.

Забыты и попораны заповеди Христовы о любви к ближним: ежедневно до Нас известия об ужасных и зверских избиениях ни в чем не повинных и даже на одре болезни лежащих людей, виновных разве в том, что честно исполняли свой долг перед Родиной, что все силы свои полагали на служение благу народному. И все это совершается не только под покровом ночной темноты, но и въявь, при дневном свете, с неслыханною доселе дерзостью и беспощадною жестокостью, без всякого суда и с попранием *всякого права и законности* — совершается в наши дни во всех почти городах и весях нашей Отчизны: и в столицах, и на отдаленных окраинах (в Петрограде, Москве, Иркутске, Севастополе и др.).

Все сие переполняет сердце Наше глубокою болезненною скорбию и вынуждает Нас обратиться к таковым извергам рода

²⁰ Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 гг. / Сост. М.Е. Губонин. — М., 1994. С. 82–85.

человеческого с грозным словом обличения и прещения по завету св. апостола: «Согрешающих пред всеми обличай, да и прочие страх имут».

Опомнитесь, безумцы, прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, не только жестокое дело, это поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей — загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей — земной.

Властию, данной Нам от Бога, запрещаем вам приступать к Тайнам Христовым, анафемствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной.

Заклинаем и всех вас, верных чад Православной Церкви Христовой, не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение: «Измите злаго от вас самех».

Гонение жесточайшее воздвигнуто и на Святую Церковь Христову: благодатные таинства, освящающие рождение на свет человека или благословляющие супружеский союз семьи христианской, открыто объявляются ненужными, излишними; святые храмы подвергаются или разрушению чрез расстрел из орудий смертоносных (святые соборы Кремля Московского), или ограблению и кощунственному оскорблению (часовня Спасителя в Петрограде); чтимые верующим народом обители святые (как Александро-Невская и Почаевская лавры) захватываются безбожными властелинами тьмы века сего и объявляются каким-то якобы народным достоянием; школы, содержащиеся на средства Церкви Православной и подготавливавшие пастырей Церкви и учителей веры, признаются излишними и обращаются или в училища безверия, или даже прямо в рассадники безнравственности. Имущества монастырей и церквей православных отбираются под предлогом, что это — народное достояние, но без всякого права и даже без желания считаться с законною волею самого народа... И наконец, власть, обещавшая водворить порядок на Руси, право и правду, обеспечить свободу и порядок, проявляет всюду только самое разнузданное своеволие и сплошное насилие над всеми и, в частности, — над Святою Церковью Православной.

Где же пределы этим издевательствам над Церковью Христовой? Как и чем можно остановить наступление на Нее врагов неистовых?

Зовем всех вас, верующих и верных чад Церкви: станьте на защиту оскорбляемой и угнетаемой ныне Святой Матери нашей.

Враги Церкви захватывают власть над Нею и Ее достоянием силою смертоносного оружия, а вы противостаньте им силою веры вашей, вашего властного всенародного вопля, который остановит безумцев и покажет им, что не имеют они права называть себя поборниками народного блага, строителями новой жизни по велению

народного разума, ибо действуют даже прямо противно совести народной.

А если нужно будет и пострадать за дело Христово, зовем вас, возлюбленные чада Церкви, зовем вас на эти страдания вместе с собою словами святого апостола: «Кто ны разлучит от любви Божия: скорбь ли, или теснота, или гонение, или глад, или нагота, или беда, или меч».

А вы, братие архипастыри и пастыри, не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту попираемых ныне прав Церкви Православной, немедленно устрояйте духовные союзы, зовите не нуждою, а доброю волею становиться в ряды духовных борцов, которые силе внешней противопоставят силу своего святого воодушевления, и мы твердо уповаем, что враги Церкви будут посрамлены и расточатся силою креста Христова, ибо непреложно обетование Самого Божественного Крестоносца: «Созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ей».

После государственного переворота и перед подписанием унижительного для России Брест-Литовского мира во время всеобщего революционного хаоса и анархии в стране Тамбов еще слывет вполне благополучным городом благодаря тому, что не признал самозваной власти большевиков. Ему еще неведомы те потрясения и несчастья, которые в страну принесла советская власть. Городом, как и прежде, управляет городская управа, которая подчиняется Временному Губернскому Исполкому. В это время в Тамбов из Петрограда, Москвы, Саратова и других городов к своим родственникам приезжает довольно много беженцев, которые бегут оттуда, спасая свою жизнь и жизнь своих близких. Население города в это время резко возрастает. Беженцы рассказывают горожанам о тех ужасах, которые происходят там, где уже укрепилась советская власть, которая отменила частную собственность, аннулировала все вложенные в банки вклады, отменила пенсии и все социальные пособия, отняла все, что наживалось не одним поколением, иногда не одну сотню лет, все население превращая в бездомных люмпенов и, наконец, решив произвести национализацию женщин. Все, что хорошо работало без всяких сбоев, будь то пекарни, бани, прачечные, магазины и т.д., — все отнималось и лишалось хозяев — просто погибало и разрушалось. Тамбовцы тогда все это считали временным недоразумением и как могли помогали всем этим людям, деля с ними свой кров и хлеб до лучших времен. Однако и тут беда стояла уже у самого порога.

Коммунисты прилагают все силы, чтобы покончить со сложившейся ситуацией в Тамбове и многих уездах Тамбовской губернии, не желающих признавать советской власти. Из Петрограда сюда непрерывно прибывает агентура коммунистов, приезжавших в город под видом

беженцев. Очень многие из них оседают в пригородном поселке городского типа «Порохового завода», который был основан по личной инициативе Николая II (сегодня это город Котовск, носящий имя уголовно-го каторжника и палача тамбовского крестьянства). В поселке вся эта братва и остается до нужного времени, созревая гнойным нарывом, готовая прорваться вооруженным переворотом в Тамбове, при поддержке тех, кто для этого уже осел в самом городе. К весне 1918 года под покровом ночи им удастся совершить переворот в городе. Ночью, как воров, они пробрались в город, соединившись с теми, кто их там уже ждал. Заговорщиками захватываются все жизненно важные точки и объявляется советская власть. Затем подобные действия проделываются с различными вариациями и в губернии. Закрепившись в губернском Тамбове, большевики начинают советизацию уездов. Из уездных центров по волостям ими для этой цели направляются так называемые «летучие отряды» для организации на местах советов. Часто не находя для этого в волостях подходящих людей, большевики ставят в советах людей, привезенных с собою, — в основном лиц с криминальным прошлым. «Летучие отряды», как правило, наполовину состоят из «интернационалистов», то есть немцев, австрийцев, мадьяр, иногда турок, а также латышей и китайцев, плохо знавших русский язык. Другая половина состояла из большевиков-коммунистов, левых эсеров, анархо-коммунистов и различных люмпенов, большей частью выпущенных с каторги и из тюрем после Февральской революции 1917 года, которых тогда хорошо использовали в своих целях коммунисты.

Кстати, надо оговориться о латышах. Иногда латышами называли немцев, австрийцев и мадьяр-венгров (это было широко распространено в то время). И это делалось не зря, так как все «интернационалисты» не говорили по-русски, как и большая часть латышей. Но латыши были российскими подданными, а те нет, и поэтому их всех в пропагандистских целях выдавали за латышей, чтобы скрыть подлинный состав «интернационалистов», так как те были во время войны врагами России, но оказались военнопленными. От запада до Владивостока — везде были эти мнимые «латыши». Если посчитать их всех, то оказалось бы, что в Латвии не проживает такого количества населения. Другое дело китайцы и турецкие военнопленные (последних также выдавали за кавказцев). Так вот: все «летучие отряды» наполовину состояли из иноземцев и наполовину из нашего отечественного отребья. Отряды Красной гвардии были от советской власти наделены большими полномочиями и в их задачу входило не только создание местных советов, но и расстрелы священников, офицеров и сельской интеллигенции. Советская власть

своими врагами считала не только богатых и зажиточных крестьян, но и тех, кто был пограмотнее. Все они считались вредными элементами.

Сегодня еще помнят во многих деревнях и селах «Красную Соню» (С.Н. Гельберг), которая командовала «летучим отрядом», состоявшим из революционных матросов, анархистов и мадьяр. «Красная Соня» начала действовать весной 1918 года. Приходя в деревню или село, она в первую очередь приступала к ликвидации всех вышеназванных лиц и создавала там советы в основном из пьяниц и люмпенов, ибо трудовые крестьяне туда входить не хотели. «Красную Соню» еще звали «Кровавой Соней» — оба этих прозвища она вполне заслужила, так как любила собственноручно расстреливать офицеров, священников и гимназистов. Это она проделывала с огромным удовольствием. «Красная Соня», по всей видимости, была не совсем психически нормальна, так как любила наслаждаться мучениями своих жертв, расстреливая их на глазах жен и детей, да еще всячески глумясь над своими жертвами. Молва народа о ней разлеталась не в одном уезде, и люди, никогда не видевшие ее в глаза, хорошо знали о ней. После ее ухода из села созданные ею советы тут же сами разбежались, а она направлялась в новые места. Там она опять мучила и расстреливала людей.

Для крестьян все это было ново и не вызывало никакой радости. Так они воочию столкнулись с тем, как создавалась советская власть. И тамбовские крестьяне не хотели для себя такой власти. А коммунисты хотели подчинить их страхом и, запугав, склонить силой на свою сторону, дав понять, что с ними шутки плохи. Однако скоро ужас от первых выступлений Сони и других ей подобных стал сменяться волей к сопротивлению. Многие крестьяне побывали на фронтах мировой войны и привезли с собою оружие. Там, где еще не побывали «летучие отряды» новой власти, крестьяне начали создавать самооборону. Они посменно стали дежурить на колокольных церквей, откуда был хороший обзор близлежащей местности, и установили связь с соседними деревнями и

Самодельное оружие повстанцев (Государственный центральный музей современной истории России)

селами, с которыми можно было объединиться и дать отпор этим наглým установителям новой власти. При приближении к селу или деревне «летучего отряда» крестьяне оповещали колоколом свою деревню и посылали мальчишек в близлежащие деревни за подмогой, а сами занимали оборону. Прочно заняв позиции, они вступали в бой с «летучками» и ждали подмоги от соседей, которая обязательно подходила. Так, ранней весной 1918 года, начиналась крестьянская война в Тамбовской губернии, которая продлилась более трех лет. Отряд «Красной Сони» вскоре был разбит и уничтожен крестьянами, а Соня была взята живой и невредимой, и по приговору нескольких сел посажена на кол, где ей пришлось умирать в течение трех дней. Так жестокость порождала ответную жестокость.

События на Тамбовщине развивались, конечно, не везде одинаково, но однозначно народ хотел законной и твердой власти и не хотел признавать уголовников. О следующем случае, который сохранила память, рассказали жители села Козловки. Туда пришел такой же «летучий отряд», в задачу которого входило установление советской власти и, как водится, ограбить сельские лавки и чайное заведение. Придя на место, коммунисты согнали всех к церкви на сход. Комиссар этого отряда в пенсне с черной бородкой, на вид добрый дядюшка, кряхтя влез на тачанку с пулеметом и обратился к собранным крестьянам с речью. Он сказал, что отныне у них теперь будет советская власть, от которой им ничего, кроме хорошего, не будет, а поэтому нужно будет им создать совет из местных жителей. Дальше он попросил, чтобы сход назвал ему всех уважаемых людей. Крестьяне, переговорив между собой, решили так, что если в этом совете будут хорошие и всеми уважаемые люди, то пусть будет совет. И начали называть имена всех уважаемых людей. Когда были названы все, комиссар ласковым голосом предложил всем названным выйти к тачанке. Когда вышли все, их сразу же взяли в кольцо китайцы и, щелкая затворами своих винтовок, стали оттеснять к церковной стене. Раздалась команда и прозвучал винтовочный залп. Среди народа раздался женский истошный вопль, а затем заголосили и все остальные женщины. Мужики, шокированные произошедшим, не могли прийти в себя от такой подлости комиссара. Выходило, что они ему выдали на смерть всех, кого уважали. Первыми на китайцев и остальных отрядников кинулись бабы, а потом опомнились и мужики, похватав оглобли и колья. Раздались беспорядочные выстрелы, но народ своей массой уже смял Красную гвардию. Комиссар кинулся к пулемету, но у того перекошило ленту. Озверевший народ, отбирая у китайцев винтовки, забивал их оглоблями и колами, топча ногами под вой и крики. Было убито помимо расстрелянных несколько баб и один ребенок

четырех лет. Вскоре отряд весь был уничтожен озверевшей толпой, а комиссара чуть живого с выбитыми глазами мужики подтащили к козлам для распиловки дров и кинули на них. Держа голову и ноги комиссара, вопящего от боли, его распилили пилой-поперечкой живого пополам. Как говорит русская пословица: «Что посеешь, то и пожнешь».

Человек, хорошо знающий свою историю, прошлое своего народа, будет уверенно строить свое будущее и будущее своих детей. Будущего без прошлого не бывает. На это есть своя закономерность. Сегодня как будто бы все знают героев Советского Союза Зою и Шуру Космодемьянских, имена которых использовали в своих целях коммунисты. Так вот, в 1918 году в дом к Космодемьянским ворвалась пьяная орава вооруженных коммунистов — установителей советской власти. Схватив девушку героев Советского Союза, священника местной церкви, они вывели его из дома во двор, держа за бороду, и там, повалив на землю, остервенело стали бить ногами. За что же устроители светлого будущего всего человечества так били старика? А за то, что священник в храме проповедовал прихожанам Божии заповеди: «Не убей», «Не кради», «Не лжесвидетельствуй», «Не пожелай себе имущество своего ближнего» и т.д. Именно все это и приводило коммунистов в ярость. Так эти подонки и затоптали до смерти старого священника. Затем, ограбив его дом, они предались пьянству, запретив под страхом смерти хоронить убитого ими старика, и он лежал пять дней, не преданный земле. А когда они ушли из села дальше, устанавливая советскую власть, прихожане и родственники похоронили своего пастыря, оплакав старого священника. А семья Космодемьянских бежала от всего этого из Тамбовской губернии на Дальний Восток к своим родственникам. Но самозванцы уже были повсюду. В Сибири уже вовсю полыхала гражданская война. Тогда отец и мать обоих героев Советского Союза вернулись и поселились в Москве, стараясь там затеряться среди многолюдья. Однако в начале 30-х годов отец Зои и Шуры был арестован органами ОГПУ и навсегда канул в бездну сталинских концлагерей. Об этом, однако, не полагалось говорить вслух, когда Зоя и Шура оба стали героями Советского Союза. А советские идеологи-«историки» врал, что оба они вышли из счастливой советской семьи, которая им дала путевку в Ленинский комсомол, а он их обоих воспитал героями.

За все годы мировой войны в России абсолютно не ощущалось нехватки продовольствия, так как она, как и до войны, по-прежнему оставалась самым крупным его производителем. Из-за военных действий, как на суше, так и на море, его экспорт на мировой рынок сильно сократился. И поэтому зерно на складах, элеваторах и холодильниках хранилось в достаточном количестве. Но все это и мучило коммунистов, так

как в сытой стране их утопия коммунизма не могла получить никакой поддержки у народа. 9 мая 1918 года Ленин подписывает декрет советской власти «О продовольственной диктатуре». Отныне все продовольствие в стране должно быть реквизировано у его производителей и сосредоточено в руках советской власти. При этом свободный рынок был запрещен.

План состоял в следующем. Изъяв все продовольствие у населения, коммунисты получали возможность его строгого распределения по своему усмотрению. Так, следуя правилам древних восточных деспотов, они решали свою проблему: «У кого в руках хлеб, у того и власть». Известно, что человек без хлеба жить не может. Он будет работать на того, кто этот хлеб ему дает. А чтобы он дорожил этим в условиях страшного голода, хлеба надо ему давать столько, чтобы он только не умирал с голоду и при этом не мог никому оказывать помощи, имея его излишек. Оставалась категория людей, так называемых лишенцев, которым не предусматривались никакие пайки. Лишенцев не брали никуда на работу, а поэтому они были лишены хлебных пайков. Так коммунисты уничтожали интеллигенцию и всю прочую им неугодную часть населения, которая им мешала. Правда, у тех оставалась еще одежда, обувь и всевозможные золотые безделушки и изделия, которые те вынуждены были обменивать на хлеб у тех же коммунистов и их агентов, у которых хлеба было полно.

Таким образом, создав в стране голод, коммунисты объявили себя монополистами по распределению продовольствия. Имея в руках хлеб и давая его тому, кто будет им служить, можно оставаться у власти. Способ изуверский, но верный. У людей отнималась вся собственность, и теперь они становились тем материалом, из которого можно было лепить доселе нигде не виданное государство. Человек, не имеющий хлеба, не может пойти на восстание. Для этого позднее уже Сталиным была проделана и коллективизация, чтобы хлеб всегда был подконтролен власти. Население должно было получать хлеба столько, чтобы только чуть утолить свой голод. Ленин, Троцкий и все ЦК РКП(б) объявили войну всему российскому крестьянству, изымая у него полностью урожай, а также все оставшееся от предыдущих урожаев, делая так, чтобы крестьянину невыгодно было на следующий год снова заниматься своим трудом, так как опять должно было повториться то же самое.

Хлеба было много на элеваторах, им можно было хорошо кормить китайцев, латышей, немцев, австрийцев, мадьяр и всех других иностранцев, которые будут держать силой оружия голодное и ослабленное население России. Большая часть продовольствия вывозилась из страны в Германию, другая лежала на складах, третья просто сжигалась. Вот так

об этом писалось тогда в одной из российских газет, которая, разумеется, выходила на свободной от коммунистов территории. Смотрите «Донские ведомости» № 268 за 1919 год, издававшиеся в Новочеркасске. Профессор московского университета Кузнецов однажды сказал Льву Троцкому, что «Москва буквально умирает с голода», на что Троцкий, вспыхнув, ответил: «Это еще не голод. Когда Тит брал Иерусалим, еврейские матери ели своих детей. Вот когда я заставлю ваших матерей есть своих детей, тогда вы можете ко мне прийти и сказать: “Мы голодаем”»²¹.

Скоро так и случилось. Чтобы удержать в стране власть, коммунисты организовали в стране небывалый голод, процветали трупоедство и людоедство, тысячи трупов людей, как писал сам Ленин, валяются по дорогам страны. Вскоре Ленин подписал еще один декрет о «Продразверстке», которую невозможно было выполнить — в расчете на это она и проводилась. Для насильственного изымания продовольствия у крестьян коммунисты создают так называемые «продовольственные отряды», которые вторгаются в пределы Тамбовской губернии со всех сторон одновременно, подвергая ее грабежу и разбою, надеясь этим напугать и сломить тамбовского крестьянина.

Однако народ Тамбовской губернии оказывает им упорное сопротивление, так и не признавая их законной властью. По всей губернии стихийно возникают партизанские отряды, которые вступают в бой с «продотрядами» коммунистов, порой рассеивая их или уничтожая полностью. В это время среди массы тамбовских крестьян выдвигаются лидеры и вожаки сопротивления. Разбой, который начали на земле тамбовской ленинские продовольственные отряды, и попутное навязывание советской власти в уездах и волостях путем террора и грабежа повсюду порождали отпор крестьянства. По всей Тамбовской губернии создаются народные дружины самообороны, а также отряды сопротивления. Они активно оказывают отпор бандитствующим «продотрядам», и те, почувствовав на себе гнев народа, боялись совать свой нос в тамбовскую глубинку, где рисковали быть уничтоженными партизанами. Продотряды усиленно начинают выполнять ленинскую «продразверстку» вблизи уездных городов и больших железнодорожных станций, где у коммунистов достаточно вооруженной силы и где, естественно, не действовали партизаны. Вот здесь особо свирепствуют «заготовители хлеба», подвергая местное население ограблению. Коммунисты все отобранное продовольствие свозили в условленные места, к полотну железных дорог губернии. И все это вываливали на голый грунт, ожидая

²¹ Донские ведомости. — Новочеркасск. 24 октября 1919. № 268.

затем подачи вагонов. Но вагоны подавались не всегда и реквизизированное у крестьян продовольствие мгло и пропадало под дождем, сгнивало на месте, а порой проживалось охраной. А в тех местах, где побывали «заготовители», народ после них ел уже лебеду и крапиву, опухая от голода.

Так осуществлялась «продовольственная диктатура» Ленина и Троцкого, целью которой было создание голода. Ввиду такой деятельности «заготовителей» и отмены коммунистами свободного рынка по соседству с городами и крупными населенными пунктами в города переставало поступать продовольствие. В них искусственно была создана его нехватка, что на самом деле входило в программу «продовольственной диктатуры». Для работающих вводились очень скудные пайки на хлеб и остальное продовольствие. А коммунисты, отнимая его у крестьян, говорили им, что этот хлеб пойдет голодающим городам, а в городе объясняли рабочим, что кулаки в деревне не дают специально рабочим хлеб, намереваясь их уморить голодом.

Так путем подлого словоблудия они обманывали тех и других, сами организуя голод, как в городах, так и в сельской местности. Из Москвы в Тамбов непрерывно потоком шли телеграммы из ЦК РКП(б) и Совнаркома об усилении реквизиции продовольствия, хотя элеваторы все забиты хлебом и взяты под контроль ВЧК. Хлеба в стране на самом деле было еще довольно много, несмотря ни на что. Мне как-то встретился очень интересный документ, в котором говорилось, что в 1927 году, при нэпе, страна доедала хлеб урожая 1911 года, так называемого «столыпинского» урожая. Ввиду того, что глубинка была недоступна «заготовителям», они отправлялись вновь в те места, куда уже не раз хаживали. И в ограбленных ими волостях из-за их частых посещений не оставалось зерна даже для будущей посевной. Все было выметено под метелку — там уже нечего было взять. Однако продотряды вновь направлялись в ограбленные ими районы. Тогда кто-то из них изобрел изуверский способ выкачки зерна у крестьян. В село или деревню приходил хорошо вооруженный отряд, как правило, с пулеметом, а то и с двумя. Крестьян сгоняли на сход. И «заготовители» требовали сдачи «излишков» хлеба для голодающих городов. Крестьяне им поясняли, что они здесь не первые и поэтому все, что можно было, у них давно отобрали, и все, что нельзя было отобрать, у них тоже отобрали. Тогда начальник «продотряда» или уполномоченный по заготовкам хлеба отдавал приказ мадьярам или китайцам, смотря кем был укомплектован данный отряд, взять из числа жителей одного из мужиков и на глазах всех живьем закопать его в землю. И если после этого не начнется сдача «излишков», то за первым закопать и другого, но хлеба не было.

А уполномоченный говорил, если его не будет, то все мужики в деревне будут подвергнуты этой участи. Был бы хлеб — им бы выкупили жизнь закопанного человека. Но его не было. От подобного чаша народного терпения уже была переполнена до краев. На заготовителей чаще всего первыми бросались бабы, а потом уже и мужики. Неся потери, они разоружали «продотрядовцев», и чаще всего казнили их самосудом.

Вот так теперь уже по всей губернии начинались выступления, которые постепенно переходили в крестьянское восстание, вскоре вплотную подошедшее к городам. В каждом селе, деревне и волости народ выдвигал своих лидеров и вручал им свою судьбу. В это тяжелое для губернии время активизирует свою деятельность Союз трудового крестьянства. Крестьяне, вступая в борьбу с уголовно-самозваной властью коммунистов, своим лозунгом выдвигали, как и прежде, созыв Учредительного собрания. Однако у них нет еще опыта единства в этой борьбе. Каждая деревня, село и волость в основном еще борется за себя, изредка объединяясь для общего отпора врагу. Коммунисты помимо «продовольственных» отрядов также вводят на территорию губернии карательные части ЧК и «интернационалистов». Кроме этого, они формируют части Красной армии, насильно мобилизуя туда крестьян из других губерний. А те, перебив своих комиссаров, как правило, переходили на сторону тамбовских крестьян.

5. РЕЙД КАЗАЧЬЕЙ КОННИЦЫ ГЕНЕРАЛА К.К. МАМАНТОВА ПО ТЫЛАМ КРАСНОЙ СОВДЕПИИ В 1919 г.

Измученная гражданской войной, революцией, «красным террором», «продовольственной диктатурой», национализацией, грабежами и бесчинствами иноземных солдат-«интернационалистов», разрухой, эпидемиями, голодом и «продразверсткой», вчера еще благополучная великая и богатая Россия полыхала в огне братоубийственной войны.

Жарким летом 1919 года виновники этой ситуации коммунисты терпят одно поражение за другим на всех фронтах гражданской войны. Тогда у людей начала появляться надежда на скорое окончание войны. Казалось, что сам Господь Бог начал поворачиваться лицом к измученной и униженной России. Добровольческая и Донская армии на юге России под командованием генерала А.И. Деникина стремительно продвигались к Москве, а Сибирская армия адмирала А.В. Колчака вышла к Волге. Одна из ее армий под командованием генерала Р. Гайды уже

заняла город Елабугу. *«Небо казалось чистым, горизонт ясным, заветная цель близкой»*²².

По свидетельству генерала К.В. Сахарова, участника Белого движения на Востоке России, «сильно была распространена в народе версия, что белая армия идет со священниками в полном облачении, с хоругвями и поют «Христос Воскресе». Эта легенда распространилась в глубь России; спустя два месяца еще нам рассказывали пробиравшиеся через красный фронт на нашу сторону из Заволжья: народ там радостно крестился, вздыхал и просветленным взором смотрел на Восток, откуда в его мечтах шла его родная, близкая Русь»²³. Теперь уже скорое окончание войны казалось не за горами.

Белая казачья конница генерала К.К. Мамантова, прорвав Южный фронт красных и сметая на своем пути все большевицкие заслоны, устремилась в исторический рейд по глубоким тылам красной Советской России. Этот рейд конницы генерала Мамантова до сего времени не имеет себе аналогов в истории военного искусства. Вот как на него откликнулись тогда англичане, наши союзники по Антанте: «Шлем вам поздравления по поводу ваших блестящих успехов. Ваш подвиг войдет в историю военного искусства и явится предметом восторга и зависти для каждого боевого офицера, любого рода оружия и любой армии мира». Казаки генерала Мамантова своим несокрушимым напором, натиском и быстротою действий сеют среди коммунистов панику, страх и смятение. Троцкий, как крыса с тонущего корабля, поспешно убегает с фронта в Москву и шлет в Совнарком Ленину телеграмму. Он панически сообщает: «Белая конница прорвалась в тыл Красной армии, неся с собою расстройство, панику и опустошение». Он также обращается к казакам, прорвавшим фронт и громившим большевистский тыл. Как старый демагог, он пишет им воззвание, предлагая казакам сдаваться в плен и сложить оружие. Мол, «рабоче-крестьянское

Генерал К.К. Мамантов

²² Сахаров К.В. Белая Сибирь. — Мюнхен, 1923. С. 77.

²³ Там же. С. 72–73.

правительство» готово вам подать руку примирения. А в своих тайных директивах приказывает пленных не брать и уничтожать всех поголовно. Ни в коем случае не позволить им уйти за линию фронта обратно, а чтобы навсегда отучить от подобных рейдов, никого не оставлять в живых.

Но казаки генерала К.К. Мамантова вовсе не собирались в плен к Троцкому и тем паче быть уничтоженными. Они продолжали свой героический рейд по глубоким тылам Совдепии. 4-й Донской казачий корпус генерала Мамантова насчитывал на то время 3 400 сабель, 103 пулемета и 14 орудий, а также несколько бронев автомобилей, средства связи и медицинскую службу. В станице Урюпинской 4 августа 1919 года была проведена экстренная проверка 4-го казачьего корпуса. Генерал Мамантов при этом тщательно отсеивал казаков и лошадей, не способных выполнять задачу рейда в глубоком тылу противника. После проведения реорганизации корпуса его состав сократился до 2 500 сабель, 14 орудий, 103 пулеметов и 3 бронев автомобилей. Затем корпус переправился через реку Хопер в районе станции Добрянской, проведя предварительно тщательную разведку, и прорвал Южный фронт красных на стыке 8-й и 9-й армий. Затем после прорыва большевицкого фронта все части 4-го казачьего корпуса соединились в районе Еланского Колена и стремительно двинулись в тыл красных. К вечеру казачьи разъезды, посланные вперед, притащили с собой языка, который на допросе сказал, что он является красноармейцем 40-й дивизии Южного фронта, которая специально кинута на ликвидацию конно-казачьей группы, прорвавшейся в тыл красных. Казаки легко разбили передовые части этой дивизии, а остальные, рассеявшись, разбежались под их натиском. Казаки конной группы генерала Мамантова продвигались вдоль железнодорожного полотна Борисоглебск – Грязи, захватили военный эшелон с мобилизованными в Красную армию крестьянами и распустили их. Навстречу казакам были брошены три дивизии красных, снятые с Южного фронта. Потрепав их и частично уничтожив, генерал Мамантов решил занять Тамбов и дать отдых своим казакам. На пути к Тамбову казаки наголову разбивают пехотную дивизию красных и кавбригаду, после чего ворваться в Тамбов уже не составляло труда. 18 августа 1919 года казаки генерала Мамантова без единого выстрела взяли Тамбов. В городе находился 15-тысячный гарнизон красных, который тут же разбежался, а частью присоединился к казакам. С самого начала рейда казаки шли без потерь. Это можно объяснить быстротой их действий и высокой мобильностью. На двух железных дорогах была приостановлена связь с Южным фронтом, а на самом Южном фронте была нарушена связь между 8-й и 9-й армиями большевиков да плюс к этому возникла еще и паника,

охватившая все тылы Южного фронта. Никто толком не знал, сколько в их тылу оперирует казаков. Весь штаб Южного фронта в панике бежал из города Козлова, где он дислоцировался до этого, в Орел.

Исторический рейд казаков продолжался. А тем временем августовские дни 1919 года в Тамбове были днями ожидания каких-то перемен. Граждане все были охвачены тревожными предчувствиями. По городу ползли всевозможные слухи, одни невероятнее других. Подлинная информация о текущих событиях полностью отсутствовала, как это всегда было заведено у коммунистов. А все свободные источники информации ими были запрещены с прошлого 1918 года. Как-то приумолкли и поутихли сами устроители новой. К матери председателя губисполкома М.Д. Чичканова все чаще стали наведываться ее близкие и знакомые, а также знакомые ее родственников, прося ее заступиться перед сыном за невинно арестованных близких. И старая, набожная, простая и добрая женщина просила его отпустить всех несчастных и безвинно посаженных в подвалы губернского ЧК, говоря ему: «Сынок, не бери греха на свою душу. Отпустите вы всех ни в чем не повинных людей. Ну, побаловались вы всласть своей властью, и хватит. Вот как она придет, эта самая настоящая власть, вся эта шпана и шваль разбежится кто куда. Они все ведь нездешние. А каково будет нам? Как мы тогда будем людям смотреть в глаза?» На что тот только хмурился и ничего не отвечал своей старой матери. И вот, как только забрезжил рассвет утра 18 августа 1919 года, все советское начальство в великой панике и смятении кинулось усаживать свои семьи на подводы и повозки, не забыв, однако, прихватить с собою награбленное имущество. Лошадей и повозок на всех не хватило, и часть удирающих устремила к Рассказовскому тракту пешим порядком, постепенно переходя на бег.

Охваченные животным страхом возмездия коммунисты спешно покидали город. А по не метенным с самого их прихода улицам ветер гнал им вслед обрывки их декретов, воззваний, приказов и постановлений теперь уже вчерашней большевицкой власти. Нарождающийся день принес Тамбову новые жизненные впечатления и события. А в то время, когда советская власть спешно убегала из города со стороны саратовской дороги в юго-западной части города, в Тамбов входили разрозненные ватаги бегущих красноармейцев, которые, бросив все, спешили как можно скорее проскочить город.

Среди этого неуправляемого стада красных только одна часть латышских стрелков отступала в организованном порядке. Но вдруг при их входе в город с колокольни кладбищенской церкви Петропавловского кладбища по четкому строю латышей ударил пулемет. На дороге началась паника. Испуганные лошади, опрокидывая повозки с ранеными

красноармейцами, топтали их своими копытами. А пулемет продолжал яростно работать, поливая свинцовыми струями убегающих. Оставив на дороге убитых и раненых, латыши и красноармейцы залегли в придорожных канавах. Придя в себя, они повели оттуда прицельный огонь из винтовок по церковной колокольне. Пулемет вдруг будто захлебнулся, и наступила тишина, изредка нарушаемая запоздалыми выстрелами винтовок, но вскоре умолкли и они. Наступила полная тишина. Латыши и красноармейцы, где ползком, а где и короткими перебежками, прячась за каменной кладбищенской стеной, а потом и за могильными памятниками, стали потихоньку приближаться к храму, держа наготове оружие. Но в храме и на погосте все было тихо. Не встречая на своем пути никакого сопротивления, они проникли в храм, а затем и на колокольню. Там в луже крови, припав к еще не остывшему пулемету, лежало тело настоятеля церкви отца Александра. Ругаясь на латышском и русском языках, они сбросили вниз с колокольни тело священника, а вслед за ним и пулемет. Покидая храм, они швырнули в иконостас гранату. Бегущие через Тамбов «интернационалисты» и красноармейцы старались скорее покинуть город, а на его улицах не было видно ни единой души, он казался вымершим. Изредка с чердаков и из-за углов гремели выстрелы, это благодарные горожане прощались таким образом с самозванной властью, стреляя ей вдогонку. По соседству с самой красивой церковью Тамбова — Богородицким храмом, который еще называли в городе Уткинской церковью, по фамилии тамбовского купца-мецената И.Ф. Уткина, который ее построил на свои средства и подарил Тамбову в честь избавления города от эпидемии холеры, рядом с церковью стояла небольшая часовня, в которой хранилась икона Тамбовской Божьей Матери, писанная рукою самого святого Питирима Тамбовского. Она являлась заступницей города и когда-то охраняла крепость Тамбов от набегов крымских, азовских и ногайских татар. Эту святыню города сожгли на костре атеисты в начале 30-х годов, а храм разрушили, поставив на его месте босоголового истукана, назвав площадь его именем. Неподалеку от этого храма латышей вновь уже дважды обстрелял пулемет с чердака самой модной фотографии города Енкина. Этот пулемет, нанесший значительный урон латышам, был подавлен двумя пулеметами броневика, который случайно оказался здесь, пытаясь вырваться из города. Жители Тамбова, как могли, проводили с «подобающей им честью» из Тамбова власть коммунистов. И еще не успел последний самозванец покинуть Тамбов, перейдя реку вниз по Ценскому мосту, как уже около Петропавловского кладбища появился первый разъезд казаков генерала Мамантова.

Полусотня покрытых дорожной пылью казаков, держа поперек своих седел короткие кавалерийские карабины, поравнялась с местом недавнего побоища. На дороге лежали трупы убитых латышей и красноармейцев, которые еще не успели остыть. Несколько спешивших казаков стали выгребать из их подсумков и патронташей патроны, так как казаки, находясь в тылу красных, дорожили каждым патроном и пополняли свой боезапас всюду, где только можно. Несколько казаков, по-видимому, офицеров, отъехав чуть в сторону, развернули карту. Другие рассматривали лежавших на дороге латышей и перевернутые подводы. Затем полусотня разделилась на три части и устремилась в лежавший перед ними Тамбов.

Вот как мне об этом поведала одна старая женщина, которой в то время, в 1919 году, было 11 лет. Эта женщина в свое время была хорошо известна в Тамбове — она была преподавателем в педагогическом училище имени Ушинского. Речь идет о Хлебниковой, которой, к большому сожалению уже давно нет среди нас. Она беседовала с писателем А.И. Солженицыным, когда тот в нашем городе пытался собрать материал о Тамбовском восстании. Помяни Господи ее светлую душу, она помнила многое и передала это другим. Она хорошо помнила казаков генерала Мамантова, которые без единого выстрела заняли Тамбов и отдыхали в нем три дня, прежде чем продолжить свой легендарный рейд в историю России. День, когда казаки взяли Тамбов, особенно отложился в ее памяти. Вот что она мне рассказала в саду, сидя на скамеечке за столом:

Донской казак

«Раннее утро 18 августа 1919 года запомнилось мне очень хорошо. Моя мама утром готовила для нас вот здесь наш неприхотливый завтрак. Я только что встала, и мама попросила меня принести ведро воды с колонки, которая находилась за воротами нашего дома. Схватив пустое ведро, я, напевая песню, кинулась за калитку к колонке. Выйдя на улицу, я обратила внимание на то, что нигде

не было видно прохожих, хотя было уже часов 7 утра и их в это время всегда было много на улице. Но я тут же об этом забыла и стала набирать воду. Напор воды был слабый, и вода тоненькой струйкой шла в ведро. Вдруг из-за угла, со стороны кладбища показалась небольшая кавалькада всадников. Они скакали по мостовой, и что-то непривычное было в них для моего глаза. Позже я поняла, что меня удивило в них. Я часто видела конных красноармейцев — их обычно при езде в седле кидало, а эти на своих конях сидели в седлах как влитые. Заметив на улице мою одинокую фигурку у колонки, один из всадников, отделясь от остальных, быстро направился в мою сторону. Подъехав, он поздоровался и спросил, правильно ли они едут по направлению к Большой улице (ныне Советская улица. — Б.С.). Я ему в ответ кивнула головой и сказала, что правильно. Он меня поблагодарил и сказал: Спаси Христос. Я оторвала свои глаза от струйки воды, которая вяло бежала в ведро, и подняла их на кавалериста. На его плечах тускло блистали серебром офицерские погоны, а на груди два креста и какие-то медали, а когда он стал разворачивать коня, на его шароварах алели казачьи лампасы. Он поскакал к ожидавшим его конникам, а я, оставив у колонки ведро, вбежала во двор и что есть мочи завопила: “Мама! Мама! У них погоны на плечах!” Мать, бросив летнюю плиту, выскочила на улицу, но там уже никого не было, только из-за угла Кирпичной улицы (сегодня улица А. Бабеля) еще доносился цокот копыт коней о булыжную мостовую. Мама взяла ведро, и мы с ней направились во двор. Она меня подробно расспросила, что я видела, а потом осенила себя крестным знамением и промолвила: “Слава тебе Господи!”

После завтрака мама меня послала в лавку за хлебом, который ей давали по карточкам, и я увидела, что лавка закрыта и около нее собралось довольно много женщин, которые волновались, почему ее не открывали. В это время вдоль улицы ехали несколько казаков. Один, спешившись, подошел к женщинам и спросил их: “Что случилось?” Женщины стали ему жаловаться, что не открывают лавку. Казак, сняв с себя карабин, прикладом сбил замок и вошел во внутрь лавки, а потом, выйдя оттуда, сказал, что хлеб есть в лавке и пусть они заходят туда и берут его. Бабенки вмиг ворвались в лавку и стали хватать булки хлеба. Какая-то расторопная бабенка сунула и мне большую булку хлеба. Потом кто-то из них наведалься в подсобку и, выйдя оттуда, сказал: “Бабоньки, там все есть! Коммунистам оставлено”. Все кинулись туда и на полках увидели сыры, сухую колбасу, ящики с печеньем, сахар, чай и еще много

всего такого, что коммунисты местного значения жрали втихаря от нас. Бабы все это начали хватать, насыпав и мне в сумку килограмма два конфет “Раковая шейка”, и дали коробку печенья, сказав: беги к мамке, пусть она скорее бежит сюда. А тем временем одна из казачьих групп разъезда достигла базара и повернула на Гимназическую улицу, которую в прошлом году большевики переименовали в Коммунистическую, и подъехала к зданию Совдепа, где до него была городская управа (сегодня здание мэрии — Б.С.). Подъехав к зданию, один из казаков сорвал красный флаг и кинул его под копыта своего коня. Три казака, спешившись, вошли внутрь здания. Они были поражены, увидев, как навстречу им из-за стола поднялся китаец-“интернационалист” и лихо вскинул руку к козырьку красной звезды фуражки, отдавая казакам честь. Казаки засмеялись, а офицер процедил сквозь зубы: “Взять мерзавца”. К китайцу подошел казак и, сняв с него маузер в деревянной колодке-кобуре, толкнул его к выходу.

В эту ночь охрану несли везде китайцы, и казакам пришлось снимать их часовых по всему городу. Коммунисты, убегая, забыли впопыхах снять китайцев. Вслед за разъездами в город стали входить основные силы конной группы генерала Мамантова. По мостовой прогреготала казачья артиллерия и прошло несколько броневиков. Жители города, поняв, что в город входят белые, все высыпали на улицу встречать их. Женщины в слезах радости целовали пыльных станичников, засыпая их цветами. Народ их тут же назвал “братиками”, да так и звали их всех, пока они находились в городе. Позже генерал Мамантов скажет, что нигде его казаков не встречали так хорошо, как в Тамбове. Каждый их старался угостить, кто чем мог. Хотя горожане при коммунистах и жили впроголодь, но в садах и огородах уже поспевал урожай, и тамбовцы делились им с казаками. А в город входили казаки и калмыки (калмыки вместе с казаками участвовали в войнах и кампаниях — Б.С.). Казаки размещались в Тамбове на отдых. На углу Семинарской и Большой улицы в здании уездного Совдепа был снова взят китаец. И когда его оттуда выводили казаки, горожане его у них отбили и казнили самосудом. Дело в том, что наемники китайцы служили у коммунистов за деньги и при этом отличались жестокостью по отношению к русскому населению. Они были карателями-палачами — в городе их все звали “ходя-ходя”, потому что, неся конвойную службу, они при следовании арестованных горожан, торопили их прикладами винтовок, покрикивая при этом “ходя-ходя”, что означало “ходи-ходи”. Их считали выродками. Они расстреливали людей по

приказу коммунистов и были верны им как собаки. Естественно, что население города их ненавидело. Они себя вели по-хамски и довольно высокомерно»²⁴.

Рабочие вагоноремонтных мастерских при въезде в город на автомобиле встретили генерала Мамантова хлебом-солью. Он их поблагодарил и попросил, чтобы те с почестями похоронили священника отца Александра, о котором те ему рассказали. А вечером того же дня К.К. Мамантов выступил в «Узловом» клубе железнодорожников с речью перед рабочими вагоноремонтных мастерских, железнодорожниками, гимназистами и молодежью города. После чего добровольцы сразу же стали записываться в народную дружину, примкнув к Белому движению. В Тамбове был сформирован Офицерский полк, а из окрестных крестьян — Крестьянский полк, в который также вошла и часть бывшего тамбовского гарнизона. Военным комендантом города Тамбова был объявлен сухой закон на все время пребывания в нем казаков. Молодежная дружина вместе с казачьими патрулями несла в городе патрульную службу, охраняя общественный порядок, а когда казаки покинули город, ушла вместе с ними.

Казаки были встречены населением в Тамбове с радостью и любовью. А потом фальшивомонетки от истории будут врать, что Тамбов они залили кровью, совершая грабежи и еврейские погромы. Но давайте разберемся сами. Тамбов казаками был взят без боя и без единого выстрела. Его пятнадцатитысячный гарнизон частью разбежался, а частью перешел на сторону казаков. Где же та большая кровь, о которой потом писали советские «историки»? Ее не было. Затем эти демагоги сказали, что казаки в Тамбове устроили грабежи. Но население они не грабили, а у коммунистов никогда своего ничего не было, и они сами жили грабеджом. Коммунисты потом писали, что казаками были ограблены тамбовские храмы и увезены ценные иконы в золотых и серебряных окладах. Пусть кто-нибудь назовет хоть одну церковь, которую якобы ограбили казаки, — не было этого, все казаки — православные христиане и не могли грабить свои храмы, они все были верующими. Это сделали сами коммунисты, правда чуть позже. Коммунисты дописались даже до того, что, мол, обоз с награбленным в Тамбове добром был длиной где-то 150 километров. Как такой длинный обоз мог пройти через линию фронта? Казаки, которые совершали броски по 80 верст в сутки, не могли никак с собою тянуть такой обоз. Он бы явился их немедленной гибелью, так как против них даже был брошен С.М. Буденный со всей своей конницей, не говоря уже об остальных войсках.

²⁴ Архив автора.

Вот такими сказками кормили коммунисты тех, кто им верил на слово, а тех, кто понимал, что это вранье, они убивали. Коммунистическая пресса, как и ее хозяин партия, на протяжении многих десятилетий продолжала писать ложь по поводу рейда казаков генерала К.К. Мамантова. Они писали, что численность его конной группы была 10 000 всадников, но на самом деле 4-й казачий корпус насчитывал всего 3 400 сабель, а как уже писалось выше, в рейд Мамантов взял с собою только 2 500 казаков, а остальных забраковал, так как они не годились в силу возраста или по слабости их коней. А 10 000 — это для того, чтобы было не так стыдно, что 2 500 казаков брали большие губернские города, разгромили штаб Южного фронта в Козлове и штаб Орловского военного округа, который в то время дислоцировался на станции Раменбург.

А сколько этой казачьей группой было разбито воинских частей? Сколько было нанесено урона красным? Более 8 000 человек добровольцев, готовых сражаться на стороне белых против коммунистов, генерал Мамантов вывел с собою за линию фронта из тыла красных. Коммунистам, конечно, больно было, что там, где проходили казаки, народ русский встречал их цветами и радостью, а в Ельце, например, гарнизон красных, перебив комиссаров, встретил казаков с духовым оркестром. Красные против казаков кинули довольно крупные силы, но конная группа генерала Мамантова была неуловима, она использовала свою быстроту, натиск и высокую подвижность. Благодаря своей высокой мобильности она более месяца находилась в глубоком тылу красных, нанося им громадный урон и расстройство. Могла бы она все это сделать, имея обоз в 150 километров длиной? Конечно, нет.

Да, на складах в Тамбове хранились громадные ценности и много продовольствия, отобранного коммунистами у их законных хозяев — тамбовских купцов. А также в городе были сосредоточены военные склады Южного фронта красных. Все это после бегства большевиков по закону военного времени досталось казакам генерала Мамантова, как их военные трофеи, с которыми они имели полное право поступить так, как находили нужным. Юридически они теперь были их хозяевами. Склады с артиллерийскими снарядами они, пополнив свои запасы, взорвали. А все продовольствие и другие материальные ценности были розданы жителям Тамбова и окрестных сел, ограбленных продотрядами. Горожане при коммунистах перебивались с хлеба на воду и голодали, а продовольствие в огромных количествах лежало на складах. Помня ту душевную встречу, которую тамбовцы оказали казакам, генерал Мамантов распорядился все продовольствие раздать голодающему народу, как и все остальные ценности со складов. Казаки раздали продовольствие тем, кому оно по праву принадлежало. Взять у разбойника и отдать

тому, у ко­го он это отнял, — поступок благородный. Они спасли от голода десятки тысяч людей, накормили детей и стариков.

Теперь насчет еврейских погромов. Их не было. Я знал многие еврейские семьи в Тамбове, которые были коренными тамбовцами, и что греха таить, многие из них сотрудничали с большевиками. Сбежав из Тамбова, большевики их с собой не взяли. Однако ни у одного из членов их семей не упал ни единый волос с головы, пока казаки находились в городе. Многие из потомков этих еврейских семей живут в городе и по сей день, а другие уехали в Израиль и другие государства. Сегодня население Тамбова возросло с 70 тысяч до 360 с лишним человек, а евреев жило в городе в то время гораздо больше, чем их живет сегодня.

Поводом для крика о еврейских погромах послужил такой случай. В городе было запрещено продавать спиртное, он был объявлен на военном положении, так как казаки, проходившие рейдом в глубоком тылу врага, должны были сохранять железную дисциплину. Недаром Троцкий приказал на пути казаков оставлять цистерны со спиртом, на всех железных дорогах, надеясь на то, что казаки соблазнятся им. По прибытии в Тамбов казаков в городе был объявлен сухой закон. И вот на второй день патруль, состоявший в основном из непьющих калмыков, задержал несколько шинкарей, пытающихся сбыть казакам самогон и спирт. Всех их доставили к военному коменданту города. Среди задержанных патрулем была одна женщина, а остальные все мужчины. Муж у женщины погиб еще на германской войне, а у нее остались дети, и она ради того, чтобы их прокормить, решила продать самогон казакам. Комендант ее отпустил, взяв с нее слово, что она больше не будет пытаться продавать казакам самогон. Все остальные предприимчивые люди были в основном евреями. Комендант за нарушение приказал всех повесить, по закону военного времени. Это было бы сделано во время войны в любой армии мира. После возвращения в Тамбов коммунисты подняли шум о якобы произведенных казаками еврейских погромах. Об этом писали все газеты, а потом это попало и в белую прессу. Однако погромов никаких не было. Мне пришлось разговаривать со многими старыми людьми, хорошо помнившими те события, и они все как один сказали, что это ложь. В первую ночь, как казаки вошли в Тамбов, в городе никто не ложился спать, всю ночь на улицах шло веселье. На многих домах были вывешены русские национальные трехцветные флаги, схороненные при большевиках. За их хранение большевики расстреливали владельцев как контрреволюционеров. Пробыв три дня в Тамбове и накормив досыта всех голодающих, конная группа Мамантова с тамбовским пополнением ушла дальше, продолжать свой рейд. Тамбов всех

казаков, а также и своих присоединившихся к ним тепло проводил в дорогу. Народ стоял на тротуарах, маша на прощание им вслед руками, многие возносили за них молитву Богу, крестя их в спину и прося им здоровья у Господа Бога. Старые женщины плакали, предчувствуя беду, которую им вновь принесет советская власть. Казаки, прощаясь с гостеприимным городом, также со своих коней махали на прощание горожанам руками, обещая им еще вернуться.

Из Тамбова казаки направились в Козлов, где тогда у красных был штаб Южного фронта и откуда несколько дней назад бежал Троцкий. Затем, поколесив по Тамбовской губернии, Мамантов врывается в Воронеж, после чего, соединившись с конно-казачьей группой генерала А.Г. Шкуро, еще основательно потрепал тылы красных. Против казаков коммунистами были кинуты части немцев, латышей, китайцев и прочих интернационалистов, но и они не могли их остановить. Рейд казаков по тылам красной Совдепии продолжался 40 дней. Все это время генерал Мамантов, ведя мобильную войну, нес самые минимальные потери. За линию фронта его корпус вернулся более многочисленным, так как с собою привел большое пополнение. Теперь его численность действительно намного перевалила за 10 000 бойцов, которых он с собою привел из тыла красных. Генерал Мамантов шлет генералу А.И. Деникину телеграмму следующего содержания: «Наши дела прошли блестяще, без потерь для себя. Разгромлены советы и штабы большевиков». Захваченные большие трофеи оружия были переданы восставшим крестьянам Тамбовской губернии, таким образом они от казаков получили большую для себя помощь.

После ухода из Тамбова казаков в него возвратились коммунисты. Они мстили его жителям за свой позор и свою трусость. Они устроили мирным жителям Тамбова кровавую бойню, расстреливая тех, кто угощал казаков огурцами и вишней, кто их обнимал, встречая на улицах Тамбова, кто вывешивал на своих домах национальные флаги, и, разумеется, тех стариков рабочих, кто генералу Мамантову поднес хлеб и соль.

Донской казак Дегтярев, боец Конно-партизанской армии. Раненный, живьем был закопан карателями-латышами на кладбище г. Моршанска Тамбовской губернии

Расстреливали и тех, чьи сыновья ушли с казаками, а также не забывали и тех, которые еще оставались недострелянными до взятия Тамбова казачьей конницей, то есть семьи купцов, дворян, интеллигенции, священнослужителей. Из мужского монастыря Казанской Божьей Матери, где расположилась губернская ЧК, всю ночь напролет были слышны крики истязаемых людей и до утра не гас свет. За монастырской стеной гремели выстрелы — это китайцы и мадьяры с латышами расстреливали горожан. Расстрел шел днем и ночью. А в пригородном Трегубовском монастыре был организован концлагерь, в который было брошено 30 тысяч жителей Тамбова, среди которых было и немало детей. Многие в этом лагере были расстреляны, а другие умерли от зверского обращения, тифа и голода.

6. ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТИЗАНСКОЙ АРМИИ И ЕЕ ПРОГРАММА

В это время над Тамбовщиной все шире разгоралось зарево крестьянского народного восстания против ненавистой власти. Народ губернии объединялся на борьбу с ней. Население Тамбовской губернии исторически складывалось из свободолюбивых людей, из тех, кто в XV веке пришел сюда осваивать эти земли для государства Московского. Земля здесь была богатой и плодородной, водоемы изобиловали рыбой, а леса — всяким зверьем и дичью. Казаки, боярские дети, ратные люди, крестьяне, служивый и мастеровой люд — все они от государства имели тогда здесь привилегии. Беглые крепостные люди с тамбовской земли не выдавались, как и с Дона. Были здесь и свои трудности житья. Эту землю постоянно надо было оборонять от набегов на нее крымских и азовских татар, а также от других степняков. Враги приходили со стороны Дикого поля грабить и захватывать в плен на продажу в рабство русских людей. Но люди выстояли и закрепились на тамбовской земле. Коренные тамбовцы оставались всегда вольными крестьянами. А дворяне, получавшие здесь от русских царей земли, своих крепостных крестьян привозили из других губерний и расселяли на этих землях. А после 1861 года — реформы императора Александра II все население губернии стало вольным. Да таким и оставалось до 1918 года, пока в их жизнь не вмешались коммунисты.

После рейда генерала К.К. Мамантова крестьяне, получившие от него существенную помощь оружием и боеприпасами, организуют свое сопротивление активнее. Белая армия продвигается к Москве, и теперь, кажется, уже ничто не может остановить ее движения. Польша,

Прибалтика и Финляндия с Украиной обращаются к адмиралу А.В. Колчаку и генералу А.И. Деникину, чтобы они признали их отделение от России и их самостоятельность. На что те им ответили в таком духе: мы, несмотря на всеобщую к вам симпатию и разделяя ваше желание на самоопределение, не имеем законного права на это. Это может решить только Учредительное собрание, после нашей с вами победы над общим врагом. Эти люди уважали законность и зря на себя не брали того, что не входило в их компетенцию. Ленин и Троцкий такие декреты выдали, и Белое движение было предано.

В начале 1920 года Белое движение терпит неудачу, Добровольческая и Донская армии с боями отступают, преданные своими союзниками, к Черному морю, к Новороссийску и Крыму. На Дону и в Воронежской губернии еще остаются сражающиеся части белых армий. Они пробиваются в охваченную восстанием Тамбовскую губернию на соединение с ее партизанами, управляемыми Союзом трудового крестьянства, которые, как и белые, борются за единую и неделимую Россию и за Учредительное собрание. 5 000 донских казаков в Тамбовскую губернию приводит с собою хорунжий П.И. Матарыкин и еще столько же казаков приводит с Хопра вахмистр И.С. Колесников. Сюда также с боями прорываются и более мелкие группы офицеров, солдат и казаков белых армий. Они тогда оказали большую и существенную помощь движению тамбовских крестьян. Среди прибывших тогда на Тамбовщину белых офицеров было немало имеющих опыт Русско-японской, мировой и гражданской войн. Были среди них и «первопоходники» в составе Добровольческой армии генералов Л.Г. Корнилова и М.В. Алексеева. В самой губернии к тому времени собралось достаточно офицеров Русской армии, уклонившихся от мобилизации в Красную армию, а также

Командующий Конно-партизанской армией быстрого реагирования вахмистр И.С. Колесников

сбежавших оттуда после нее. Таким образом вся эта интеллектуальная сила русского офицерства и сумела прийти на помощь восставшему тамбовскому крестьянству.

Чтобы организовать дальнейший ход крестьянской войны, 14 июня 1920 года группа белых офицеров в количестве 33 человек встречается с 67 лидерами разрозненных партизанских отрядов и народных дружин («совещание ста»). Эта историческая встреча произошла в деревне Синие Кусты Тологуловской волости Борисоглебского уезда Тамбовской губернии. На этом совещании было принято решение свести все антикоммунистические силы крестьян, казаков, офицеров и жителей Тамбовской губернии, а также партизан-повстанцев в две хорошо организованные армии. Офицеры, казаки и руководители партизанских отрядов и дружин горячо взялись за это дело, и уже в августе 1920 года две хорошо организованные ими партизанские армии, созданные из различных сил русского патриотического сопротивления, вступили в активную борьбу с уголовной властью, нанося ей чувствительные удары. С этого момента восстание переходит в хорошо организованную фазу. На всей территории Тамбовской губернии начинается крестьянская война с коммунистами. Прекращается деятельность советских карательных отрядов, чекистов, а также иноземцев-«интернационалистов» и «продовольственных» отрядов. Силы повстанцев приобрели следующую организационную структуру:

1-я Повстанческая армия. Штаб армии, как и штаб Главнокомандующего, в селе Каменка Тамбовского уезда. Первый командующий армией — полковник А.В. Богуславский, после реорганизации — капитан И.А. Губарев. Полки: Каменский, Пановский, Совальский, Тамбовский, Волче-Карачаевский, Текинский, Козловский, Волхонский, Саратовский, Павлодарский, Токарёвский, Битюговский, Борисоглебский, Липецкий, Усманский, Сводный, Особый.

2-я Повстанческая армия. Штаб армии — село Кибяки, Кирсановский уезд. Командующий — первый командующий армией — поручик П.М. Токмаков, после реорганизации — штабс-капитан Митрофанович. Начальник штаба — А.С. Антонов. Полки: Кирсановский, Низовой, Пахотно-Угольский, Семеновский, Нару-Тамбовский, Золотовский, Сводно-Казыванский, Особый полк.

3-я армия — Конно-подвижная. Штаб армии — село Каменка Тамбовского уезда. Командующий — вахмистр И.С. Колесников. Полки: 1-й Богучарский (командир вахмистр И.С. Колесников), Казачий (есаул Фролов), Хоперский (хорунжий Матарыкин), 2-й Богучарский (сотник Попов).

Кроме этого, существовали подразделения местной самообороны, охранные и милицейские, а также отдельные полки — Лебедянский и Спасский.

14 ноября 1920 года, когда Русская армия генерала П.Н. Врангеля покидала Крым, по соседству с Ржавой в селе Моисеево-Алабушки состоялось совместное совещание Союза трудового крестьянства, командующих всех трех повстанческих армий, территориальных сил самообороны и еще остающихся разрозненных партизанских отрядов, не входящих в партизанские армии. Решено было объединить все партизанские силы под единое командование с единым главным штабом.

Главкомом Единой (Объединенной) партизанской армии Тамбовского края был назначен поручик П.М. Токмаков, начальником его штаба — полковник А.В. Богуславский. На пост командующего 1-й партизанской повстанческой армии был назначен капитан И.А. Губарев, а начальником его штаба становится капитан Тюков. Командующим 2-й повстанческой армии становится штабс-капитан Митрофанович, а начальником штаба его по-прежнему остается Антонов. Конно-подвижная армия быстрого реагирования входила в прямое подчинение главкома Токмакова и использовалась по его усмотрению. Все территориальные

Штаб 2-й Повстанческой армии. Село Кибяки Кирсановского уезда. Слева направо: поручик Башкарев, штабс-капитан Митрофанович; начальник штаба 2-й повстанческой армии А.С. Антонов; Главком поручик П.М. Токмаков; вахмистр Силянский, командир Пахотно-Угольского полка. Фотография сделана во время прощания с Токмаковым, который отбывал в Каменку на пост Главкома

войска самообороны также поступали под единое командование главкома, партизанские армии пополнялись за счет влитых в них партизанских отрядов, при этом создавались новые полки. На местах создавались подразделения народной милиции и внутренняя охрана, прокуратура и народные суды. Учреждалась гражданская управа, которая была подчинена Союзу трудового крестьянства и опиралась на 900 его местных комитетов, которые действовали на всей свободной территории Тамбовской губернии. Во всех полках вводились военно-полевые суды, а в Единой (Объединенной) партизанской армии Тамбовского края знаки различия для всего командного состава. На всей свободной территории губернии был утвержден старый государственный флаг России и введено обязательное обучение всех детей школьного возраста. Союз трудового крестьянства боролся с самозванной властью коммунистов за законную власть в стране и Учредительное собрание, находясь на позициях Белого движения. Лозунгами крестьян были «Долой уголовно-бандитскую власть предателей русского народа — коммунистов», «Да здравствует Великая, Единая и Неделимая Россия», «Да здравствует Учредительное собрание». Разрешена была деятельность всех политических партий России, кроме коммунистов. Однако левые социалисты-революционеры, изгнанные коммунистами из Совнаркома, пробуют создать свой СТК под лозунгом «Советы без коммунистов», и все это под красным флагом. Но крестьяне их разгоняют, и они уже более не пытаются вновь возродиться.

После объединения партизанских армий под единое командование действия партизан активизировались, и они взяли инициативу военных действий в свои руки. Партизаны атаковали гарнизоны красных, особенно доставалось «интернационалистам» и чекистским карателям. Повстанцы врываются в уездные центры и на железнодорожные станции. Большие трофеи оружия и боеприпасов позволяли им увеличить свои силы, у них появилась теперь своя артиллерия. Операции по захвату элеваторов и эшелонов с реквизированным коммунистами зерном позволили снабдить население ограбленных «продотрядовцами» районов посевным фондом. Советы, делая ход конем в популистских целях, сняли с губернии продразверстку, но у крестьян это абсолютно не вызвало никакого восторга, так как они ее уже давно отменили сами. Весь остаток 1920 года и начало 1921 года прошли для повстанцев довольно плодотворно. Они укрепили свои ряды. Число полков повстанцев перешагнуло за тридцать.

Накануне нового 1921 года в Москве было проведено совещание под председательством главы ВЧК Ф.Э. Дзержинского, в нем также приняли участие главнокомандующий РККА С.С. Каменев и

представители из Тамбовской губернии — А.Г. Шлихтер и В.Н. Мещеряков. По просьбе последних решено было выделить более значительные силы для подавления крестьянского восстания. При этом был назначен новый командующий войсками — А.В. Павлов, который уже 6 января 1921 года прибыл в Тамбов. В январе 1921 года в губернии с новой силой начались ожесточенные бои между повстанцами и вновь прибывшими с А.В. Павловым войсками. Повстанцы проявляли инициативу в военных действиях. Рано утром 26 января партизаны разгромили гарнизон поселка городского типа Уварово. А в середине дня произошел упорный бой с кавалерийскими полками красных у сел Верхоценье и Сампур, а также с довольно крупной пехотной частью и бронепоездом красных № 122. За два часа боя кавалерийские полки красных были разбиты и прекратили свое существование. Бронепоезд был уничтожен, а на железнодорожных ветках Грязи — Поворино и Тамбов — Балашов прекращено всякое движение. В этот же день была взята партизанами станция Токаревка.

В конце января 1921 года новый командующий войсками Тамбовской губернии пробует начать против крестьян широкомасштабную операцию по уничтожению основных сил Единой партизанской армии. Но в результате его войска были сильно потрепаны партизанами и рассеяны. Многие мобилизованные красноармейцы из крестьян и рабочих переходили на сторону повстанцев и вливались в их ряды. Повстанческое движение перекидывалось на Воронежскую и Саратовскую губернии. В Тамбовскую губернию дополнительно были направлены новые силы РККА: 15-я кавалерийская дивизия и стрелковая бригада из Самары и бригада 10-й стрелковой дивизии китайцев. Но и они не сделали здесь погоды. Положение оставалось по-прежнему в пользу повстанцев. 25–28 января 1921 года коммунисты по случаю своего тяжелого положения в Тамбовской губернии собрали в Тамбове конференцию, на которую прибыли из Москвы, кроме Луначарского, еще Н.И. Бухарин, Л.Б. Каменев и другие. В своем докладе командующий войсками РККА в Тамбовской губернии А.В. Павлов подчеркивал, что они имеют дело с очень крупным крестьянским восстанием, охватившим широкие слои народных масс. 27 января была в Москве создана комиссия по борьбе с «бандитизмом», которую возглавил Дзержинский, а затем передал все дела Э.М. Склянскому. Совнарком дал ему указание еженедельно докладывать о ходе событий в Тамбовской губернии. Вопрос о тамбовском народно-крестьянском восстании был поставлен 2 февраля 1921 года на заседании пленума политбюро ЦК РКП(б), после чего в Тамбовскую губернию была направлена полномочная комиссия ВЦИК РСФСР. Ее председателем был утвержден В.А. Антонов-Овсенко, уже знакомый в Тамбове

рецидивист-революционер, который после казачьего рейда сменил на посту председателя губисполкома М.Д. Чичканова, отстраненного от должности за сдачу без боя Тамбова генералу К.К. Мамантову.

Государственный преступник, участвовавший в перевороте в октябре 1917 года, палач рабочих в Москве и Воткинске, Антонов-Овсеенко прибыл в Тамбов, чтобы стать еще и палачом тамбовских крестьян. 16 февраля 1921 года эта злобная личность приступила к своим обязанностям в Тамбове. Отмена продразверстки в Тамбовской губернии не произвела на тамбовских крестьян должного впечатления. Антонов-Овсеенко выпустил обращение к крестьянам сдаваться всем 12 апреля. Но они этот день ознаменовали взятием под Тамбовом поселка городского типа Рассказово. При этом в плен к партизанам попал целиком батальон РККА, который повстанцам не оказал никакого сопротивления, имея на своем вооружении 11 пулеметов и 1 орудие. Коммунисты против партизан там впервые применили авиацию. На это время повстанческие полки были более чем в три раза увеличены числом. Некоторые из них теперь имели двойную нумерацию, так как вместо одного полка под этим названием числились уже два, а то и три полка. Были и полки с новыми названиями, как Нару-Тамбовский, Колыванский, два Особых, Саратовский, Золотовский, Волхонский, Текинский и другие, некоторые полки повстанцев были развернуты в бригады. Народ Тамбовщины готовился к решительной схватке с врагом.

А в самом Тамбове в это время шла чистка советского и партийного аппарата, как и губернского ЧК. Все это происходило в связи с расколом на X съезде РКП(б), возникновением там «рабочей оппозиции». Многие были смещены со своих постов и насиженных мест и даже отданы под трибунал, а другие были расстреляны в несудебном порядке. Бал правили председатель губисполкома А.Г. Шлихтер и уполномоченный ВЧК из Москвы Я.А. Левин, который курировал Тамбовское губернское ЧК. На должность его председателя теперь был назначен Михаил Давидович Антонов (Антонов-Герман). В Тамбов опять зачастили представители высшего коммунистического руководства. Сюда слетаются очень важные птицы — Н.И. Бухарин и Л.Б. Каменев. Новый командующий войсками Тамбовской губернии А.В. Павлов (уже пятый по счету за последний год) докладывает в Москву по прямому проводу главкому РККА С.С. Каменеву: «Тамбовские крестьяне в настоящее время наращивают свои военные силы и налаживают организацию гражданской войны на местах». Новый начальник Тамбовского ГубЧК М.Д. Антонов-Герман с ходу начал активизировать работу своего аппарата. По его предложению были созданы подвижные подразделения ГубЧК с целью проникновения на территорию губернии, контролируемую Союзом

трудового крестьянства. В их задачу входили такие акции, как расправа над крестьянами. Это надлежало производить под видом партизан. Тамбовские чекисты всерьез намеревались расколоть народное движение и подорвать силу повстанцев. Проникая небольшими группами на свободную территорию губернии и выдавая себя за повстанцев, они отнимали у крестьян лошадей, коров, овец, а также продовольствие, при этом совершая всевозможные бесчинства. Однако все эти акции чекистов быстро разоблачались самими крестьянами. Они вместе с партизанами устраивали на них засады и облавы. Одних ликвидировали на месте, а других доставляли туда, где они нашкодили, выдавая себя за партизан. Их там судили на месте, народным судом — расстреливали по его приговору, на глазах всех обиженных ими людей. Трупы расстрелянных лжепартизан ночью свозились в места дислокации красных и через расклеенные и разбросанные листовки красные оповещались, что они могут забрать свою агентуру, перечислялось все, что эта агентура успела натворить. Теперь во всех деревнях и селах народ усиливал свою самооборону и связь с партизанским командованием. После принятых мер проникновение чекистской агентуры в населенные пункты уже не имело места. Крестьяне отучили чекистов от подобных методов войны. А в это время коммунисты готовились к решающей схватке с непокорным тамбовским крестьянством. Разрабатывались будущие ревкомы, которым они на момент оккупации Тамбовской губернии собирались дать неограниченные права и власть. Коммунисты не жалели никаких средств на пропаганду и агитацию, разбрасывая ее с аэропланов над контролируемой повстанцами территорией. Это вызывало неопишемую радость крестьян, так как при нехватке бумаги они охотно использовали ее на самокрутки и как туалетную бумагу. Крестьяне хорошо знали, с кем они имеют дело, и не верили ни одному лживому слову коммунистов. Для крестьян Тамбовщины само слово «коммунист» звучало как самое матерное слово, которым они пользовались, когда надо было обругать самого подлого и низкого человека. Трудовое крестьянство очень хорошо знало, кто такие коммунисты, — это их личные враги и враги России.

Судьба России решалась тогда не только внутри ее на полях гражданской войны, но и во всем остальном мире, который отнюдь не одинаково относился к происходящему в ней. За рубежом у России было достаточно много друзей, но и не меньше недругов. Помимо Германии, Австро-Венгрии и Турции, с которыми она воевала в I мировую войну, ее недоброжелатели имелись и среди недавних союзников, даже тех, которых она спасла от поражения и разгрома в этой войне. Многие из них не хотели видеть великую и могучую Россию,

которая после войны непременно заняла бы ведущие места в мире. Однако очень многие хотели знать, что же на самом деле произошло с нею, и кто те люди, которым удалось эту Великую Державу взорвать изнутри?

В феврале-марте 1919 года в США состоялось заседание Сената, где специально созданная комиссия заслушала показания многих людей, которые в период революции и гражданской войны находились в России и видели все, что там происходило, собственными глазами. Официальный стенографический отчет заседаний комиссии напечатан на английском языке и составляет более 115 печатных листов. Позднее он был издан в Советской России²⁵. Из показаний свидетелей следует, что американские власти были неплохо осведомлены о положении в России: сотрудничестве Ленина с немцами и большом количестве так называемых «интернационалистов» в рядах Красной армии. Однако это не помешало правительству президента В. Вильсона прекратить и без того скромное вмешательство в гражданскую войну, а позднее, в 1920 г., предложить белым провести с красными переговоры о мире на Принцевых островах.

А в начале 20-х гг. XX века Тамбовская губерния продолжала сражаться за лучшую долю России, за законность в стране и ее свободу. В своих листовках повстанцы распространяли свое воззвание к жителям страны. Слова их доходят через многие десятилетия до нас, ныне живущих.

Вот текст, дошедший до нас из нашей с Вами истории:

ВОЗЗВАНИЕ СОЮЗА ТРУДОВОГО КРЕСТЬЯНСТВА²⁶

Друзья и братья, все русские люди! Мобилизованные крестьяне и рабочие! Пора нам всем проснуться, довольно вам всем слушать нахалов-коммунистов и террористов, угнетателей всех трудящихся людей. Присоединяйтесь к нашим народно-партизанским полкам. В этом только одно наше спасение вместе с вами и всего народа России.

Долой палачей-предателей Родины коммунистов!

Да здравствует избранное всем народом страны Учредительное собрание!

Да здравствует Великая Единая и Неделимая Россия!

Союз трудового крестьянства Тамбовской губернии

²⁵ Октябрьская революция перед судом американских сенаторов: Официальный отчет «Оверсенской комиссии» сената. М., 1990 (респринт издания: Октябрьская революция... М.-Л., 1927).

²⁶ Архив автора.

Это воззвание тамбовских повстанцев эффективно действовало на умы принудительно мобилизованных в Красную армию русских крестьян и рабочих, которые не хотели воевать против своего народа. Они понимали правоту этого возвания и, перебив комиссаров, переходили на сторону восставших. Тамбовская Вандея стояла. И пламя крестьянской войны, зажженное на тамбовской земле, перекидывалось на другие губернии, в том числе и на Сибирь. И если бы знал весь народ, что его ждет в будущем! Но будущее свое никому не известно, а если бы узнали, что с ними случится, — не допустили бы подобного никогда. Повстанческие армии Союза трудового крестьянства Тамбовской губернии продолжали крепнуть и пополняться. Они насчитывали более 30 полков и 2 бригады. Теперь у них была своя артиллерия и конница. Союз трудового крестьянства обнародовал программу, которая напоминала программу генерала Л.Г. Корнилова и успешно распространялась среди населения, которое ее горячо приветствовало. Эту программу удалось широко распространить также среди частей Красной армии. Она состояла из четко аргументированных пунктов и подкупала своей простотой восприятия. Она была понятна и близка крестьянству. К восстанию теперь примыкали и уезды соседних губерний. Программа Союза трудового крестьянства Тамбовской губернии бралась за основу всеми повстанцами России²⁷.

1. Политическое равенство всех граждан, не разделяя на классы.
2. Прекращение гражданской войны и установление мирной жизни.
3. Всемерное содействие установлению прочного мира со всеми иностранными державами.
4. Созыв Учредительного собрания по принципу равного, всеобщего, прямого и тайного голосования, не предreshая его воли в выборе установления политического строя, с сохранением права за избирателями отзыва представителей, не выполняющих воли народа.
5. Впредь до созыва Учредительного собрания, установление временной власти на местах и в центре на выборных началах союзами и партиями, участвовавших в борьбе с коммунистами.
6. Свобода слова, печати, совести, союзов и собраний.
7. Проведение в жизнь закона о социализации земли в полном его объеме, принятого и утвержденного бывшим Учредительным собранием.
8. Удовлетворение предметами первой необходимости, в первую очередь продовольствием, населения города и деревни через кооперативы.

²⁷ Архив автора.

9. Регулирование цен на труд и продукты производства фабрик и заводов, находящихся в ведении государства.

10. Частичная денационализация фабрик и заводов; крупная промышленность, каменноугольная и металлургическая должна находиться в руках государства.

11. Рабочий контроль и государственный надзор над производством.

12. Допущение русского и иностранного капитала для восстановления хозяйственной и экономической жизни страны.

13. Немедленное восстановление политических и торгово-экономических сношений с иностранными державами.

14. Свободное самоопределение народностей, населяющих бывшую Российскую империю.

15. Открытие широкого государственного кредита для восстановления мелких сельских хозяйств.

16. Свободное производство кустарной промышленности.

17. Свободное преподавание в школе и обязательное всеобщее обучение грамоте.

18. Организованные и действующие ныне партизанские добровольческие отряды не должны быть распускаемы до созыва Учредительного собрания и разрешения им вопроса о постоянной армии.

*Тамбовский губернский комитет
Союза трудового крестьянства*

Насильно мобилизованные в Красную армию крестьяне и рабочие поодиночке и группами продолжали переходить на сторону народных партизан СТК. В основном повстанцам противостояли наемники-«интернационалисты» и чекистские подразделения. Эти военные специалисты, профессионалы-контрактники, плохо знали русский язык и поэтому считались надежными на службе у коммунистов, ну а чекисты — это были сплошь отпетые убийцы, и обе эти категории борцов за «мировую революцию» в плен не брались, они безжалостно уничтожались партизанами, так как были злейшими врагами русского народа, убивавшими даже крестьянских детей и сжигавшими деревни и села тамбовских крестьян. Разоренная коммунистами страна, обливаясь кровью и вымирая от голода, как могла сражалась с самозванцами.

В деревнях и селах Тамбовской губернии благодаря крестьянскому восстанию еще оставалось довольно много продовольствия и хлеба. И это давало возможность бороться с коммунистами. В тех местах, где коммунистам удалось полностью реквизирировать у населения все продовольствие, сопротивления не было, так как не было продовольственной базы. Народ там вымирал, употребляя в пищу лебеду, крапиву и трупы

умерших. По соседству с Тамбовской губернией восстали и крестьяне прилегающих к ней пензенских уездов. Именно в Пензу было направлено письмо «гениального вождя» от 11 сентября 1918 года, спустя 4 месяца после подписания им декрета «О продовольственной диктатуре», с указанием пензенским крестьянам дать надлежащий образец. Он понимал, что крестьяне добровольно свой хлеб отдавать не будут. Еще 9 сентября 1918 года Ленин дал задание Пензенскому губисполкому: «Необходимо организовать беспощадный террор»²⁸. Член пензенского исполкома Евгения Бот свидетельствовала по этому поводу следующее:

«Так как руководящие пензенские товарищи были против решительных мер в борьбе с кулачеством, но не возражали по существу полученных директив, а создавали всяческие препятствия и затруднения в проведении их, то мне пришлось ответить Владимиру Ильичу коротко: «Будет исполнено!»»²⁹

Сама Евгения Бот впоследствии застрелилась в 1925 году, разумеется, не потому, что ее заели угрызения совести.

Сохранилось также письмо М.А. Спиридоновой — лидера левых социалистов-революционеров, направленное лично Ленину, уже после того, как эсеры разошлись с большевиками — недавними союзниками по государственному перевороту. Одно время М. Спиридонова входила в состав советского правительства и была членом ВЦИК РСФСР, а в 1941 году была расстреляна в Орловской тюрьме перед сдачей города Орла немцам. Находясь уже в изгнании, лишенная всех своих постов и привилегий, в этом письме Спиридонова осуждала своих бывших соратников по революции. Касаясь событий в Пензенской губернии, которые имели место во второй половине 1918 года, она писала ему:

«Я знаю о Пензенской губернии. В Пензенской губернии пороли крестьян, расстреливали, и все, что полагается, они приняли в положенной форме и в установленном порядке. Сначала их реквизировали, порой и расстреливали, потом они стали стеной (кулацкое восстание — говорили вы), потом их умиряли, опять пороли и расстреливали. Наши левые социалисты-революционеры разговаривали с десятками этих поровших крестьян «интернационалистов». С каким презрением говорили они о глупости русского мужика и о том, что ему нужна палка...»³⁰.

²⁸ Латышев А.Г. Рассекреченный Ленин. — М, 1996. С. 57–58.

²⁹ Там же. С. 66.

³⁰ Там же. С. 69–70.

Мария Спиридонова, однако, сама была виновата в этом, что тогда происходило в России, но в силу сложившихся обстоятельств была вынуждена свои взгляды изменить.

Сами же крестьяне о событиях в Пензенской губернии говорили следующее:

«Ставили нас рядом... Целую одну треть волости шеренгой и в присутствии двух третей лупили кулаками справа налево, а лишь кто делал попытку улизнуть, того принимали в плети». <...> «По приближении отряда большевиков надевали все рубашки и даже женские кофты на себя, дабы предотвратить боль на теле, но красноармейцы так наловчились, что сразу две рубашки внизывались в тело мужика-труженика. Отмачивали потом в бане или просто в пруду, некоторые по несколько недель не ложились на спину. Взяли у нас все дочиста, у баб всю одежду и холсты, у мужиков — пиджаки, часы и обувь, а про хлеб нечего и говорить». <...> «И вот пошли мужики потом. Шли шесть волостей стеной, на протяжении 25 верст со всех сторон, с плачем, воем жен, матерей, с причитаниями, с вилами, железными лопатами, топорами. Шли на Совет»³¹.

7. КОНТРНАСТУПЛЕНИЕ КОММУНИСТОВ

Коммунисты, испуганные боевой активностью партизанских армий СТК и не в силах справиться с ними имеющимися силами, требовали их увеличить до размеров, способных ликвидировать крестьянское восстание. По приказу главкома РККА сюда снимались со всех фронтов гражданской войны высвободившиеся войска. Так командующий войсками Кавказского фронта В.М. Гиттис по приказу главкома С.С. Каменева и заместителя председателя Реввоенсовета Э.М. Склянского направил в Тамбовскую губернию лучшие свои военные части. То же вынужден был сделать командующий войсками Украины и Крыма М.В. Фрунзе и командующий Западным фронтом М.Н. Тухачевский. Все они лично следили за отправкой к месту назначения своих самых боеспособных войск. Из ПУРа и ЦК РКП(б) во все эти войска было направлено большое количество политработников и комиссаров для агитационной обработки этих частей, которые тут же и приступили к выполнению своей задачи. Главком РККА выделил из своего резерва бронемашину, бронепоезда, автоотряды, кавалерийские и артиллерийские резервы, 7 000 курсантов командирских курсов среднего командного состава РККА, собранных со всех городов страны, а также слушателей военной академии и курсов усовершенствования высшего командного состава

³¹ Там же. С. 70.

РККА, которым надлежало на время заменить многих командиров, участвующих в подавлении восстания. Все они должны были пройти стажировку в военных действиях против русского народа.

В Москве в это время Тамбовское восстание в определенных кругах все чаще стали называть «антоновщиной», еще вне связи с именем Александра Степановича Антонова — начальника штаба 2-й повстанческой армии партизан. Это название было придумано все тем же неугодным «гением всего человечества», который был недоволен ходом событий в Тамбовской губернии, и, как свидетельствуют Главком РККА С.С. Каменев и заместитель председателя Реввоенсовета Э.М. Склянский, которым приходилось докладывать вождю на заседаниях Совнаркома о делах в Тамбовской губернии, он спрашивал у них: «А как обстоят наши дела у “антоновщины?”» — имея в виду Тамбовщину, где председателем полномочной комиссии ВЦИК был В.А. Антонов-Овсеенко, а председателем губернского ЧК Антонов-Герман. Когда те ему сообщали о плохих сведениях, он, нервничая и вскакивая со стула, быстро ходил взад-вперед, при этом не стеснялся в нелестных выражениях в адрес руководящей там «антоновщины». И напротив, когда эти сведения были благоприятные, он весело потирал руки и восторженно хвалил «антоновщину» — так постепенно это название стало неразрывно с крестьянской войной Тамбовской губернии. Когда к началу процесса над эсерами 1921 года понадобилось изобразить тамбовское народное восстание как якобы эсеровское, тут и сгодился А.С. Антонов, как бывший эсер. И «антоновщина» теперь перекочевала на противоположную сторону. После поражения восстания эту легенду коммунисты старались укрепить любым способом, и таким образом она дожила до наших дней.

Сам Антонов был человек сложной и запутанной судьбы. О его до-революционной биографии уже писалось. Возвратившись в Тамбов после долгих лет каторги, Антонов успешно организовал местную милицию, а затем порвал с советской властью. Сначала он командовал народно-партизанской дружиной. Когда все облавы на него в 1918–1919 гг. кончались неудачей, уполномоченный ЧК, некто Коренков, докладывал об этом следующее, по делу 788/813–815, относительно командира одного из отрядов А.С. Антонова:

«Все облавы на него кончались ничем, так как он всегда в последнюю минуту, не теряя самообладания, окруженный довольно плотным кольцом чекистов, выходил из него с самым невозмутимым видом, с маузером в руках, надетым на деревянную колодку кобуры-приклада. Он начинал спокойно, не моргнув глазом, расстреливать его окружавших, стараясь их уничтожить как можно

больше. Как только ему удавалось застрелить с десятков чекистов, он спокойно, не спеша уходил в лес»³².

Позже, когда Антонов уже был начальником штаба 2-й партизанской армии, в 1920–1921 гг. он не раз находил так же хладнокровно выход из тяжело сложившихся положений. Однако самым уязвимым местом в непрерывно растущих рядах повстанцев была нехватка оружия, и они часто проводили военные операции с целью его пополнения. Им плохо удавалось вооружить массовую армию повстанцев-партизан, вновь вступающих в их ряды. В самом начале зарождения партизанского движения в Тамбовской губернии, когда повсюду на ее территории действовали еще разрозненные дружины народных партизан, коммунисты предлагали Антонову разоружиться в обмен на амнистию. Этого письма не сохранилось, но в архивах есть следующий ответ самого Антонова.

«Я был довольно удивлен, когда от Вас получил письмо. Вы мне пишете: «Если вы сознательный, а мы в этом уверены, вы должны прийти к нам и сдать все имеющееся у вас оружие, а людей своих распустить по домам». Так вот на что вы надеетесь. Это становится довольно интересно. Так какое оружие вы от нас хотите получить? То, которое добыто нами у вас ценой нашей крови? Для защиты своего имущества и собственной жизни от вас — насильников, разбойников и самозванцев. Это с вашей стороны придумано не умно. У вас еще хватает нахальства и наглости называть нас «бандитами». Вы оглянитесь кругом и назад, что вы натворили за то короткое время, как самозванно захватили в стране власть. Кругом одно насилие над нашим народом и сплошное его ограбление с уничтожением ни в чем не повинных людей, будь то старики, дети и женщины. Если взять и собрать все жертвы всевозможных властителей и деспотов, а также все простых убийц и положить их на чашу весов, а на другую всех убитых вашей подлой рукой, то ваша чаша с убитыми и замученными вами людьми с грохотом упадет на стол, перетянув первую. Потому что таких извергов, как вы, еще никогда не видала наша земля. Посмотрите сами кругом, что вы наделали. Стон стоит от этого. Сплошь грабежи и убийства. От кого летят у крестьян в щепки двери амбаров и ворота, от кого льется народная кровь? Только от вас — самозванцев и хамов. А вы нас зовете «бандитами». У кого мы отняли его имущество? Тронули ли мы хоть единым пальцем старика, вдову или ребенка? Нет, не тронули. Все это делаете вы, коммунисты, вампиры и

³² Архив автора

кровососы народной крови. Это вы-то не знаете, за что мы боремся против вас? Прошу вас прислать двух или трех представителей вашей Красной армии. Жизнь им гарантирована, как и никакого над ними насилия. И пусть смотрят сами, кто есть кто. Но если вы по-прежнему будете в деревнях и селах убивать семьи наших народных партизан и их детей и жен, от нас пощады не будет.

А. Антонов»³³.

Весь остаток 1920 года прошел на подъеме и активизации повстанческих сил. Крестьянам на свободной территории Тамбовской губернии впервые после 1918 года удалось собрать свой урожай, который не могли отнять у них теперь коммунисты, а крестьянские дети спокойно отучились в том году в сельских школах.

Однако общая ситуация в России к тому времени сложилась в пользу коммунистов. Русская армия генерала П.Н. Врангеля, покинув пределы Крыма, ушла на пароходах в Турцию, прихватив с собою большое количество мирных жителей, спасенных ею от «красного террора». В Сибири и на Дальнем Востоке еще сражались с коммунистами белые воины остатков армии адмирала А.В. Колчака и атамана Г.М. Семенова, которые отступали с боями за кордон в Маньчжурию и Монголию. А на территории бывшей Российской империи еще полыхали многочисленные очаги сопротивления. Но страна неумолимо опускалась во мрак коммунистической диктатуры.

Среди тех, кто еще яростно сражался за свободу России, была и Тамбовская губерния. Новый, 1921 год был ознаменован в стране многими крестьянскими восстаниями, которые коммунисты подавляли с небывалой жестокостью. А в марте в Кронштадте восстали «красные военморы», бывшие недавно опорой советской власти. Матросы, перебив коммунистов и комиссаров, обратились к народу России по радио с призывом свергать советскую власть. Сперва эти матросы Балтийской эскадры Русского флота были опорой советской власти, потом не дали Ленину потопить военные корабли, на чем настаивала Германия, теперь, прозрев и поняв, в какое дерьмо они попали, восстали сами и призывали к восстанию Россию. Гражданская война вступала в свою последнюю фазу — фазу массового сопротивления. Восстание матросов советская власть подавила, как всегда, с огромной жестокостью, расстреляв их в Кронштадте тысячи, там же, где они в 1917 году сами убивали своих адмиралов и офицеров. Теперь подошла их очередь. Многие тысячи их трупов Балтика выкинула на берега Финского залива, а других унесло к берегам новых прибалтийских государств и Скандинавии. Тех, кого

³³ Архив автора.

оставили в живых, коммунисты отправили к Белому морю в Пертолинский лагерь смерти. Спустя 2–3 месяца они там вымерли от холода, голода и произвола лагерной охраны.

Как уже писалось выше, незадолго до этих событий в Тамбов прибыл В.А. Антонов-Овсеенко, назначенный сюда по решению Политбюро ЦК РКП(б) председателем полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с «бандитизмом». В это время в Москве, как и везде по стране, происходило среди коммунистов брожение и склоки — все это они принесли на X партийный съезд, где возникла «рабочая оппозиция». Стало ясно, что «Рабоче-крестьянское правительство» абсолютно не соответствует своему названию. Таким образом, Антонову-Овсеенко в первую очередь пришлось в Тамбове решать дела сугубо партийные, то есть разбирать склоки, как выражался Ленин, «мелкой советской сволочи», а не заниматься восстанием крестьян. Подавив восстание «военморев» в Кронштадте, советская власть полностью переключила свое внимание на Тамбовскую губернию, объявив ее «на положении Кронштадта». Вопрос о подавлении восстания ставился на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 27 апреля 1921 года. Главкому РККА С.С. Каменеву и всем руководителям центральных военных учреждений РСФСР, ВЧК, милиции, особенно командованию Орловского военного округа, в который входит Тамбовская губерния, было поручено принять экстренные меры для ликвидации восстания. Срок на это ЦК дал в один месяц. Главный штаб РККА немедленно должен был выделить соответствующее пополнение в войска Тамбовской губернии и провести смену частей, подвергнутых пропаганде СТК, а также ввести туда новые крупные соединения РККА, освободившиеся с других фронтов ввиду прекращения там военных действий. По предложению Ленина и Троцкого Политбюро приняло решение о назначении туда командующим войсками «героя Кронштадта», только что потопившего в крови «военморев», М.Н. Тухачевского, до этого командовавшего Польским фронтом.

Новая восходящая звезда и будущий красный маршал Михаил Тухачевский, не лишенный воинского таланта, как и тщеславия, бывший офицер Гвардии, имевший отличия за мировую войну и не раз бежавший из немецкого плена, при окончании кадетского корпуса как-то сказал своим однокашникам-кадетам: «Если я к 30 годам не стану генералом — я застрелюсь». У красных он в двадцать с лишним лет уже командовал фронтами. Обласканный как Лениным, так и Троцким, он занимал прочное положение среди «военспецов» — бывших офицеров старой Русской армии, перешедших на службу к коммунистам.

6 мая 1921 года он прибыл в Тамбов и сменил там А.В. Павлова. Он был наделен ЦК РКП(б) очень широкими полномочиями. По

военной линии он был подчинен непосредственно только главному С.С. Каменеву, а по политической — только Политбюро ЦК. В Тамбове он автоматически вошел в полномочную комиссию ВЦИК РСФСР. Заместителем его по войскам был назначен бывший офицер И.П. Уборевич, начальником штаба — бывший полковник Генерального штаба Н.Е. Какурин. Все трое впоследствии за свою верную службу коммунистам были расстреляны ими. По существу, вся политическая власть в Тамбовской губернии в той части, которая была оккупирована красными, находилась в руках полномочной комиссии ВЦИК, бал здесь правил Антонов-Овсенко, так же впоследствии расстрелянный.

Как уже писалось выше, всем им Москва и ЦК отпустили один месяц на ликвидацию восстания. На территорию губернии начали прибывать со всех сторон войска. Кроме регулярных войск РККА — масса чекистских подразделений почти со всех городов страны, а также «интернационалисты». Эшелоны с войсками под прикрытием авиации и бронепоездов разгружались на железных дорогах губернии. В некоторых местах доставка воинских эшелонов была затруднена тем, что партизанами на десятки километров железная дорога была разобрана, а рельсы увезены. Туда войска прибывали маршевым порядком. Прибыло несколько кавалерийских дивизий и 9 бригад, 6 бронепоездов, 5 автоотрядов, где на каждом автомобиле установлены крупнокалиберные пулеметы, 9 артбригад и множество отдельных артдивизионов и батарей, несколько дивизий РККА, ЧК, ЧОН и множество разноплеменных дивизий «интернационалистов», несколько тысяч курсантов, слушателей высших курсов РККА и военных академий. Сюда было направлено 4 бронепоезда и 6 бронелетучек, два отряда самолетов и два отряда автоматчиков, вооруженных первыми русскими автоматами. Эти два батальона были сформированы по распоряжению Николая II в самом конце 1916 года и

Бойцы повстанческой армии

вооружены автоматическим оружием (первыми автоматами), затем автоматчики находились в резерве РККА. Кроме всего этого, сюда был направлен химический полк и пять химкоманд, на вооружении которых находилось химическое оружие.

Это, конечно, далеко не полный перечень всех сил, которые советская власть бросила на подавление Тамбовского восстания. Повстанческие же армии не могли располагать даже и десятой долей этих сил, но они достойно встретили всю эту армаду Тухачевского и вступили с нею в бой, понимая, что лучше умереть в бою, чем жить под большевиками и терпеть. Партизаны и весь народ Тамбовской губернии произвели большое впечатление на красных своею самоотдачей и стойкостью в бою, а также бесстрашием, повергнув в изумление красных, которые говорили про них: «Они не щадят себя в бою, а также и своих детей и жен, смело бросаясь на пулеметы, как волки». Именно тогда и пошло гулять это выражение по всей стране «тамбовский волк». В бой вступил весь народ Тамбовской губернии — от мала до велика. Все взрослое население и даже дети, женщины и старики.

Повсюду полыхали деревни и села, дым пожарищ стелился по всей Тамбовской губернии, но «Тамбовская Вандея» стояла, не уступая вооруженному до зубов врагу. Если сегодня взять старую дореволюционную карту Тамбовской губернии, то вы увидите, сколько тогда с ее лица исчезло деревень и сел, смешанных с землей артогнем и сожженных карателями. Сегодня об этих населенных пунктах даже не сохранилось и памяти, все их население было уничтожено. Большевицкие газеты взахлеб от удовольствия и восторга печатали тогда списки сожженных и уничтоженных русских сел и деревень, которые они называли «бандитскими». Однако тамбовские крестьяне стояли насмерть, нанося своему врагу большой урон. Сроки, намеченные Москвой для полного подавления восстания, трещали по швам и становилось ясно, что они нереальны. Вся эта огромная машина вторжения начала буксовать. Громадная армия самозванцев начинает растворяться в почти что четырехмиллионном враждебном ей населении Тамбовской губернии, которое оказывает оккупации активное сопротивление.

Тухачевский прилагает все усилия, чтобы одержать победу над населением русских деревень. Позже, будучи уже маршалом Советского Союза, он напишет: «Красной армии, встречающей в районах, зараженных бандитизмом, поголовное недоброжелательство крестьянства, не могущей организовать хорошей разведки и прочее, задача искоренения бандитизма непосильна без соответствующей работы по советизации крестьянского повстанчества...». Затем добавит еще:

«В районах прочно вкоренившегося восстания приходится вести не бои и операции, а, пожалуй, целую войну, которая должна закончиться прочной оккупацией восставшего района, насадить в нем разрушенные органы советской власти и ликвидировать самую возможность формирования населением бандитских отрядов. Словом, борьбу приходится вести, в основном, не с бандами, а **со всем местным населением** (выделено. — Б.С.). <...> Советской власти в деревне не существовало, — и в сознании крестьянства господствовала прежняя мысль о необходимости борьбы с советской властью, борясь с продразверсткой»³⁴.

В конце концов Тухачевскому ничего не оставалось, как применить против крестьян удушливые газы — средство массового уничтожения людей. Применить их не на каком-либо из фронтов в войне против немцев или австрийцев, а вместе с ними против русского народа в центральной России. После согласования с Москвой, с Главкомом РККА, в Совнарком, Реввоенсовете и ВЦИК он от всех них получил добро, и даже согласие ЦК РКП(б). После чего им издается приказ, обрекающий народно-крестьянское восстание на поражение.

ПРИКАЗ³⁵

Командующего войсками Тамбовской губернии

№ 0116/оперативно-секретный

г. Тамбов 12 июня 1921 г.

Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбежавшие из деревень, где восстановлена Советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей.

Для немедленной очистки лесов

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами, точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось полностью по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось.
2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов.
3. Начальникам боевых участков настойчиво и энергично выполнять настоящий приказ.
4. О принятых мерах донести.

Командующий войсками *Тухачевский*
Начальник штаба войск Генштаба *Какурин*

³⁴ *Тухачевский М.Н.* Борьба с контрреволюционными восстаниями // Война и революция. — М., 1926. № 7. С. 9; № 8. С. 7.

³⁵ Архив автора.

Сейчас сторонники советской власти, чтобы обелить себя, говорят, что этот приказ Тухачевского не был проведен в жизнь. Однако есть достаточное количество других приказов, телеграмм, рапортов, донесений и свидетельских показаний о том, что он исполнялся на всей территории Тамбовской губернии, благодаря чему и было ликвидировано сопротивление народа. В это время командование партизанских армий приняло новые методы войны. Чтобы избежать разрушения населенных пунктов и гибели детей, женщин и стариков, повстанцы переходят на исключительно партизанские правила войны. Они в основном сосредотачиваются в лесных массивах губернии, где против них невозможно применить ни бронемашину, ни автоотряды, ни кавалерию, а применение артиллерии и авиации также ограничено до минимума. Зато они своими вылазками из лесов, набегам и рейдами, наносят красным довольно сильный урон. При этом, имея симпатию всего населения, они хорошо знают о дислокации всех войск противника.

Красные части несли в такой войне большие потери и могли повстанцам ответить только самыми минимальными ударами. Плохо справляясь с военной силой повстанцев, коммунисты теперь в основном переключились на население. В деревнях и селах ими организовывались ревкомы, которые выявляли семьи партизан и отправляли их в созданные для этой цели концентрационные лагеря. При этом заключенными этих лагерей становилось не только взрослое население, но и все дети, все старики до самого преклонного возраста. Ревкомы по своим постановлениям имели право расстрелов.

Еще 20 мая 1921 года на митинге, созванном СТК, главным командованием партизан, гражданской управой и населением окрестных сел и деревень в селе Карай-Салтыково была провозглашена «Временная демократическая республика Тамбовского партизанского края» с правами до созыва Учредительного собрания.

Главой республики партизанского края повстанцы выдвинули активного члена СТК и одного из вожakov партизанского движения Шендяпина. Вновь созданная республика объявила мобилизацию всего мужского населения от 20 до 40 лет в Единую партизанскую армию Тамбовского края. В партизанские армии влилось большое пополнение крестьян, которое в своем большинстве и без мобилизации пришло бы на защиту своей свободы. Коммунисты решили также использовать свой последний шанс в схватке с тамбовским крестьянством, между Москвой и Тамбовом происходит обмен телеграммами по поводу применения удушливых и отравляющих газов.

ТЕЛЕГРАММА³⁶

Командующему войсками Тамбовской губернии
тов. Тухачевскому Москва

20 июня 1921 г.

Главком приказал срочно выслать в распоряжение Тамбовского губернского командования 5 химических команд с соответствующим количеством баллонов с газами для обслуживания боевых участков.

1-й помощник начальника Штаба РККА
Шапошников

ТЕЛЕГРАММА³⁷

Начальнику артиллерии Особого Назначения
Начальнику штаба Орловского военного округа

Москва, 20 июня 1921 г.

Ввиду возможного получения боевого задания химическую роту, находящуюся в лагерях Орловского округа, надлежит срочно доукомплектовать личным составом. По укомплектовании приступить к интенсивному ведению занятий.

Инспектор Артиллерии Республики
Шейдеман

24 июня 1921 г.

Командующему войсками Тамбовской губернии
РАПОРТ³⁸

Относительно применения газов в Москве я выяснил следующее: наряд на 2 000 химических снарядов дан, и на этих днях они должны прибыть в Тамбов. Распределение по участкам: 1-му, 2-му, 3-му, 4-му и 5-му по 200, 6-му — 100. Инструкцию для применения представляю на Ваше рассмотрение, после чего разошлю ее начальникам артиллерии участков.

Инспектор артиллерии Тамбовской
армии по борьбе с бандитизмом
С. Косинов

³⁶ Архив автора.

³⁷ Архив автора.

³⁸ Архив автора.

Тамбов, 1 июля 1921 года.

РАПОРТ³⁹

Сим доношу Вам, что сего числа мною были осмотрены газовые баллоны и имущество, надлежащее быть при них. Прибывшие на Тамбовский артиллерийский склад. При этом нашел баллоны с хлором марки Е-56 в количестве 250 штук, находятся в исправном состоянии. Утечки газа нет. Ко всем баллонам имеются запасные колпачки и технические принадлежности, как-то ключи, шланги, свинцовые трубки, шайбы и прочий инвентарь, весь в исправном виде, в сверхкомплектном количестве. Однако противогазов нет. При наличии таковых из имеющихся на складе баллонов может быть проведена газовая атака, без всякого дополнительного инвентаря, так как имеется все для этого нужное. Даже бандажки для переноски баллонов с газом. Прибывшие в Тамбов два вагона с химическими снарядами мною не осмотрены, так как вагоны находились в состоянии маневрирования.

Газотехник В. Цуськов

Хорошо понимая, что победу над тамбовскими крестьянами будет одержать трудно, а затяжные боевые действия могли привести к разложению воинских частей РККА, из-за непопулярности войны против своего народа, коммунисты решили, что с восстанием надо как можно скорее кончать. А для этого у них есть единственный выход — применить оружие массового уничтожения, против которого у крестьян нет никаких средств защиты. Тухачевский спешил использовать его скорее и одновременно на всех боеучастках губернии. Газы должны были использоваться в местах наиболее интенсивного сопротивления повстанцев, а также в лесных массивах, куда доступ войск был наиболее затруднен. В лесных массивах находилось особенно большое сосредоточение партизан и, так как против них нельзя было применить многих видов оружия, их оттуда надо было выкурить на открытую местность, где можно применить авиацию, бронетехнику, кавалерию и автомобильные части — этого всего у партизан не было. Уже первые применения газов показали, что, не имея средств защиты, крестьяне, до сего времени не знавшие этого вида оружия, испытывают перед ним панический страх,

³⁹ Архив автора

так как оно действовало в основном на психику. Вот один из этих приказов по 6-му боеучастку. Этот район был особенно отмечен стойким сопротивлением партизан.

*Совершенно секретно
Копия Тамбовскому губвоенкому*

ПРИКАЗ⁴⁰

войскам 6-го боевого участка Тамбовской губернии № 43

28 июня 1921 г. с. Инжавино

Для сведения и руководства объявляю краткие указания о применении химических снарядов.

1. Химические снаряды применяются в тех случаях, когда газобаллонный выпуск невозможен по метеорологическим или топографическим условиям, например, при полном отсутствии или слабом ветре и если противник засел в лесах в местах, труднодоступных для газов.

2. Химические снаряды разделяются на 2 типа: удушающие и отравляющие.

3. Быстродействующие снаряды употребляются для немедленного воздействия на противника, испаряются через 5 минут.

Медленно действующие употребляются для создания непроходимой зоны, для устранения возможности отступления противника, испаряются через 15 минут.

4. Для действительной стрельбы необходим твердый грунт, так как снаряды, попадая в мягкую почву, не разрываются и никакого действия не производят. Местность для применения лучше закрытая, поросшая густым лесом. При сильном ветре, а также в жаркую погоду стрельба становится недействительной.

5. Стрельбу желательно вести ночью. Одиночных выстрелов делать не стоит, так как не создается газовой атмосферы.

6. Стрельба должна вестись настойчиво и большим количеством снарядов (всех батарей). Общая скорость стрельбы не менее трех выстрелов в минуту на орудие. Сфера действия снаряда — 20–25 квадратных шагов. Стрельбу нельзя вести при частом дожде и в случае, если до противника не более 300–400 шагов и ветер в нашу сторону.

7. Весь личный состав батарей должен быть снабжен противогазами.

*Инспектор артиллерии С. Косинов
Начальник 6-го боевого участка Павлов*

Далее идут рапорта непосредственных исполнителей применения химического оружия в Тамбовской губернии.

⁴⁰ Архив автора.

РАПОРТ⁴¹

20 августа 1921 года.

Дивизион Заволжских артиллерийских курсов при операции в районе озера Рамза израсходовал 130 шрапнельных, 69 фугасных и 79 химических снарядов.

Начальник отдела Заволжского дивизиона
артиллерийских курсов *Михайлов*

Начальнику артиллерии группы
войск Тамбовской губернии

23 августа 1921 года. с. Инжавино

ДОНЕСЕНИЕ⁴²

Августа 22 числа 1921 года артиллерийская бригада Заволжского В.О. в бою с бандитами израсходовала 160 шрапнельных, 75 фугасных и 85 химических снарядов.

Начальник артиллерийской бригады (подпись нрзб)

Начальнику 6-го боеучастка тов. Павлову
23 августа 1921 г. с. Инжавино.

ДОНЕСЕНИЕ⁴³

По получении мною боевого задания дивизион в 8.00 22 августа с.г. выступил из села Инжавино в село Карай-Салтыково, из которого, после большого привала и отдыха в 14.00 по направлению села Кипец. Заняв там позицию, в 16.00 открыл огонь по острову на озере в 1,5 версты северо-западнее села Кипец. Дивизионом выпущено по острову 65 шрапнельных снарядов, 49 фугасных и 50 химических. После выполнения своей задачи дивизион в 20.00 снялся с позиции и возвратился ночью в село Инжавино.

Командир Белгородских артиллерийских курсов *Нечеев*

Из этих всех документов видно, что химическое оружие применялось постоянно, начиная с конца июня 1921 года и, по всей видимости, вплоть до осени 1921 года. Бои между партизанами СТК и властью коммунистов носили ожесточенный характер. Партизаны не давали отдыха своим врагам, нанося им большой урон, днем и ночью. Над очагами сопротивления, как вороны, кружили аэропланы Тухачевского,

⁴¹ Архив автора.

⁴² Архив автора.

⁴³ Архив автора.

сбрасывая не только бомбы, но и листовки, предлагая сдаваться в плен. Но это только придавало ярости повстанцам, и они сражались с удвоенной силой. За одну только операцию по подавлению крестьянского восстания в Тамбовской губернии большевики выдали, как позже выяснилось, больше орденов Красного Знамени, чем за всю гражданскую войну, один только бронеотряд, в основном состоящий из мадьяр, австрийцев и немцев, их получил 58 штук. Число своих войск коммунисты довели здесь до размеров всей белой армии генерала А.И. Деникина — и все это только на одну губернию России. В советских газетах сплошь и рядом красовались такие заголовки, как: «Губерния объявлена на положении Кронштадта!», «Мы уничтожаем семьи бандитов — они должны отвечать за них» и т.д. «Травить их удушливым и отравляющим газом!» — так тогда писала тамбовская коммунистическая пресса. Полномочная комиссия ВЦИК РСФСР издала свое знаменитое постановление за № 130, в котором предписывала убивать население восставшей губернии, а семьи без всяких скидок на любой возраст направлять в концлагеря, что, по сути, являлось также уничтожением. Рекомендовалось брать заложников, а потом расстреливать и их, то есть людей, которые даже не принимали участие в восстании. Перед расстрелом их заставляли расписываться каждого в списках против своей фамилии. Вот один из приказов Тухачевского о заложниках:

ПРИКАЗ⁴⁴

Командующего войсками Тамбовской губернии
Поезд командующего, 7 июля 1921 г.

Разгромленные банды прячутся в лесах и вымещают свою бесильную злобу на местном населении, сжигая мосты и прочее народное достояние.

В целях сохранения мостов Полномочная Комиссия ВЦИК приказывает:

Первое: немедленно взять из населения деревень, вблизи которых расположены важнейшие мосты, не менее 5 заложников, коих в случае порчи моста надлежит немедленно расстреливать.

Второе: местным жителям организовать под руководством ревкомов оборону мостов от нападений бандитов, а также вменить в обязанность исправление разрушенных мостов не позднее, чем в 24-х часовой срок.

Третье: настоящий приказ широко распространять по всем деревням среди населения.

Командующий войсками *Тухачевский*

⁴⁴ Архив автора.

Еще в первой половине 1921 года погиб в бою главком Единой партизанской армии Тамбовского края и председатель Союза трудового крестьянства Петр Токмаков, получив в бою смертельное ранение: пуля, попав ему в глаз, вышла через ухо. Главком умер на третий день после ранения, так и не придя в сознание. Соратники его тайно похоронили, скрыв место погребения, помня, как коммунисты поступили с останками генерала Л.Г. Корнилова. Однако имя этого замечательного человека коммунисты, а вернее, их фальшивомонетчики от истории, продолжали чернить многие десятилетия, обзывая его конокрадом и говоря, что он на каторге познакомился с А.С. Антоновым, не подозревая даже того, что конокрад и политический экспроприатор не могли содержаться на одной каторге. Антонов сидел в Шлиссельбурге и Владимирском центральном, а Токмаков вообще нигде.

В Тамбовском областном архиве хранится часть дела арестованной Анастасии Дриго-Дригиной — жены П.М. Токмакова. Анастасия Дриго-Дригина до I мировой войны была дальневосточной звездой русской

Бойцы одного из полков Объединенной партизанской армии
Тамбовского края

эстрады, исполнительницей русской лирической песни. Она пела во Владивостоке, Хабаровске, Харбине, Красноярске, Иркутске. По всей видимости, это не ее настоящая фамилия, а сценический псевдоним. В 1916 году она, побуждаемая патриотическими чувствами, вступила в Ударный батальон и с ним отбыла на фронт телефонисткой. Там она стала сестрой милосердия, перевязывала раненых русских воинов. Находясь в Добровольческом ударном батальоне, она находилась на фронте до распада Русской армии. Затем ее подхватил ветер событий. Революция, развал Империи и гражданская война — все это она разделила с миллионами граждан России. После государственного переворота она очутилась на Дону в станице Урюпинской. Ее муж, казачий офицер, был расстрелян в 1920 году, а ее этапировали на Дальний Восток. Поезд, проходивший по территории Тамбовской губернии, был остановлен партизанами для досмотра и все узники вагона были освобождены. Анастасия Дриго-Дригина в дороге заболела тифом, и она, больная, не знала, куда ей деваться. Ей помог сам главком Единой партизанской армии Тамбовского края. Он отвез Дриго-Дригину в одну из тамбовских деревушек и поручил одной старой женщине до выздоровления, затем навестил ее уже выздоровевшей, и она уехала с ним. А. Дриго-Дригина работала в Главном штабе, в агитационном отделе и выступала с концертами в полках партизан, объехав всю свободную территорию Тамбовской губернии. Она венчалась с Токмаковым в церкви села Каменка и до конца его жизни не расставалась с ним. После подавления народно-крестьянского восстания она попала в тамбовский концентрационный лагерь, а затем ее содержали в тамбовской тюрьме. От нее чекисты хотели добиться места захоронения главкома Токмакова, но она этого не знала сама, так как он был похоронен в ее отсутствие и кроме тех, кто его хоронил, местонахождения захоронения никто не знал. Дриго-Дригину отправили на север, в Олонецкую область, в северные лагеря, но вскоре возвратили в Тамбов, по запросу губернской ЧК. Ее дальнейшая судьба неизвестна.

А крестьянская война все еще продолжалась. Погиб в бою глава демократической республики Тамбовского партизанского края Шендяпин — когда под ним убили коня и ему грозил плен, он застрелился из маузера. Теперь главкомом стал капитан И.М. Кузнецов, а начальником штаба — поручик Аверьянов. Погибли в бою партизанские командиры Тюков, Беляев, Шамов. При переправе группы через реку Хопер погибает полковник А.В. Богуславский. Переправив своих партизан, он последним кинулся в реку, пытаясь добраться до противоположного берега, но, сраженный очередью пулемета, потонул в реке Хопер. Большевики повсюду в тамбовских лесах применяли газы, и там погибло

вместе с партизанами множество мирных жителей⁴⁵. Погиб прославленный командир Пахотно-Угольского партизанского полка Семянский. Пули вырывают из рядов партизан-повстанцев их руководителей. Однако повстанческое сопротивление стояло насмерть, считая, что лучше умереть в бою, чем в чекистских застенках. Применение газов приносит Тухачевскому победу. Он уже отправляет Ленину в Совнарком телеграмму, в которой говорится: «Восстание подавлено. Союз трудового крестьянства разгромлен. Повсюду утверждается советская власть». Однако до полного конца еще достаточно много времени, гораздо больше, чем его было отпущено первоначально Москвой. Еще несколько лет коммунистам пришлось на Тамбовщине держать оккупационные войска, а последний повстанец был взят коммунистами только в 1943 году в разгар II мировой войны, когда в тамбовских лесах войска НКВД вылавливали дезертиров.

На Тамбовщине сопротивление русского народа происходило не только в сельской местности, но и в городах. Еще во время гражданской войны, при посещении штаба Южного фронта Троцким в городе Козлове было им задумано открыть памятник Иуде, продавшему Христа за 30 сребреников. Председатель Реввоенсовета, не считаясь нисколько с религиозностью русского населения города Козлова (ныне — Мичуринска) решил им дать понять, что отныне они все будут жить, как им будет предписано новой властью. Город был весь наполнен войсками красных, и любое неудовольствие этой затеей тут же могло быть подавлено силой оружия. Под звуки Интернационала с фигуры хриstopродавца упало полотно и с речью выступил сам глава красной армии Лев Давидович Троцкий. Он говорил, что мы открываем сегодня первый в мире памятник человеку, понявшему, что христианство — это лжерелигия, и нашедшему силы сбросить с себя ее цепи. Что, мол, по всему миру будут воздвигнуты памятники этому «человеку», то есть Иуде. Но памятник простоял недолго, ночью его разбили вдребезги горожане города Козлова. Мы до сего времени не знаем имен этих героев. Но их поступком можно только гордиться. В 1918 году в Тамбове на том же самом месте, где сегодня коммунистами поставлен тяжелый истукан «гению всего человечества», был сооружен памятник Карлу Марксу, но и его постигла такая же участь, что и памятник Иуде. Ночью он был разбит, а в отколотую его голову и остов налито дерьмо из близ расположенного сортира. Чекисты тогда сбились с ног, ища злоумышленников. Арестовали даже жителей близлежащих домов, но все это было напрасно.

В Тамбове, как только коммунисты открывали свой «дом политпросвещения», жители его сжигали на второй или на третий день, и так

⁴⁵См.: Елсцких А. Урожай Зсмяничной поляны // Поссв. 2003. № 11. С. 39–42.

здание за зданием. Та же участь постигла и первый дом пионеров, где они воспитывали для себя «Павликов Морозовых». Народ не хотел сатанинской власти и как только мог сопротивлялся ей. Открытые выступления против советской власти имели вновь место во время «сталинской коллективизации» во многих деревнях и селах Тамбовщины. Сама Тамбовская губерния была упразднена и ее растащили по другим административным образованиям. Только в 1937 году ее снова восстановили, уже как Тамбовскую область, но в три раза меньше по своим размерам. Тамбовщина понесла огромные людские потери от коммунистов, здесь они более, чем где-либо еще, за исключением казачьих земель, провели геноцид русского народа.

Русский историк С.П. Мельгунов писал в своей книге «Красный террор в России» и о нашей Тамбовщине:

«Это было до так называемого антоновского восстания, охватившего огромный район и явившегося скорее ответом на то, что делали большевики во имя «классового террора» с деревней. Это — записка, поданная в Совет Народных Комиссаров группой социалистов-революционеров. Дело идет о подавлении «беспорядков» в ноябре 1919 г. Поводы для восстания были разные: мобилизация, реквизиции скота, учет церковного имущества и т.д. Вспыхнув в одной, они быстро, как зараза, распространились по другим волостям и, наконец, охватили целые уезды. «Советская власть двинула на места десятки карательных отрядов, и вот весьма краткий перечень фактов их кровавой деятельности, перед которыми бледнеют ужасы, творимые когда-то в тех же местах царским опричником Луженовским. В Спасском уезде, во всех волостях, где только появлялись карательные отряды, шла самая безобразная, безразборная порка крестьян. По селам много расстрелянных. На площади города Спасска публично, при обязательном присутствии горожан-односельчан, было расстреляно десять крестьян вместе со священником, причем телеги для уборки трупов должны были предоставить горожане-односельчане. Расстрелянных за Спасской тюрьмой 30 человек заставили перед смертью вырыть себе одну общую могилу. В Кирсановском уезде усмирители в своей безумной жестокости дошли до того, что запирали на несколько дней арестованных в один хлев с голодным экономическим хряком; подвергавшиеся таким пыткам сходили с ума. Председатель Нащекинского комитета бедноты продолжал расстреливать самолично уже после отъезда карательного отряда. В Моршанском уезде сотни расстрелянных и тысячи пострадавших. Некоторые села, как, например, Ракша, почти уничтожены орудийными снарядами. Имущество

крестьян не только разграблялось «коммунистами» и армейцами, но и сжигалось вместе с запасами семян и хлеба. Особенно пострадал Пичаевский район, где сжигали десятый двор, причем женщины и дети выгонялись в лес. Село Перкино участия в восстании не принимало, однако там в это же время переизбрали совет. Отряд из Тамбова весь новый состав совета расстрелял»⁴⁶.

Многие русские села Тамбовщины были вообще стерты с лица земли. И даже не у кого было спросить: «Кто здесь жил?» Нет села и нет людей, которые когда-то здесь жили. Очень сильно пострадали и ныне существующие села от красного террора.

«Из Островской волости в Моршанскую тюрьму доставлено 15 крестьян, совершенно изувеченных усмирителями. В этой же тюрьме содержится женщина, у которой вырваны волосы на голове. Случаи насилия над женщинами надо считать десятками. На кладбище Моршанска израненные армейцами 8 крестьян <...> были полуживыми зарыты в могилу. Особенно отличились по Моршанскому уезду следующие усмирители: начальник отряда — Чуфирин — «коммунист», Чумикин (бывший уголовный), Парфенов (освобожденный из ссылки по ходатайству на Высочайшее имя), Соколов, бывший фельдфебель и ряд других. В Тамбовском уезде многие села почти уничтожены пожаром и орудийными снарядами. Масса расстрелянных. Особенно пострадали села: Пахотный Угол, Знаменка, Кариан, Бондари, Лаврово, Покровское-Марфино и другие. В Бондарях расстрелян весь причт за то, что по требованию крестьян отслужил молебен после свержения местного совета. В Кариане вместе с другими арестованными по делу восстания был расстрелян член 1-й Государственной Думы С.К. Бочаров. С какой вдумчивостью и серьезностью отнеслась губернская власть к усмирению, можно видеть из того, что во главе одного отряда стоял 16-летний мальчишка Лебский, а председателем районной Чрезвычайной комиссии состоял... А.С. Клинков, бывший купец села Токаревки, злостный банкрот, до октябрьской революции занимавшийся спекуляцией, круглый невежда, взяточник и пьяница. В его руках находились жизни арестованных, и он расстреливал направо и налево. Кроме «специальных» карательных отрядов, практиковалась также посылка на боевое крещение коммунистических ячеек, и эти хулиганские банды устраивали по селам настоящие оргии — пьянствовали, занимались грабежом и поджогами, претворяя таким образом великий принцип

⁴⁶ Мельгунов С.П. Красный террор в России. 1918–1923. — М., 1990. С. 97–98.

«Братства, Равенства и Свободы» в ужас татарского нашествия. Необходимо также отметить кровавую работу латышских отрядов, оставивших после себя долгую кошмарную память»⁴⁷.

Цитата из документа, приводимого Мельгуновым, заканчивалась следующими словами:

«В настоящее время тюрьмы и подвалы чрезвычайек переполнены. Число арестованных по губернии нужно считать тысячами. Вследствие голода и холода среди них развиваются всякие болезни. Участь большей половины ясна — они будут расстреляны, если у власти останутся те же комиссары и чрезвычайные комиссии»⁴⁸.

По свидетельству этой же записки, цитируемой Мельгуновым, восстания были также в Козловском, Усманском и Борисоглебском и остальных уездах Тамбовской губернии,

«причем относительно Шацкого уезда очевидцы говорят, что он буквально залит кровью»⁴⁹.

8. ЗАЧИСТКА

Давно это было — рвались снаряды

Кругом полыхала война

В тамбовских крестьян коммунисты стреляли

Их села сжигая дотла

И в зареве жарко пылавших пожаров

Мадьяры штыками кололи детей

Марксисты людей убивали повсюду

Объяты кошмаром преступных идей

Кровь тогда текла реками,

воры правили делами

Поздней осенью 1921 года коммунистам наконец-то удалось полностью овладеть ситуацией в Тамбовской губернии. И тогда они приступили здесь к так называемой «зачистке», которая осуществлялась силами чекистских подразделений, китайцами и прочими «интернационалистами». По распоряжению ВЦИК РСФСР и приказу командующего войсками Тамбовской губернии М.Н. Тухачевского были созданы концентрационные лагеря для семей повстанцев, а сами они, все, кто не погиб в бою, а попал к коммунистам в руки, были расстреляны. История до нас

⁴⁷ Там же. С. 98.

⁴⁸ Там же. С. 98.

⁴⁹ Там же. С. 98-99.

донесла кое-какие сведения о десяти подобных лагерях. Но, учитывая масштабы зачистки, лагерей, по всей видимости, было гораздо больше. По приказу Тухачевского всех детей школьного и дошкольного возраста надлежало отделять от матерей и направлять в другие лагеря, оставляя матерям только грудных. Кроме семей повстанцев в этих лагерях также содержались и лица, не причастные к восстанию, но волею судьбы очутившиеся в Тамбовской губернии, а также бывшие заложники, которых еще не успели расстрелять. Эта последняя категория людей была расстреляна, и, как тогда водилось, у коммунистов, перед расстрелом их всех заставили расписаться в списках против своей фамилии для учета. Полномочная комиссия ВЦИК заранее позаботилась о выпуске постановления, которое было дополнением к двум другим — № 130 и № 171.

Полномочная комиссия ВЦИК РСФСР
Тамбовской губернии по борьбе с «бандитизмом»

ПОСТАНОВЛЕНИЕ⁵⁰
№ 116 от 23 июня 1921 г.

В намеченные особо опасные «бандитские» районы Тамбовской губернии, куда выезжает представительство политкомиссии и особо-го отдела. Вместе с воинскими частями, предназначенными для зачистки (интернационалисты), по прибытии на место вся данная волость оцепляется войсками и в ней вводится осадное положение. Берутся заложники из числа наиболее видных людей (священники, учителя, фельдшеры и т.д.). Затем собирается волостной сход, на котором зачитываются приказы за №№ 130 и 171, а также приговор этой волости. Всем ее жителям дается два часа на выдачу оружия с скрывающихся бандитов и их семей. Все население волости ставится в известность, что в случае отказа в выдаче все заложники будут расстреляны. Если через два часа не будет выдано оружие и все те, о ком идет речь, то опять, повторно собирается сход и на глазах его участников производится расстрел заложников. И все начинается с начала и так до тех пор, пока не будут выданы все, о ком идет речь. Все оставшиеся пропускаются через опросные комиссии, за отказ дать ей сведения — расстрел на месте. В это время всякий въезд и выезд в волости запрещен.

Председатель полномочной комиссии ВЦИК РСФСР
В.А. Антонов-Овсенко

Командующий войсками Тамбовской губернии
М.Н. Тухачевский

⁵⁰ Архив автора.

Интересно, что думали подписавшие этот документ, когда их самих уже в 30-х гг. обоих повели на расстрел? Вспомнили ли они тогда тех, кого по их приказу расстреливали? По всей видимости, нет. Ниже — еще один документ, подписанный все теми же. В приказах № 130 и № 171 они инструктировали палачей, как надо обходиться с русскими крестьянами, приведя их в собственный дом.

ПРИКАЗ⁵¹

Полномочной комиссии ВЦИК № 171

1. Всякого, кто отказывается называть свое имя, расстреливать на месте.

2. Семьи, в которых может быть спрятано оружие, властью уполномоченного объявлять заложниками и расстреливать на месте.

3. В случае нахождения оружия расстреливать всех на месте.

4. Семья, в доме которой укрывается бандит, вся поголовно подлежит аресту, а имущество их конфискуется. Старший работник в семье расстреливается на месте, а семья высылается.

5. Всякая семья, укрывавшая членов семьи или имущество «бандитов», рассматривается сама как «бандитская». Старший работник в этой семье расстреливается на месте.

6. Крестьянам, указавшим семью, в которой укрывали «бандита», переходит все имущество этой семьи, а эта семья арестовывается и подлежит высылке. Старший работник этой семьи расстреливается на месте.

7. В случае бегства семьи «бандита» ей объявляется розыск, а имущество распределяется среди верных советской власти крестьян.

Оба этих приказа приводить в жизнь беспощадно.

Однако и без этих приказов «интернационалисты» с крестьянами расправлялись беспощадно. Взятых в плен крестьян расстреливали, и делали это все кому было не лень: чужеземные солдаты-наемники, красноармейцы, чекисты, ревкомы по своим постановлениям и без постановлений, командиры частей по своим приказам, дознаватели в силу своего «пролетарского чутья», политкомиссары, тройки, двойки и ревтрибуналы, и те, кто это просто хотел делать для своего удовольствия. А концентрационные лагеря были переполнены детьми, женщинами с грудными младенцами и глубокими стариками. При этом все семьи повстанцев шли в эти лагеря, где их чаще всего не кормили, и они там умирали от голода, холода и нечеловеческого обращения. На смену умершим пригонялись новые жертвы. Среди узников, обезумевших от

⁵¹ Архив автора.

голода, процветало трупоедство. Разумеется, большинство архивов было уничтожено во время советской власти, так как коммунистам нельзя было против себя оставлять улики.

Об этом в своей книге «Красный террор в России» пишет историк С.П. Мельгунов:

«Материал исчезает, и многое уже исчезло безвозвратно в дни гражданской войны, когда сами Чрезвычайные комиссии уничтожали свое прекрасное делопроизводство при спешной эвакуации или при грозящем восстании (например, в Тамбове при антоновском выступлении)»⁵².

Шли годы, и все советские архивы каждый год подвергались чистке, из них изымалось все, что проливало свет на преступления коммунистов против русского народа. Коммунисты уже однажды были научены горьким опытом, когда архивы ЧК попали в руки деникинской контрразведки и была создана специальная комиссия по злодеяниям ЧК. Эта комиссия опубликовала за границей все попавшие в ее руки документы ЧК, и мир содрогнулся от ужаса. Тамбовский архив, как и все остальные, также был подвергнут тотальным чисткам. А сколько было всего того, что никогда не отражалось ни в каких документах? Вот как об этом говорил один из тамбовских чекистов, некто Гольдин: «Для расстрела нам не надо никаких доказательств и допросов, а также подозрений и уж конечно никому не нужного, глупого делопроизводства. Мы находим нужным расстреливать и расстреливаем». Вот и все. Чего еще проще. Нет человека и нет проблем.

Два больших концентрационных лагеря во время зачистки были организованы коммунистами в самом губернском центре — Тамбове. Один был стационарный, по соседству с тюрьмой, там, где сегодня находится исправительно-трудовая колония (так как свято место пусто не бывает), а другой на противоположном берегу Цны, напротив Казанского монастыря, где в то время размещалась Тамбовская губернская ЧК. Оба этих лагеря, как и все в губернии, были организованы по приказу будущего маршала Советского Союза. В первом стационарном концентрационном лагере была в свое время жена партизанского главкома Токмакова — Анастасия Дриго-Дригина. Второй лагерь носил название полевого, потому что все узники его сидели на большом заливном лугу, не имея над собой никакой крыши. Крышей лагеря было само небо, и отсюда светило солнце и лили дожди. Со всего Тамбовского уезда в эти лагеря везли непрерывно детей, стариков и женщин, и это все были семьи участников сопротивления. Оба этих лагеря охранялись наемниками

⁵² Мельгунов С.П. Указ. соч. С. 15.

китайцами, латышами и мадьярами, которых коммунисты считали полезной охраной из-за того, что они почти не знали русского языка и были абсолютно несговорчивой охраной. Смерть от голода не покидала этих мест. Заключенных кормили сыро-гнилой картошкой, свеклой и другими сырыми овощами. Всех детей у матерей изымали и они находились в разных лагерях, оставляли матерям только грудных младенцев, которые первыми умирали, так как у голодных матерей пропадало молоко. Вскоре второй полевой лагерь разбух от заключенных в него людей и чекистам пришлось открыть его филиал в самой черте города, неподалеку от ГубЧК на нынешней Кронштадской площади, где когда-то находилось старинное казачье кладбище.

Эта площадь тогда называлась Покровской, по имени находящихся на ней двух храмов Святого Покрова, один из них был разрушен коммунистами перед II мировой войной, а старый казачий стоит и по сей день. Во время основания крепости Тамбов здесь находилась Покровская казачья слобода и казаки несли караульную службу по Татарскому валу, охраняя крепость Тамбов на ближайших к нему подступах от набегов кочевников с Дикого поля. Во времена императрицы Екатерины II всех казаков с Покровской слободы перевели на новые рубежи Российской империи, на Кубань и Терек. А казачье кладбище было закрыто по указу Сената от 1771 года и прекратило захоронения в 1880 году, постепенно превратясь в площадь.

Вот на этой площади коммунисты и решили основать филиал второго полевого лагеря. Площадь обставили по периметру крестьянскими телегами и подводами. На балконе Духовной семинарии установили пулемет, а второй — на одной из двух церквей, таким образом и был готов филиал второго полевого концлагеря Тамбова. А затем пригнали со всего уезда детей, женщин и стариков. Режим филиала второго лагеря был ужасен ввиду того, что он находился в черте самого города, всякое передвижение по нему во весь рост было запрещено и китайцы и латыши стреляли на поражение во всякого, кто только вставал на ноги. Люди сидели плотно на его территории, как селедка в бочке. Отхожих мест не было и каждый из них оправлялся на том же месте, где сидел, зарывая в землю все испражнения. Латыши и китайцы привозили на подводах гнилые овощи и лопатой их разбрасывали в гущу сидящих людей. Доставалось тем, кто был с краю, а в глубине лагеря умирали беспомощные старики и больные. Трупы умерших вывозили не каждый день, и они разлагались на солнце, источая трупный запах. Обезумевшие от голода люди эти трупы ели. Некоторые вставали во весь рост, пытаясь попасть под пули охраны, но те скоро перестали по ним стрелять, так как поняли их намерение уйти из жизни. На место

умерших пригоняли новых людей. Был неудавшийся побег детей школьного возраста, которых всех покосил пулемет с балкона Духовной семинарии. Первые жертвы — это старики и грудные младенцы, умершие от голода.

Одна старая женщина, еще недавно жившая в одном из близлежащих домов, который находился в десятке метров от периметра лагерного оцепления телег, и в то время еще бывшая девочкой, рассказала такую историю. В лагере была молодая крестьянка с грудным ребенком. Звали ее Паша, или Даша, она всегда находилась на одном месте и оставалась долго живой потому, что жители кидали ей вареную картошку в мундире, початок вареной кукурузы, иногда корку хлеба, стараясь ее поддержать. Но вскоре у нее умер младенец, и она сошла с ума. Она его баюкала на руках, кутая в теплый платок, как живого. Жители близлежащих домов жалели ее, говоря: «Умер ребенок, сама тронулась головой, а ребенка мертвого не бросает — мать». Прошла неделя, как у Даши умер ее младенец, и вот однажды кинули что-то поесть, она наклонилась, чтобы это поднять с земли, но у мертвого ее ребенка отвалился кусок мяса. Бедная мать схватила его и со слезами на глазах стала прикладывать его на место, а потом с криком кинулась бежать в середину лагеря, больше ее никто не видел, по всей видимости, там и умерла.

На Покровской площади — старом казачьем кладбище — скончалось за короткое время много народу. Среди лагерников вдобавок к

Покровская церковь, ставшая местом концлагеря
для участников восстания

голоду еще началась и какая-то эпидемия. Больше половины узников были дети. И санитарный врач Тамбова доктор Юстов сказал чекистам, что эпидемия может перекинуться и на город и ее жертвой могут быть и они. Лагерь вскоре был убран из города, но участь оставшихся еще в живых людей не изменилась, их просто перевели умирать в другое место. Многие тюрьмы соседних с Тамбовом городов были битком набиты семьями повстанцев. С десятков тысяч их полуживых удалось довести до Соловков, а потом их встречали на Урале в Вишерских лагерях смерти, пока они все не затерялись в лихоманке советских лагерей. Осенью 1921 года в Олонецкий край в северные лагеря людей везли раздетых и разутых. Часто они прибывали туда уже трупами, замерзнув в неотапливаемых вагонах. Эшелоны с ними везли на Кольский полуостров и Архангельскую губернию, куда они, как правило, уже не доезжали. Так что и там, в этих северных краях остаются лежать косточки тамбовских крестьян. Господи, помяни их всех за их нечеловеческие муки...

Сохранилось письмо одного тамбовского крестьянина, которое так и не дошло до адресата. Оно было послано из Петроградской пересыльной тюрьмы, где он ожидал этапирования на Соловецкие острова. Вот что он в нем пишет:

«...получаем один фунт (400 граммов. — Б.С.) на три дня, а щи не щи, а помои, соли совсем не кладут, и помои без соли противные;

В монастыре Казанской иконы Божьей Матери разместилась Тамбовская
губернская ЧК

все обещают прибавить паяк, а пока что не прибавляют, видно, ждут, когда мы все подохнем, тогда и прибавят, а только нас уже немного осталось»⁵³.

Петроградское «Революционное время», орган РСДРП(м) в № 2 за февраль 1922 года, в таких словах характеризует положение двух тысяч наших тамбовских крестьян, в основном детей и женщин. Все они содержались в Петроградской «Выборгской» тюрьме:

«По тюрьме бродят не люди, а тени. Целыми днями и ночами стоит сплошной стон. И идет поголовное их вымирание от голода. Их вообще никого не кормят, так как сюда привезли умирать»⁵⁴.

Вот с чего в стране начиналось построение коммунизма, светлого будущего всего человечества. История с большим трудом до нас донесла документы о направляемых в тамбовские лагеря детей — ни имен, ни фамилий, — только общее число. Все они прибыли в Тамбов из различных деревень и сел Тамбовского уезда. В одном документе числится 850 человек, следующий этап — 563 человека и, наконец, еще 490 человек, все дети повстанцев, школьного и дошкольного возраста. Подобный документ есть у одного историка в Тамбове, там число детей достигает 400 с лишним человек. Кто они и из каких сел и деревень — не известно.

А вот из одного из таких этапов было изъято 23 человека, и здесь о них имеется больше сведений. Они все были расстреляны по постановлению Особого отдела Полномочной комиссии ВЦИК РСФСР, как участники восстания. Это постановление подписано начальником Особого отдела Полномочной комиссии Турунбергом и его заместителем Рубинштейном. Все они были из разных населенных пунктов. Списки с фамилиями сделаны разными почерками разными чернилами. Вот они перед вами⁵⁵.

Нечаевская волость

1. Кочеркин Георгий Васильевич.	15 лет.
2. Беляев Василий Яковлевич.	16 лет.
3. Кирилов Тимофей Васильевич.	13 лет.
4. Житенев Федор Васильевич.	15 лет.
5. Татушкин Тимофей Павлович.	16 лет.
6. Мардвиков Владимир Иванович.	15 лет.
7. Ивановский Сергей Васильевич.	16 лет.

⁵³ Путь революции. — Берлин, 1922. С. 338.

⁵⁴ Революционное время. — Петроград, 1922. Февраль. № 2.

⁵⁵ Архив автора.

8. Борисов Архип Иванович.	16 лет.
9. Рассказов Егор Степанович.	15 лет.

Далее список расстрелянных мальчишек продолжен другим почерком и другими чернилами.

Деревня Коптево

10. Сотников Алексей.	16 лет.
11. Сотников Яков.	16 лет.
12. Степанов Алексей.	16 лет.
13. Стемхов Михаил.	14 лет.

Далее список продолжен другой рукой.

Село Н. Спасское

14. Яковлев Дмитрий.	16 лет.
15. Безуглов Степан.	15 лет.
16. Лапунов Ефим.	13 лет.

И снова список продолжает другая рука.

17. Рассказов Степан Иванович.	15 лет.

Далее список продолжен двумя различными почерками, последний — химическим карандашом.

Деревня Буровка

18. Бескринский Иван Сергеевич.	16 лет.
19. Воскресенский Леон Семенович.	14 лет.

Село Алексеевка

20. Андреев Иван Семенович.	16 лет.
21. Тетеркин Федор Степанович.	15 лет.
22. Шляпин Андрей Егорович.	15 лет.
23. Войнов Алексей Николаевич.	14 лет.

Старый особняк, в котором сегодня размещается Дворец бракосочетания, в 1921 году был резиденцией Полномочной комиссии ВЦИК. Старые тамбовцы рассказывали, что прохожие всегда сворачивали на другую сторону улицы, проходя мимо этого особняка, так как он у них вызывал неприязнь и страх. В задней части этого особняка в подвале находилась тюрьма для особо интересующих комиссию арестантов. Там правили бал Турунберг и Рубинштейн, и там же были расстреляны все эти мальчишки. Впрочем, и без них каждую ночь из этого особняка выезжали два грузовых автомобиля, накрытых брезентом, и направлялись в сторону Петропавловского кладбища Тамбова. После ликвидации этого учреждения особняк, отмыв и отскоблив от крови, передали детскому садику. Сегодня в Тамбове уже почти все забыли, что здесь было в те страшные годы, и теперь под звуки марша Мендельсона здесь

закключаются брачные союзы ничего об этом не знающих горожан. Стреляют, правда, здесь по-прежнему, но только пробками от шампанского. Известно, что «совку» на историю наплевать.

В это время в Казанском монастыре день и ночь, сплошным конвейером шли массовые расстрелы взятых в плен партизан и повстанцев. Тамбовская губчека трудилась в две смены. Две газогенераторные машины-душегубки возили из уездов на берег реки Цны задохнувшихся в них людей, где их закапывали вместе с расстрелянными под стеной монастыря. Ночью, в вечер, привезенные трупы, вываленные из душегубок, раздевали, рискуя своей жизнью, беспризорники, чтобы на другой день променять их одежду на еду. Всех расстрелянных в ЧК к ямам подносили голыми — их раздевали еще перед расстрелом, а задохнувшихся в душегубках привозили не раздетыми. Так председатель ВЧК Феликс Дзержинский проявлял свою заботу о беспризорниках и их пропитании, так как беспризорниками он их сделал сам. Сколько было привезенных спецмашинами, задохнувшихся в них от газа людей, никто не знает. Одно только ясно, что Адольфу Гитлеру было у кого учиться применять душегубки. Сколько под стенами Казанского монастыря похоронено было тогда замученных и расстрелянных людей, известно одному только Богу.

В 1982 году городские власти при рытье траншей под городской водосток неожиданно потревожили эти захоронения, и тогда жителям

Подвалы Полномочной комиссии ВЦИК РСФСР, где расстреливали повстанцев (ныне — Дворец бракосочетания)

города представилась возможность воочию увидеть дело рук коммунистов. Многие тысячи простреленных черепов и кости рук, связанных проволокой. Горожане, конечно, знали о том, что здесь есть захоронения, которые оставили после себя чекисты, но видеть этого им еще не приходилось. В траншею быстро бросили трубу водостока, и бульдозер ее завалил. Хотя эту же работу на главной улице города растянули на целые месяцы. После засыпки землею человеческих останков со строительных котлованов города на берег стали самосвалами возить грунт и наращивать толщину насыпи на месте захоронений. Высокие ивы были закопаны до самых крон, и теперь они напоминали скорее разросшийся кустарник. Затем ту часть берега, где были захоронения, еще раз, добавочно, засыпали метров на пять землею, хорошо спрятав людские кости. В самом монастыре, в котельной Зимней церкви, под сводами, когда разобрали кирпич, оказалось также много человеческих останков. Там в двадцатых годах расстреливали людей, а потом обвалили прямо на них кирпичный свод. До революции в мужском Казанском монастыре был большой пантеон, где было захоронено очень много знатных людей города. Так вот, при вскрытии одного из больших склепов, наполненных также человеческими останками, при входе лежала большая куча стреляных гильз от револьвера и ржавый шомпол, оброненный каким-то исполнителем, которые тогда были в основном китайцы и мадьяры. Много в Тамбове таких мест, где наследили «устроители светлого будущего всего человечества». Так, например, в сегодняшнем здании областного управления МЧС по Тамбовской области, где в свое время размещалось тамбовское управление ГПУ-ОГПУ, в конце 60-х гг. вскрыли замурованный подвал с останками многих расстрелянных людей. При рытье котлована около первого стационарного концлагеря тамбовского губчека при строительстве дома в 1970-х гг. самосвалами вывозили человеческие останки в течение четырех дней. При сносе некоторых зданий Казанского монастыря, где в 1920-х гг. было губернское ЧК, в подвале продуктовой кладовки детского сада в 1982 году при снятии дубовой двери, обитой жестью, было обнаружено множество надписей, нацарапанных ожидавшими расстрела людьми. Расстрелянных хоронили также в Ахлебиновой роще Тамбова, в саду Асеевской дачи и многих других местах города. Этим в свое время занимался тамбовский «Мемориал», который выявлял все такие места захоронений.

В 1970–1980-х гг. я работал в одном из научно-исследовательских институтов Тамбова и, кто помнит то время, тот знает, что тогда из городов в сельскую местность посылали горожан на сельхозповинности, то есть на посевную, прополочную и уборочные работы, выполнять «брежневскую продовольственную программу». А я в то время уже

интересовался крестьянской войной 1918–1921 годов и где только можно собирал о ней материал. Когда надо было ехать в колхозы области, охотно вызывался, так как всегда оттуда привозил данные о народно-крестьянском восстании и о его подавлении коммунистами. Один раз приехали в одну небольшую деревушку в районе Пахотного Угла. Место было красивое и деревушка находилась у леса. Поставили нас на квартиру к очень доброй старой женщине, с которой я быстро подружился, благодаря ее удивительному характеру. Мы со своей стороны помогли ей по хозяйству, починили крышу и сарай, где у нее была корова, и еще кое-что по хозяйству, она нам рассказывала о том, что половина ее деревни — обрусевшие поляки, которых сюда выслали из Польши еще во время восстания Костюшко. Сейчас все они уже не знают польского языка, сохранились только польские фамилии. Рассказала также о том, что знаменитый партизанский командир Василий Селянский также из их деревни, во время крестьянской войны командовал Пахотно-Угольским полком партизан, который много доставил хлопот большевикам.

В 1921 году в деревню пришли красные. Все, кто был в самообороне, партизанах и придерживался политики СТК, ушли в лес, прихватывая с собой семьи и угнав туда же скотину. А кто остался — натерпелся вдоволь допросов, унижений и хамства со стороны красных.

«Сунулись было они в лес, но им там задали такую трепку, что и половины назад не вернулось. На нас начали срывать зло, да слава Богу, сняли их, и ушли они все в другое место. Приехали на смену не русские какие-то, может, латыши, а может, еще кто — не знаю. А на другой день пришел обоз с баллонами и большой охраной. Расставили они все эти телеги вдоль дороги у кромки леса, а ветер туда дул уже с неделю. Надели маски на себя и вскрыли баллоны, а сами ушли к нам в деревню, лошадей привели еще раньше. На следующий день пошли к подводам, на которых оставались баллоны. Поколдовав там что-то, привели лошадей и ушли назад, а потом пришли еще китайцы — те ото всех отличались. Построились они в цепь и пошли в лес, а вскоре стали оттуда выносить оружие и складывать у дороги. Затем пришло штук пять грузовых автомобилей, мы их еще никогда до этого не видели. На следующей неделе мы, ребяташки, решили пойти в лес и набрать там орехов и дикушек яблок, так как после красных у нас в деревне с едой было плохо. Правда, было запрещено ходить в лес, но мы, ребяташки, решили это сделать. Собравшись человек двенадцать от 10 до 12 лет, примерно такой компанией, прихватив корзинки и лукошки, утром

часов в 9 мы пошли в лес. Войдя в лес, мы увидели, что листва и трава имеют какой-то красноватый оттенок, до этого мы такого никогда не видели. Не болтая, вышли на небольшую поляну, где всегда было много земляники. То, что мы там увидели, было ужасно --- кругом лежали трупы людей, лошадей, коров в страшных позах, некоторые висели на кустах, другие лежали на траве, с набитым землею ртом и все в очень неестественных позах. Ни пулевых, ни колотых ран на их телах не было. Один мужчина стоял, обхватив руками дерево. Кроме взрослых, среди мертвых были и дети. Мы смотрели на это с ужасом, на трупы, которые были вздуты, и чувствовали запах разложения. Затем мы как по команде развернулись и побежали обратно. А в деревню, куда китайцы пригнали заложников, ходили по домам активисты новой власти — алкоголики и шаромыги, изымая лопаты у населения. Набрав достаточно их, китайцы погнали в лес с ними заложников, закапывать трупы, которые мы видели час тому назад. Это были жертвы газовой атаки»⁵⁶.

Все, что нам рассказала Акулина Ивановна, наша хозяйка, крепко запало нам в душу. Поговорив между собой, мы решили убедиться в этом сами и найти ту поляну в лесу. Встав в 4 часа утра и прихватив лопаты, мы пошли в том направлении, где рассчитывали найти эту поляну. На это время там уже было все не так, как в далекое лето 1921 года. На поляне рос молодняк берез и кусты, среди которых стоял серый покосившийся крест. Взяв несколько шурфов, мы ничего не обнаружили, но сознание подсказывало нам следующее: заложники, как водилось, были люди голодные, а значит, ослабленные и поэтому не могли бы глубоко закопать трупы отравленных газом людей. Взяли ближе по направлению к кресту и наткнулись на кости людей. Затем выкопали деформированный сапог и какие-то ремни, похожие на конскую сбрую. Взяли в нескольких разных местах еще несколько шурфов, и везде на глубине 30 сантиметров были человеческие кости. Это было то место. Поправив покосившийся крест и помолившись за упокой их многострадальных душ, мы отправились обратно в деревню.

На другой год пришлось побывать в другом месте Тамбовской области, где нами было найдено другое захоронение. Во время оккупации армией Тухачевского села Печаетово там было очень много сожжено домов крестьян. Все, кто в нем оставались, — мужчины и подростки, были под конвоем отправлены в село Рудовку, для дополнительной проверки — так было объявлено жителям. Но все они туда не попали, исчезнув по дороге. Ходили слухи, что всех порубили в пути. После II мировой

⁵⁶ Архив автора.

войны в связи с борьбой с суховеями проходила кампания по насаждению лесопосадок. В это время и наткнулись на захоронение людей. Старушки нам рассказывали, где примерно это было. Действительно, в этих посадках было обнаружено такое захоронение. Все черепа останков людей имели на себе следы сабельных порубок, по одному и даже по трем

порубкам. Черепа были размеров взрослых людей, а также небольшие детские (а нам старушки рассказывали о мальчиках-подростках). На этом месте нами был поставлен крест. Были найдены захоронения массового характера и в других местах. Очень большое — под Бондарями, в овраге, где каждую весну талые

Участники восстания (очевидно, фото сделаны после ареста ЧК)

воды вымывали человеческие кости из земли. Рассказывали, что там латыши расстреляли очень много пленных. Если вспомнить то, как это отражалось в сохранившихся документах того времени, то Уборевич докладывал Тухачевскому: «Взято в плен 1 000 человек, 1 000 расстреляно», далее «Взято 500 человек в плен, все 500 расстреляны». А сколько таких документов было уничтожено? И сколько таких расстрелов вообще не отражалось в документах?

Большая часть всех захоронений еще не известна, так как никогда их поиски официально не производились, а наоборот, тщательно скрывались, если даже случайно попадались или вскрывались жителями. Прошли годы и десятилетия. Найденные мною пожелтевшие старые документы, датированные июнем–августом 1921 года, послужили поводом для нашей поездки, которая состоялась 19 июня 1999 года. Документы начала двадцатых годов, попавшие в мои руки, содержали информацию о народном восстании тамбовских крестьян. В этих документах есть сведения о применении химического оружия против крестьян-повстанцев. Это приказ начальника артиллерии Тамбовской губернии С. Косинова и начальника 6-го участка А. Павлова за № 43 от 28 июня 1921 года и ряд рапортов и донесений об исполнении его командирами батарей и дивизионов, в которых докладывалось ими о применении химического оружия. Место действия — заболоченная пойма реки Вороны, с цепочкою озер и островов. Под натиском превосходящих сил противника и испытав на себе ряд газовых атак красных, народные партизаны 2-й повстанческой армии с боями отходили к заболоченной пойме реки Вороны, которая тянулась на 20 верст, имея в ширину более чем 6 верст. На островах, среди озер и непроходимых болот ими еще заранее было достаточно много сосредоточено продовольствия и боеприпасов, в камышах на болотных кочках были расположены огневые точки, а на островах — лагеря подразделений партизан. После тяжелого ранения командующего 2-й партизанско-повстанческой армии, штабс-капитана Митрофановича, командование армией взял на себя начальник ее штаба А.С. Антонов. Коммунисты против этой партизанской группировки кинули крупные силы, состоявшие из сводной курсантской бригады, сформированной из различных городов, численностью в 7 000 человек, московской дивизии ВЧК (дивизия им. Дзержинского), кавалерийской бригады бывшего уголовного каторжника Г.И. Котовского, довольно значительной группы «интернационалистов»-наемников, а также латышских и китайских стрелков, которые принимали участие в подавлении всех рабочих и крестьянских восстаний.

Коммунисты сделали попытку атаковать партизан, засевших в болотах на островах, но, встреченные плотным огнем пулеметов, понесли

громадные потери убитыми и потонувшими в болотной топи. Их потери в этом бою исчислялись многими сотнями. Вторая попытка штурма болот также не увенчалась успехом, атакующие опять понесли большие потери, отступили к селам Кипец и Паревка, стоящим на противоположных берегах поймы и озера Кипец. Мстя за свою неудачу, красные устроили в этих селах расправу над находящимися в них крестьянами, расстреливая оставшихся мужчин и подростков, насилюя женщин. Пограбив эти села, они в них сожгли довольно много домов. Командующий войсками 6-го участка Павлов отдал приказ двинуть против партизан артиллерию и авиацию. На следующий день с рассветом над поймой появились краснозвездные самолеты-корректировщики. Но встретив плотный оружейный огонь партизан, один из них, кувыркаясь в воздухе, упал на болота и потонул в трясине. На место по обеим берегам реки Вороны и ее заболоченной поймы стали прибывать батареи и дивизионы красной артиллерии с химическими снарядами. По островам был открыт ураганный огонь, который продолжался три часа. Все острова были изрыты воронками, которые мы имели возможность видеть даже в 1999 году своими глазами. Во время артиллерийского обстрела партизаны, прикрытые камышами, отошли в болотные топи по известным им тропам, где и переждали огонь артиллерии. Затем, помолившись в камышовой церкви, приняв благославление священника, вновь заняли свои позиции. Все новые и новые атаки красных вновь отбивались с большими для них потерями. А ночью по островам, имеющим плотный грунт, был вновь открыт артиллерийский огонь. Только теперь красные применили химические снаряды. Задыхаясь от удушливых газов и не имея никаких средств защиты, партизаны вновь ринулись в болота, так как там снаряды не разрывались, плюхаясь в болотную трясину. Артиллерия беспрерывно лупила по островам, и облако удушливых и отравляющих газов расходилось по всей пойме реки Вороны. Крестьяне, спасаясь от газов и сбиваясь с тропинок, тонули в болоте, куда с шипением падали, не разрываясь, снаряды. Однако большей части партизан удалось выбраться из болот, и они, разделившись, ушли в две разные стороны под покровом ночи. Артиллерия красных перенесла огонь на оба села, где практически не оставалось жителей. Вскоре газеты «Тамбовские известия» и «Красный пахарь» писали об уничтожении «бандитских сел».

Миновав село Иноковку — родину партизанского главкома и председателя Союза трудового крестьянства поручика Токмакова, мы наконец въехали в районный центр Инжавино. Посетив этот населенный пункт, мы узнали от его жителей, где тогда находился штаб 6-го боевого участка. Невзрачное двухэтажное здание. Посетив местный

инжавинский музей, кстати довольно неплохой, знакомимся с его директором Сергеем Черновым. Он нам рассказал, что эти газы Красная армия получила от Германии, которые та использовала в I мировую войну. Узнаем, что по берегам реки Вороны стояли богатые и многолюдные села Паревка, Карай-Салтыки, Карай-Пушино, Кипец и др. Все они в той или иной степени были подвергнуты артиллерийскому огню, так как считались «бандитскими» селами.

С. Чернов поведал нам о том, что, как ему рассказывала его бабушка, которая родилась в селе Леонтьевка, в их село пришел на ночлег отряд партизан-повстанцев, но беда случилась тогда, когда они рано утром ушли из села. Вслед за ними в село пришли красные и объявили жителей села пособниками «бандитов». У крестьян отняли весь хлеб, а село сожгли. Прошло много лет, и все это помнят по-разному. Но дело не в этом, когда есть факт. Село Кипец было когда-то большим и богатым русским поселением на берегу реки Вороны. Это село, как и соседнее Паревка, сильно пострадало от артиллерийского огня красных. В селах не было никаких военных действий и красные прекрасно знали, что там нет партизан, однако разнесли их артогнем. Сегодня Паревка возсталась из пепла и щебня, чего не скажешь о селе Кипец. До революции в нем жило 3 000 человек крестьян, сейчас свой век доживают около 80 человек. В нем несколько убогих домов, которые так можно назвать только условно. Крыты они где толем, а где просто камышом, — все они построены уже при социализме.

Наша небольшая группа состояла из журналиста-корреспондента «Российской газеты» Е. Писарева, исполнительного директора тамбовского «Мемориала» В. Середы, моего давнишнего знакомого по газете, где я работал в бытность его там редактором, сотрудницы центра адаптации и развития детей, психолога Т. Рязановой, председателя тамбовского «Зеленого движения» Л. Спиридоновой, активиста этого движения А. Щербакова, меня — Б. Сенникова и моей дочери Веры Сенниковой, ученицы 7-го класса одной из средних школ города Тамбова, моей постоянной спутницы во всех моих поездках.

Село Кипец существовало с конца XVIII века. Было сплошь застроено кирпичными домами. В лицах людей, сегодня здесь живущих, до сего времени возникает страх, как только речь заходит о крестьянской войне. Это им передалось от родителей. Они ничего не хотят рассказывать о том, что знают об этих событиях. Охотно рассказывают о том, как работали в советское время в своем нищем колхозе. Рассказывают, что был бандитизм, а потом бандиты их загоняли в колхоз и отнимали у них хлеб, с тех пор ели одну мякину да лебеду. «Чистый хлеб я впервые попробовала в Питере, когда туда завербовалась на стройку», —

говорит одна из женщин. Работали в колхозе от зари до зари, а за труды от советской власти ничего не получали. Свой приусадебный участок обрабатывали ночью, а с него брали налог. Одна из них рассказала, что в этом колхозе всю жизнь проработала дояркой и получила профессиональное заболевание (показывает свои руки со скрюченными пальцами), пенсия — «кот наплакал», а огород не может обрабатывать, спасибо родственникам, приезжают из города и помогают. Была она много раз за строительство светлого будущего премирована почетными грамотами и доской почета. Но за грамоты в магазине ничего не дают. Все, что там себе заработала, профессиональное заболевание и все. Раньше крестьяне мечтали о том, чтобы у них было земли больше, а сейчас она лежит кругом и зарастает бурьяном, и кто даже готов на ней работать — не дадут. Найдут причину отказать. Пропадает самый лучший на земле чернозем под лебедой и чертополохом. Вот какое наследство получили от советской власти. А земля золотая, нет нигде такой.

О гражданской войне наотрез отказываются говорить. Идем к озеру Кипец. На песке загорают молодые люди, приехали из Тамбова и Кирсанова, помочь старикам с их огородами, а заодно загореть и вдоволь покупаться. Они от своих родственников много слышали о событиях 1918–1921 гг. и нам начинают рассказывать все, что сами слышали от тех же бабушек, которые предпочли эту тему обойти молчанием. Этим же неведом страх перед органами ОГПУ и НКВД. Затем, уже вместе с ними, встречаемся со знакомыми бабушками, которые по просьбе внуков рассказывают все о восстании крестьян, о карателях-иноземцах, о голоде 1933 года, и даже о людоедстве. Словом, все, что им пришлось пережить за годы «построения светлого будущего». За 80 лет это село так и не смогло преодолеть ту разруху, которую ему принесла советская власть, и сегодня погибает, не имея ни какой надежды на возрождение. При этом со страху на выборах голосует только за Зюганова, так, говорят, велят нам. Разделяемся на несколько групп и расходимся в разные стороны. Наша группа из четырех человек пытается перейти на противоположный берег заболоченной поймы реки Вороны, в село Паревка, по бревнам, проложенным в самом узком месте реки, где когда-то стояла мельница. Мы ступаем по узкой тропинке в камыши и идем в глубь заболоченной поймы. В 1950 году здесь проводились работы по осушке этих болот, но до конца эти работы так и не были доведены.

Проплутав в камышах часа два, выходим к большой кочке и с нее оглядываем местность. Тропа нас привела в другую сторону от села Паревка. Решаем возвращаться назад, так как в противном случае не успеем засветло вернуться в Кипец. Выходим на остров и видим, как он весь густо изрыт воронками от разрывов снарядов, остров весь к тому же

зарос молодым ивняком. Река Ворона наподобие горной реки бурно несет свои воды, и около острова вода в ней похожа на кипящую. По всей видимости, от этого остров зовут Кипец, а заодно и село, которое стоит неподалеку от него. Еще немного проплутав в камышах, мы наконец выходим к переправе, откуда и начинали свой путь, а в Паревке нас ждали такие же, как и мы, из города Пензы, но встреча не состоялась. Навстречу нам уже идут наши спутники по этой экспедиции, беспокоясь нашим долгим отсутствием. Впечатление от заболоченной поймы большое, так как знаем, что в этих болотах масса погибших людей и неразорвавшихся снарядов. Весь этот партизанский край еще ждет своих исследователей и историков-аналитиков еще не дописанной нашей истории. Люди, которые хорошо знают свою историю, всегда бывают патриотами своего края и, наоборот, кто не хочет ее знать, те свою Родину никогда не полюбят. Историкам еще предстоит осветить все темные углы нашей российской истории и воссоздать ее для наших потомков в правдивом виде.

24 июня 1999 года жители Тамбова и Тамбовской области в областном центре у Казанского монастыря, на месте массового захоронения, поставили мемориальную доску. Через две недели, как говорят очевидцы, приехали машины в сопровождении наряда милиции (по всей видимости, для охраны этих уголовных преступников), сняли доску, собрали цветы и венки, и все это было увезено в неизвестном направлении. На запрос депутатов городской думы «Кто уничтожил мемориальную доску?» все уровни власти ответили, что не отдавали распоряжения убрать эту мемориальную доску.

24 июня 2000 г. на открытии памятника погибшим участникам народного восстания в Тамбовской губернии

В 2000 году от Рождества Христова, снова 24 июня был поставлен на народные деньги памятный знак жертвам крестьянского восстания. Простояв около года, он был ночью под 1 мая 2001 года украден. Надо сказать, что в Тамбове это единственный памятник, поставленный на народные деньги, которые были собраны по рублям и копеечкам со всей Тамбовской области и городу Тамбову, разрешен городскими властями и освящен Русской православной церковью. За неделю до этого по областному радио выступил депутат областной думы от КПРФ, некий Чанцев, который заявил, что он не потерпит этого памятника в городе. Это же он писал и в коммунистической газетенке «Наш голос», а в весьма символическую Вальпургиеву ночь, когда вся нечистая сила слетается

Памятный знак участникам Тамбовского восстания, уничтоженный в ночь на 1 мая 2001 г. На памятнике высечены слова:
«Бороться за правое дело приходится, братцы, самим только нам. Бороться честно, храбро и смело — во имя Веры, Родины и Правды»

Александр Степанович Антонов

на свой ежегодный шабаш, памятник был украден уголовниками. Правоохранительные органы отказались взять у граждан заявление по поводу этого террористического акта. Однако после того, как журнал «Посев» опубликовал по этому поводу статью в 7 номере за 2001 год, прокурор области Тамочинник распорядился открыть следствие, которое было закрыто, так как не нашло похитителей.

В 2002 году терпеливый народ вновь восстанавливает дважды снесенный памятник, вопреки беспомощности правоохранительных органов Тамбова и Тамбовской области. Народ снова на свои средства ставит памятник крестьянам, погибшим в борьбе с большевиками.

Сегодня раздаются голоса коммунистов-последышей, что хватит, мол, все это помнить, лучше поставить всем совместные памятники и тем

Б.В. Сенников возлагает цветы на месте уничтоженного местными большевиками памятного знака участникам Тамбовского восстания. Справа: В.Ж. Цветков, Р.Г. Гагкуев. Сентябрь 2001 г.

Часовня в память жертв массовых расстрелов
в Тамбове. Казанский монастырь

сеева, Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина, П.Н. Врангеля и многих других белых воинов и патриотов России с теми, кто ее продавал за деньги.

Мрак и свет — разные вещи, черное и белое — тоже. Нельзя одновременно служить Богу и Сатане. Так пусть успокоятся преданные вечной анафеме: такие памятники — это надругательство над ими же убиенными и замученными и зовется кошунством. Никогда не станут рядом святые с палачами и уголовниками. Памятники должны стоять только их жертвам и тем, кто от них отстаивал мать-Родину, святую и многострадальную Россию. Тем, кто боролся против красного террора, безбожия, голода, а короче — против коммунистов и советской власти. И все должны получить по делам своим. Иначе и быть не может. История — не гуляющая девка, а наука о прошлом, в конце концов.

самым и порешить дело. Хорошую же для себя они придумали позицию. Убивали, расстреливали, грабили, насиловали, морили голодом, не щадя даже детей, а сейчас еще и хотят, чтобы им и памятники ставили совместно с теми, кого они убивали, душили газами и живьем сжигали в топках. Но палачам и их жертвам памятники одновременно не принято ни где ставить. Как можно палачу Юровскому, убивавшему детей, ставить общий памятник с убитыми им детьми? Нельзя поставить совместный памятник патриотам Белого движения и оберпалачу Дзержинскому. Нельзя равнять адмирала А.В. Колчака, генералов М.В. Алек-

ЧАСТЬ II

«СТАЛИНСКАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ»: СВИДЕТЕЛЬСТВА ТЕХ, ПО ЧЬИМ СПИНАМ ПРОШЛО «КРАСНОЕ КОЛЕСО»

Этапы большие в глухую Сибирь
Вишерский лагерь на хмуром Урале
И Соловецкий Святой монастырь
(стихи народные)

Крестьянское сопротивление 1918–1921 гг. не прошло даром. Оно вынудило Ленина отказаться от немедленного перехода к коммунизму и ввести нэп — новую экономическую политику.

После разлуки «военного коммунизма» крестьяне вновь сумели досыта накормить Россию, наполнив все рынки страны продовольствием. Это не понравилось власти коммунистов, так как сытым и мало зависимым от них народом управлять труднее, чем бесправным и голодным. Чтобы народ держать в железной узде, нужна была монополия на распределение продовольствия, ибо у кого в руках хлеб — у того и власть. Сталин придерживался методы ленинского управления, следуя смыслу его декрета о «продовольственной диктатуре». Ему нужен был голод. А чтобы был голод, нужно уничтожить производителя продовольствия, то есть крестьянина. Продовольствие же в стране надо строго распределять среди населения. Вот и вся диалектика власти.

Голод 1933 года затмит все другие известные в истории человечества, как по масштабам территории, так и по числу жертв. Крестьян ссылали в Сибирь, на Урал, на Север, на Дальний Восток, в голодные степи Казахстана. Их труд использовали на лесоповале, в каменных карьерах, в шахтах и рудниках, на строительстве Беломорканала, канала имени Москвы и других сталинских стройках коммунизма, лишив их, а также членов их семей свободного передвижения. Заключение, находясь на спецпоселениях вместе со своими детьми и грудными младенцами, ежедневно гибли там тысячами от голода, болезней и непосильного труда. Таким образом, коммунисты, как в древнем мире, фактически возродили рабство. Россия превращалась в сплошной концентрационный лагерь, разделившись на рабов и охранников.

Главной целью коммунистов было мировое господство. Но как этого достигнуть? С приходом коммунистического режима все достижения России пошли прахом и все покатилося под откос. Россия была за короткое время была превращена из богатой и процветающей страны в огромную «банановую» республику.

Чтобы вывести страну на ее прежние рубежи, надо было поднимать экономику. Но все средства, которыми еще недавно обладала Россия, были разграблены и промотаны коммунистами. И чтобы поднять экономику, было решено вновь, как в гражданскую войну, прибегнуть к силе голода. Так как побежденный народ за хлеб сделает все, что только требуется советской власти.

Сталин объявил пятилетний план подъема советской экономики и развития народного хозяйства. Он проводился под лозунгом: «Догнать и перегнать все высоко развитые страны мира!» Для пятилетки нужны были рабочие руки. А где их взять? Надо создать в стране голод, и тогда население само побежит на «великие стройки» за хлебом — там будет гарантирована пайка. Платить не обязательно, самое главное, чтобы давали есть. На том и порешили. А чтобы есть в стране было нечего, надо было создать плановое сельское хозяйство, а крестьянство ликвидировать, особенно его трудовую часть, приспособив его также для «великихстроек». Народу умерло во время пятилетки уйма, но догнать, а тем паче перегнать развитые страны не удалось даже и через 60 лет. Однако объявили, что план пятилетний выполнили в четыре года. Бумага все стерпит. «Благодаря» проведенной в стране сплошной коллективизации, до сего времени так и не удается досыта накормить страну. Колхозники — не крестьяне. Они хоть и дома, а все равно отбывают невольничьи работы...

1. «ЗА ЧТО ТАКАЯ КАРА?»

О страшных днях «сталинской коллективизации» повествуют нам наши тамбовские земляки — сестры Нина Белых и Зоя Петрова из села Каменки бывшего Тамбовского уезда.

На Урале, недалеко от Свердловска (ныне, слава Богу, опять Екатеринбург), при слиянии трех рек — Исети, Каменки и Синары, стоит небольшой промышленный городок Каменск-Уральский. Есть в нем знаменитый трубный завод, а рядом с ним спецпоселок. Сейчас его все зовут «Шанхаем». Завод и спецпоселок, а также почти весь Синарский район построен руками, потом и кровью спецпоселенцев — русских крестьян, которых советская власть прозвала «кулаками». В мае-июне 1931 года поселок Каменск-Уральский разбух от тысяч привезенных сюда силой со всех концов страны людей. Все это были крестьянские семьи, как правило, многодетные, которых коммунисты и советская власть насильно определили в эти края, оторвав принудительно от родных мест и дома, отобрав все нажитое нелегким крестьянским трудом.

Везли их железнодорожными составами под усиленным конвоем со всех концов России: из Тамбовской, Липецкой, Воронежской, Пензенской, Вятской и других областей.

Семья Нины и Зои была одной из тех тамбовских семей, которые принадлежали к так называемым «кулакам». Главу семьи решением местного комитета 2 мая 1931 года лишили избирательных прав (которых у нас на самом деле и не было никогда) и выслали, предварительно ограбив, на спецпоселение на Урал. Как же это тогда все было просто! Собрались члены комитета опохмелиться после пролетарского праздника, а заодно покуражиться после похмелья.

Сестры рассказывают:

«Уполномоченным в нашем селе в то время был некий Н.И. Матчин. Он вспомнил, что наш отец женился на Клавдии (нашей матери), на которую он сам когда-то «положил глаз». И отец самым первым из односельчан был внесен в списки на раскулачивание. Черной завистью завидовал ему Матчин, ведь наш батюшка к тридцати годам уже имел свой хороший каменный дом-пятистенник, троих детей, да жену — мастерицу на все руки. Наша мама сама пряла пух и из него вязала платки, которые свободно проходили через обручальное кольцо. Шила, готовила, вязала, растила детей и любила нашего отца. Отец наш — трудяга, ни разу до самой смерти не произнес ни одного бранного слова. Были у отца два увлечения в жизни — баритон и бильярд. И обе эти страсти даны ему были от Бога.

Когда отцу было еще шестнадцать лет, за ним пришли дочери владельца чайного заведения, передав просьбу своего отца сыграть на бильярде с одним приезжим купцом, обыгравшим всех посетителей чайной. Сначала играли просто так, а потом купец предложил сыграть с ним «под интерес» — на деньги. Отец отказался, сказав, что у него нет денег. «Играй, Мишутка, я за тебя заплачу», — сказал хозяин заведения, будучи сам игроком-любителем. Когда утром игра была закончена, то оказалось, что Мишутка выиграл у купца 3 000 рублей: по тем временам это были большие деньги (лошадь стоила 70 рублей, корова — 60). Отец не хотел брать деньги с купца. Однако купец и хозяин чайной настояли, чтобы он их взял. А утром уже все село знало, что Мишутка в бильярд выиграл целое состояние. Дело было в 1914 году. На эти деньги отец и завел свое собственное хозяйство. Деньги эти принесли ему на короткое время счастье, а потом на всю оставшуюся жизнь горе.

Так кто же были все эти «кулаки», к которым была причислена и наша семья? Думаю, что не ошибемся, если скажем так: это были честные крестьяне, безудержные трудяги и очень наивные люди. Из Тамбовской области было много семей, можно сказать, благородного покроя. Сплошь грамотные и культурные, обходительные и верующие в Бога. Из других областей таких было меньше.

Провезли нас всех по нашей матушке-России в товарных вагонах-«телятниках» по 20–30 семей в каждом. Везли долго, порой забывая кормить по 2–3 дня. На станциях из вагонов мы просили у людей хлеба, но те сами были голодные и помочь ничем не могли, только проходили мимо, тяжело вздыхая. В стране Сталин ввел карточную систему и люди получали хлеб по граммам на человека.

Наконец-то наш состав прибыл к разъезду Кодынскому Каменского района Южно-Уральской железной дороги, и выбросили нас в чистом поле, как обычно вываливают мусор. Затем всем приказали идти пешком к развалинам старой Жереховской мельницы. Совершать этот переход нам было не трудно, так как ни у кого из нас не было никакой поклажи, кроме детей (ограбили нас всех изрядно коммунисты). Все были рады тому, что освободились из вонючих и тесных вагонов. Но на старой разрушенной мельнице вряд ли было лучше. В одно общее помещение поселили более двух тысяч душ. Всех мужчин с шестнадцати лет и старше сразу же погнали за 20 км под конвоем рыть землянки. И так до самой зимы. А потом в этих землянках спецпоселенцы зимовали две зимы, в голоде, холоде и грязи, без света. Люди вымирали, словно мухи, а уже потом те, кто выжил, строили бараки.

Из нашего села вторым в список на раскулачивание Матчин включил своего двоюродного брата Суслина. Сослал его Матчин только за то, что ему его дом приглянулся. Семья Суслиных состояла из шести человек, четверо из них были дети. Глава семьи имел лошадь, корову, овец, поросят, кур с гусями, надел земли, да, как говорят, трудился в поте своего лица — никто его не считал богатым. Дальнейшая судьба этой семьи была ужасна. В 1932 году в спецпоселке главу семьи за какую-то мизерную провинность комендант поселка отправил в штрафной 25-й барак. Несколько дней он там находился без еды и питья, его очень сильно избили и продержали раздетым на цементном полу. Возвратили к семье на пятый день под вечер, а к утру он умер. Перед смертью его десятилетний сын по совету соседки тайком сбегал в деревню к «местным» и выпросил у них для умирающего отца стакан молока, но когда с ним вернулся, отец был уже мертв. Пришли санитары,

собрали трупы и бросили в сарай, где уже лежало много мертвых людей. Чтобы не гонять на кладбище зря лошадь, «хозяйственный» комендант поселка распорядился собирать трупы умерших и партиями возить их на кладбище. Когда их собиралось достаточно много, их везли закапывать, делая несколько рейсов. Сыну и сейчас кажется, что лицо его отца в тот момент, когда его клали на повозку со всеми остальными покойниками, было розовым, а не бледным, как у остальных мертвецов. Прошло столько лет, а до сей поры его мучает сомнение, а не похоронили ли отца живым, врачи ведь его не смотрели. Успокаивает только одно — семье все равно не удалось бы его выходить. Мать, отдававшая свою порцию еды малолетним детям, с голодухи заболела водянкой и вскоре умерла, а за ней умерло и двое малолетних детей.

Из Моршанска были высланы три брата Благовещенских. Были они из мещан, все грамотные и довольно начитанные. При НЭПе имели свое мануфактурное предприятие, все были богатыри — по два метра ростом, и умерли все по очереди...

Обо всех уже не вспомнить, так много было умерших от голода, непосильного труда и болезней. Однозначно только одно — в стране стоявшие у власти могли делать все, что угодно, без суда и следствия арестовывать ни в чем неповинных людей. Мучить их и расстреливать, а также обращать в рабов. Вначале они расстреляли Помазанника Божьего со всей его семьей. Но все тогда промолчали, и они убили миллионы промолчавших.

Все спецпоселенцы были глубоко верующими людьми и все ниспосланное на их долю принимали как Божью кару за смерть царской семьи и за то, что не смогли ее уберечь. Все они стойко терпели все унижения и оскорбления и не противились злу и насилию, ибо противное, по их разумению, значило неверие в Бога. Каждая семья привезла с собою в ссылку икону — единственное, что можно было взять с собой незаметно из всего отобранного у них имущества. Все эти иконы были родовыми и оттого особо почитаемыми. В землянках и бараках иконы приходилось особенно тщательно прятать, так как если комендант и его прихвостни дознаются о существовании иконы, хозяину не избежать 25-го штрафного барака, а оттуда редко кто выходил живым. И оставалось всем этим людям терпеть, веруя и надеясь на Бога»⁵⁷.

Только уже после войны в 1947 году спецпоселенцам были выданы паспорта, но далеко не всем... Для большинства такая жизнь

⁵⁷ Архив автора.

продолжалась до самой смерти Сталина. Да что греха таить, и до сего времени. Судьбы людские были сломаны и исковерканы. Ни один из спецпоселенцев не вернулся на свою Родину. Их родимые гнезда были разрушены и им некуда было возвращаться. За годы каторжного труда, особенно во время II мировой войны, спецпоселенцы из крестьян-хлебопашцев превратились в квалифицированных рабочих огромного завода, так сказать, «спецов». Все дети «кулаков» и сами «кулаки» считались самым ценным рабочим товаром, так как находились на положении рабов без права выезда. Они начинали строительство завода рядом со своим поселением, рыли котлованы под его цеха, а потом на этом же заводе работали. Очень многие из спецпоселенцев умирали от непосильной работы и других лишений, целыми десятилетиями ни одного раза так и не наевшись досыта. А красавец завод, построенный ими, стоит и дышит дымом своих труб на их костях.

Так коммунисты выполняли свой первый пятилетний план. Никого они так и не догнали, а людей уложили в могилы многие миллионы, истребив таким образом русское крестьянство. В первые годы работы этого завода на эксплуатацию вагранки завода посылали спецпоселенцев, как на фронте в штрафную роту. Все, кто там тогда работал, долго не жил. Охраны труда никакой не было. Негде было даже помыться, так с работы черными, как негры, и тащились в свой барак и там валились на нары до следующей смены, которая длилась по двенадцать часов и более.

Только в 1991 году статья 16-я «Закона о реабилитации жертв политических репрессий» чуть напомнила спецпоселенцам, что они тоже люди. Самих жертв репрессий уже не было в живых, они все умерли рабами коммунизма. Остались еще в живых их дети, которые уже сами стали стариками — им по 70–85 лет. Вот так к ним пришла запоздалая милость. Всем бывшим рабам их родина — Тамбовская, Липецкая и Воронежская области — выслали документ о посмертной реабилитации их родителей. А Воронежская и Липецкая области сразу же и справки о реабилитации детей спецпоселенцев. Какое великое благородство, особенно по отношению к грудным детям и тем, кто еще находился в утробе их несчастных матерей. Тамбовская же область, руководимая губернатором-коммунистом, уперлась, не желая выдавать справки репрессированным детям «кулаков», которые в 1929–1933 гг. были еще несовершеннолетними и поэтому не являлись «субъектами репрессий». Только одна Свердловская область, в лице УВД, извинилась и покаялась перед теми, кто был сослан на спецпоселение в несовершеннолетнем возрасте, и выразила каждому «субъекту» глубокое сочувствие, как жертвам политических репрессий, невинно пострадавшим в годы

коммунистического правления. А в 1994 году появилось на свет постановление РФ «О порядке возврата гражданам незаконно конфискованного имущества и возмещения его стоимости и выплаты денежных компенсаций». Старые и очень больные жертвы репрессий, хватая по пути инфаркты и нервные расстройства, бросились собирать справки и документы для отправки в родную им Тамбовскую область. На сегодня только некоторые из них получили жалкую компенсацию за отнятое у них детство, родителей и всю остальную жизнь. А все остальные — ответ такого содержания: «В дополнение высланных вами документов просим прислать справки или описи изъятого имущества или установить факт его изъятия в суде. Кроме этого, надлежит установить через суд сам факт раскулачивания, так как в архивах ваших документов не сохранилось». Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Отбирать имущество и ссылать людей в рабство — на это тогда суда не требовалось. А теперь через 70 лет суд должен установить факт раскулачивания и конфискации имущества. Все как в анекдоте. Сейчас все трудовое крестьянство, объявленное советской властью «кулаками», ограбленное ей и обращенное в рабство, реабилитировано, то есть само государство признало, что крестьянство незаконно было подвергнуто репрессиям, а имущество у них несправедливо отнято. А теперь жертвы через суд должны доказывать, что у них, когда их «кулачили», был собственный дом. Получается так, что все они были не «кулаки», а бомжи, так как не имели даже дома. Тогда за что же их ссылали в рабство? Выходит, за то, что они были пролетарии.

Вот такая драма самого производительного в мире российско-го крестьянства, которое и по сей день остается репрессированным. Эта трагедия российского крестьянства еще ждет своих исследователей. Ну а на материальную компенсацию наше государство, как и прежде коммунистическое, раскошелиться не собирается. Это только демократическая Германия может платить компенсацию за своих нацистов их жертвам, а наши преемники коммунистической власти об этом даже думать не хотят. «Денег нет» — такую они нам придумали сказочку. Когда ловят грабителя, то украденное им имущество возвращают тому, у кого оно было отнято, — и это по совести и по закону. А в нашей стране официально действует организация, которая сама себя называет наследницей КПСС. Так, может, стоит у этой «наследницы» и спросить: куда делось наше добро, награбленное ее преступной родительницей? А в Кремле все «сказочники» меняются, а долги нам платить не хотят. «Нет денег!» Надеются, что мы, кому они должны, выйдем все.

2. ПОПУТЧИКИ

Старый «Икарус», дребезжа на ухабах, катил в сторону Моршанска, когда-то богатого купеческого города Тамбовской губернии. За окнами автобуса мелькали заросшие бурьяном поля бывшей хлеботородной Тамбовщины, которая своим хлебом кормила Европу. Но те времена уже давно прошли, и теперь уже более восьмидесяти лет Тамбовская земля никак не может прокормить даже себя. Дорога от Тамбова до Моршанска была длинной и казалась неинтересной и тоскливой. От всего виденного за окнами в душу лезло уныние.

Но вот как-то постепенно разговорился со своим пожилым соседом, который оказался очень интересным собеседником, многое повидавшим за свою долгую жизнь. От него я узнал, что в 1941 году он воевал под Киевом, где попал в окружение и был взят в плен немцами вместе с 650-тысячной группировкой советского генерал-полковника М.П. Кирпоноса, который тогда командовал Юго-Западным фронтом и был наголову разбит германской армией. Плен мой собеседник переносил очень тяжело, как, впрочем, и все остальные. Советских пленных было очень много — более трех миллионов человек, и от такого их количества немцы растерялись, так как не были к этому готовы. Всех военнопленных нужно было накормить и разместить по лагерям. Сталин отказался тогда кормить своих пленных красноармейцев через Красный Крест, как это тогда делали все воюющие страны — участники II мировой войны. И нашим людям пришлось в плену очень туго. В первый год войны в плену погибло очень много наших людей.

На территории Польши мой попутчик бежал из полевого лагеря военнопленных и с группой таких же бедолаг пробрался на Украину, где пристал к воинской части «окруженцев», которая прорывалась с боями к линии фронта. Вскоре вместе с ней он влился в партизанский отряд. На протяжении двух лет мой собеседник партизанил в немецком тылу. Тяжело раненным он был на самолете переправлен через линию фронта в Тамбов, где тогда находился партизанский госпиталь. После поправки на две недели он был отпущен в отпуск по ранению в Моршанский район в село Воновье, где тогда жила его мать с младшими сестренками и братишками. Затем снова фронт и бои в Прибалтике, теперь уже в рядах Советской армии. Снова тяжелое ранение под Кенигсбергом, после которого он стал инвалидом.

Сейчас мой собеседник был у дочери в селе, а потом в Тамбове у сына. Очень ругал коммунистов, которые нас 80 лет дурили, ведя к «светлому будущему» в отдельно взятой стране, которое они так и не построили, при этом угробив миллионы людей. Сами же коммунисты

все сидят на своих прежних местах, как ни в чем не бывало, и продолжают по-прежнему воровать бессовестно.

«Легче в железобетонную стену вбить гвоздь, чем в их головы здравую мысль. Вот был я у дочери, там коммунисты праздновали день рождения Зои Космодемьянской. Врали все без всякой меры, в основном прославляя губернатора Рябова, словно день рождения был не у Зои, а у него. Словом, закатили грандиозную пьянку по этому случаю. И никто так и не сказал из них ни единого слова правды о детстве и жизни обоих героев Советского Союза — Зои и Шуры Космодемьянских. А когда-то пьяная шайка коммунистов, на заре их борьбы с православием, ввалилась в дом Космодемьянских и учинила там погром, а затем, схватив дедушку Зои и Шуры — местного священника, — вывела его за бороду из дома во двор. Там, свалив его с ног на землю, с остервенением начали бить ногами. А вся вина священника состояла в том, что он в храме проповедовал слово Божие. Коммунисты этого никак не могли перенести и до смерти затоптали ногами старика. Пять дней они не разрешали семье и односельчанам хоронить священника. А когда ушли из села, то близкие ему люди и прихожане предали тело священника земле. Похоронив дедушку, семья уехала из села на Дальний Восток, подалее от ужаса, который совершили коммунисты, но те уже были повсюду. Вскоре оттуда семья переехала в Москву, пытаясь там затеряться. В Москве, однако, отец Зои и Шуры был арестован ОГПУ и навечно канул в сталинских лагерях. Таково было детство героев СССР. Об этом коммунисты не любят вспоминать»⁵⁸.

Далее мой попутчик поведал мне, как он, будучи мальчишкой, был свидетелем раскулачивания крестьян в их селе во время сталинской коллективизации. Сам он родился в многодетной семье, которую содержала одна мать, которая могла бы встать на ноги по мере подрастания детей, так как все они с детства были приучены к труду. Отца их семья мало интересовала, так как он был ухарь-гармонист и вечно таскался по ближним и дальним деревням на свадьбы, именины и другие праздники. Иногда он появлялся дома и недолго там жил, отдыхая от праздников. После таких побывок отца чаще всего ожидалось прибавление в семействе. А отец снова исчезал надолго. Мать в молодости, как говорили все ее знавшие в то время, была очень красивой и видной девкой из зажиточной семьи трудовых крестьян. В ту пору сватался к ней очень хороший и работающий парень, которого уважало все село. Рано оставшийся без родителей, которые в одночасье умерли от угара, он один

⁵⁸ Архив автора.

управлялся в своем крепком и богатом хозяйстве. Но мать предпочла ему гармониста, по которому сохли все сельские девки. Родители матери поставили молодым дом, дали корову, лошадь, овец, поросят, птицу и прочую живность для хозяйства, а в придачу — всю свою землю, оставив себе на старость один огород. Да только гармонисту больше нравилось застолье, чем работа в хозяйстве. Все легло на плечи матери. Отец быстро пристрастился к вину и самогону, а также к легкой жизни гармониста. К тому времени, когда он стал исчезать из дома, у матери от него родилось уже двое детей. Сначала отец пропадал на недели, а потом и на долгие месяцы. Так шли годы. Мать, надорвавшись от непосильной работы, все чаще стала прихварывать. А семейство после редких посещений отца все прибавлялось. Жили уже впроголодь. Парень, который сватался когда-то к матери, оказался однолюбом. И так ни на ком не женился, хотя от невест у него не было отбоя. В селе его очень уважали за его статность и трудолюбие. Дом его был всегда полная чаша. А село не город, здесь все про всех всё знают. Разумеется, знал и он, как сложилась в замужестве судьба моей матери и, по всей видимости, искренне, по-человечески ее жалел.

Далее мой случайный попутчик рассказал следующее:

«Помню, когда зимой в его хозяйстве было мало работы, он часто сидел у окна в своем доме, поглядывая на улицу, курил махорку, стряхивая пепел в цветочный горшок с геранью. Увидев меня, игравшего на улице с соседскими мальчишками, он стучал в окно и приглашал меня в дом. А в доме всегда усаживал за стол, наливал в тарелку жирных щей, ставил на стол сметану, нарезанное холодное мясо, хлеб, кашу или жареную картошку. И вместе со мной принимался за обед, попутно расспрашивая о жизни и учебе в школе. После обеда мы с ним пили еще чай, настоянный на душистых травах с медом. Затем вместе мыли посуду и еще много разговаривали обо всем на свете.

Потом он мне как бы между прочим говорил: «Знаешь, помоги мне переложить дрова от сарая к тому забору». Я, разумеется, рад был ему помочь. И мы, надев шапки и одежонку, шли во двор и брались там за дрова. Минут через пятнадцать-двадцать все дрова были перенесены на новое место и мы, веселые и разгоряченные работой, возвращались в дом со двора. Там мы с ним снова болтали и пили чай с медом и пышками. А когда я собирался уходить домой, он опять как бы между прочим весело говорил: «С меня причитается тебе за помощь». Я от него этого не ожидал и начинал отнекиваться. Но он меня вел в амбар, там брал чистые мешки. В один насыпал пшена, в другой — муку. С крюка снимал большой

свиной окорок, потом лез в погреб и там насыпал картошки. Затем давал санки, чтобы все это отвезти домой. При этом всегда наказывал: «Завтра санки и мешки вернуть, а матери сказать, что заработал, но не говорить где».

Я довольный со всем этим возвращался домой, а он, еще раз поблагодарив меня за помощь, шел перекладывать нашу поленницу дров назад. У такого хозяина, как он, всегда все было на месте. А проделывал он все это только для того, чтобы меня не унижить подачкой, а, наоборот, возвысить меня перед братишками и сестренками, что я, как и мама, тоже являюсь кормильцем семьи. Но, к моему сожалению, я все это понял позже, когда подрос. Вот таким манером он и выручал нашу семью, когда нам становилось туго или болела мама. Мы с ним подолгу вели беседы на всякие темы, и он всегда как бы невзначай давал мне умные и хорошие советы в жизни. Он меня всегда учил: «Будешь работать — все у тебя будет, а под лежащий камень вода не течёт».

Незаметно для себя я очень полюбил этого человека и крепко с ним подружился. Вскоре наступил 1930-й год. И в селе появился наконец-то наш папаша без гармошки, но зато с мандатом и наганом в кожаной кобуре. Он им страшно гордился и то и дело поправлял на своем ремне. Оказывается, он вступил в партию и был назначен уполномоченным по коллективизации. Что тогда началось в селе! Голова шла кругом. Началось раскулачивание и выселка крепких хозяев. Попал под раскулачивание и мой друг за отказ вступить в колхоз.

Отец в окружении активистов и милиционеров, тряся над его головой своим наганом, кричал: «Вот он, мироед, кулацкая морда! На него батрачили мои дети (наверное, имея в виду меня)». Дело было зимой, рано утром. Все село собралось у церкви. Из села угоняли всех раскулаченных. Голосили бабы, которых угоняли в Сибирь и на Север, и те, которых не трогали. Кто-то принес икону Божией Матери, благословляя уводимых. Помню, как тепло улыбнулся мне мой друг, стоявший в толпе угоняемых крестьян, и на прощанье помахал рукой, после чего зашагал по дороге вместе со всеми уводимыми в неизвестность односельчанами под конвоем милиции. Шел он твердо, будто ничего с ним не произошло, ограбленный и униженный советской властью за то, что был честным человеком и любил свой труд.

К моему горлу подступил комок и я заплакал, поняв, что навсегда уведут моего лучшего друга. Затем кинулся догонять колонну с намерением разделить его участь. Но меня прогнала милиция,

больно отхлестав плетью вдоль спины. Усевшись на снег, я плакал так, как больше никогда не плакал в жизни. Я понял, что у меня отняли моего друга, которого я не забыл и по сей день, и всегда вспоминаю, когда мне тяжело в жизни. Что с ним было дальше, я так и не узнал. Отец вскоре стал в нашем селе председателем сельсовета, потом получил назначение в район и навсегда исчез из нашей жизни. Говорили, что он был секретарем райкома партии, потом спился, отовсюду был выгнан и пьяный замерз в придорожной канаве»⁵⁹.

Впереди нас сидела старушка, которая слышала все, о чем мы говорили. Повздыхав вместе с нами, она так начала свой рассказ:

«Было мне тогда четыре года, когда пришли раскулачивать моих родителей. Со двора выгнали всю скотину и очистили все амбары и житницы. В доме выкинули все из сундуков, отобрали все подушки и одеяла. Активисты тут же на себе стали примерять отцовские пиджаки и рубашки. Вскрыли в доме все половицы, искали припрятанные деньги и, возможно, золото. С бабушки (она мне приходилась прабабушкой, ей было больше 90 лет и она всегда мерзла) стали стаскивать тулупчик. Бабушка, не понимая, чего от нее хотят активисты, побежала к двери, но ей один из них подставил подножку, и когда она упала, с нее стащили тулупчик. Она тут же и умерла».

Дальше рассказ нашей попутчицы был и вовсе страшен:

«Ограбив нас и убив бабушку, пьяные уполномоченные с активистами, хохоча, переступили через мертвое тело бабушки и двинулись к нашим соседям, которые тоже подлежали раскулачиванию, предварительно опрокинув в печи чугуны со щами и картошкой, чтобы мы оставались голодными. Отец же стал сколачивать гроб из половиц для бабушки. В голый и разграбленный наш дом пришли женщины и старушки, чтобы прочитать молитвы по новопреставленной рабе Господней. Три дня, пока покойница лежала в доме, к нам еще не раз приходили уполномоченные, всякий раз унося с собой то, что не взяли ранее, будь то кочерга или лопата. Я сидела на окне и караулила — не идут ли опять активисты. И как только они появлялись, быстро стаскивала со своих ног пуховые носочки, которые мне связала моя мама, и прятала под рубашку, чтобы их у меня не отняли.

В день, когда должны были хоронить бабушку, в наш дом ввалилась пьяная орава комсомольцев. Они стали всюду шарить,

⁵⁹ Архив автора.

требуя у отца денег. Отец им пояснил, что у нас уже все отняли. Из съестного в доме оставалось всего килограмма два проса, которое мама собрала в амбаре на полу. Его рассыпали в первый день раскулачивания из прорвавшегося мешка, который тащили пьяные комсомольцы. Пока они рылись в доме, мама незаметно сунула в гроб, под голову мертвой бабушки наш последний мешочек с просом. Активисты, не найдя в доме денег, стали их искать в гробу у покойницы. Они нашли мешочек с просом и забрали его с собою.

В ночь после бабушкиных похорон отец завернул меня сонную в свой пиджак и отнес к своей сестре. Я помню, как он меня поцеловал в последний раз, а я, обхватив его своими ручонками, потерлась своей щекой о его небритое лицо и ощутила на нем слезы. Я тут же заснула на руках моей тети, которая меня потом и воспитывала. А папа с мамой тайно ушли в ту ночь из деревни, не дожидаясь высылки по этапу. Что дальше с ними было — я не знаю. Думаю, и верю в это, — были бы живы, они вернулись бы за мною. Но не пришли, а значит, погибли где-то. Меня же вырастила моя тетя, а ее муж заменил мне моего папу, а потом и он не вернулся с войны.

Мобилизованный через неделю после ее начала, он прислал нам одно-единственное письмо. Тетя, будучи еще совсем молодая, осталась со мною. Вдвоем с ней мы уже в войну и после нее работали по 12 часов в колхозе за палочки, ничего не получая за свой труд. А чтобы не умереть с голоду, ели лебеду и крапиву. А потом она выдала меня замуж и нянчила моих детей. Сейчас она уже совсем старенькая, но все еще что-то хлопочет по дому»⁶⁰.

Вскоре, не доезжая Моршанска, наша попутчица сошла с автобуса и, прощаясь с нами, чисто по-русски пригласила нас к себе в гости, если случится кому-нибудь побывать у них в деревне.

Мы с моим спутником ехали долго молча, осмысливая все рассказанное. В Моршанске ему предстояла пересадка на другой автобус. Мы с ним обменялись адресами, крепко пожали друг другу руки и разошлись с тем чувством, как будто мы знакомы всю жизнь.

3. ПАМЯТЬ СОХРАНИЛА ВСЕ

(свидетельство Фаата Алтыбаева, семья которого была раскулачена в 1929 году и вывезена на спецпоселение — на «великую сталинскую стройку коммунизма» Магнитку)

«Наше село, расположенное в Закамье, входило в Набережно-Челнинский кантон. К моменту коллективизации в 1929 году у

⁶⁰ Архив автора.

нас был свой дом, амбары, лошадь и две коровы, а также десятка два овец, сельхозинвентарь и пять трудоспособных членов семьи, не считая нас, малышей. Земли нам хватало, и урожай с нее мы собирали отменный.

Осенью, вскоре после засыпки зерна в амбары и кормов для скотины в колоды, приехали организаторы колхозов на двадцати подводах. Они конфисковали у нас все, что только было в амбарах и чуланах, не забыв и весь фураж для скота. Мы, дети, не понимали, что происходит. Стало страшно только тогда, когда пришел старший брат. Он был в соседней деревне у родственников и, увидев происходящее, начал кататься по полу, плача и причитая, чем же он будет зимой кормить скотину. Это была его обязанность в семье. Здесь и мы, дети, поняли, какое горе постигло нашу семью.

Через неделю организаторы снова навестили нас и разбили амбары, прихватив заодно и сруб (на баню). Начались издевательства над такими же трудовыми семьями, как наша. Они всех нас выгнали из нашего дома посреди зимы. А в нашем доме поселили так называемого «бедняка-пролетария», а проще — пьяницу и бездельника. В 1990-х гг., когда мы с сестрою вернулись в свою деревню, была жива еще старуха, которая тогда глумилась над нами, а теперь, осознав то, что она делала, чуть ли не на коленях просила у нас прощенья.

Вначале, видя, как мы и наша мать мучаемся, они вернулись в свой дом, а нам разрешили вернуться к себе. Но затем, подстрекаемые коммунистами, снова пришли, сняли рамы с окон посреди зимы и унесли с собой. Мы же вынуждены были уйти к бабушке по отцовской линии, так как деда уже не было — он только что умер, глядя на все, что тогда вокруг творилось. Надгробный его камень сохранился до сего времени.

Весной 1930-го года отца, а с ним еще семь человек из деревни арестовали, осудили неизвестно за что и отправили на Соловки. В архивах ФСБ, которые мне пришлось читать впоследствии, сказано, что осудили его якобы за агитацию против колхозов. Донос на него исходил от некоей Хозончан Голеевой, про которую даже и говорить не хочется, настолько это был неуважаемый среди односельчан человек. Все это очень тяжело вспоминать сегодня. Но постараюсь вспомнить, что же произошло с нами и еще тридцатью семьями нашей деревни.

27 июня 1930 г., после отправки отца на Соловки, нас и еще несколько семей глубокой ночью погрузили на повозки и под конвоем конной милиции, не разрешив взять даже кружки, чтобы

напоить детей, повезли в Набережные Челны, а оттуда пароходом отправили до города Елабуги. А когда там набралось достаточно народа, всех погрузили на грузовую баржу и повезли вверх по Каме. Днем и ночью по верхней палубе ходили охранники с винтовками, а внутрь баржи был направлен пулемет. Около пристани Красный Бор двое пытались бежать, и их обоих застрелили. Буксир с баржей держали более суток, пока в воде не нашли их трупы. Мертвецов положили на корму и везли с нами для отчета. По прибытии в Сарапул нас всех погрузили в вагоны для скота, которые стояли у самой пристани.

Сколько дней нас везли на Магнитку, я не помню. Но прибыли мы туда рано утром. Наш состав остановился на четырехметровой насыпи у горы Магнитной, конвоиры силой стали выгонять людей из вагонов, выкидывая их под откос. А в метрах 300—400-х, под горой скопилось огромное количество таких же, как мы, людей, привезенных сюда раньше. Покормили нас очень жидкой баландой, и мы расположились на ночь под открытым небом. А ночью пошел дождь, и мы все промокли до нитки.

Через несколько дней начали подвозить камышевые маты с реки Урал, и мы начали строить из них бараки. У самой горы Магнитной по одну сторону железной дороги была вырыта канава шириной 4 метра и глубиной 6 метров. Вдоль этой канавы днем и ночью ездили конные разъезды охранников, которых все называли вертухаями. А по другую сторону дороги у подножья самой горы, в 150—200 метрах были землянки. Вдоль них постоянно ходила охрана. Пока строили бараки, прибыло еще несколько составов с людьми, в том числе и с Украины с «хохлами». В бараках были сплошные нары в шесть рядов и две печки. В среднем — трех- и двухъярусные нары, и только у самых стен нары были одноярусные, куда и пристроили всех нас, детей.

Летом 1931 г. вдруг под конвоем привезли с Соловков нашего отца. Братья и сестры все работали на строительстве дамбы, куда ходили по узкому коридору из колючей проволоки под надзором охраны. Кормили всех в общей столовой по карточкам. Каждые 15 дней мать нас водила отмечаться в спецкомендатуру, а старшие ходили сами. Самым страшным на свете был комендант поселка. Так, однажды, когда мы втроем играли возле бровки канавы, он побросал нас всех вниз на камни, после чего один из нас умер, другой сломал ребра, а я, самый маленький, сломал копчик. Помню, как молодой врач советовал маме обратиться в суд, но это в нашем положении было немыслимо.

И вот настало для нас самое страшное время, осень—весна 1931—1932 гг. Тогда от голода и всяких болезней в бараках каждую ночь умирали, а утром в коридорах штабелями лежали мертвецы — их не успевали увозить машины. И еще одну незабываемо жуткую историю сохранила моя память. Напротив нас, во втором ярусе жила молодая семья. У них было два сына, пяти и полутора лет. Отец этих детей был гармонист от Бога. Такого таланта я не встречал за всю свою жизнь. Жена его, молодая красавица, вскоре умерла от тифа. Он после этого сошел с ума. Его взяли и увезли куда-то. Несколько дней дети оставались одни и страшно голодали. Моя мама и другие спецпоселенки отрывали понемножку от своих детей и пытались их подкормить. Но не надо забывать, что они сами и все дети пухли с голода и болели. И оставшиеся одни дети голодали очень сильно, так как их карточки без родителей не отоваривали. А чтобы младший не ревел от голода, старший братик отвлекал его, играя на отцовской гармонике. Их обоих вскоре куда-то забрал комендант. Но самое худшее ожидало нас впереди.

Основное трудоспособное население барака повымерло, и тогда взялись за нас, детей. А комендант завел такое правило: кому шесть лет — тому 2 кирпича, кому больше — 4–5 кирпичей; бери и поднимайся на 3-й и 4-й этажи строительства. И так целый день. Так мы строили светлое будущее — коммунизм. И именно тогда пустили лозунг: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство».

На работу нас выгонял сам комендант, применяя плетку: «Даром, что ли, вас, кулацкие выродки, будет кормить советская власть!» — кричал, багровея, этот отморозок с комсомольским значком на груди. Как мы смогли выжить — не знаю. Хочу сказать о тех крохах, оставшихся без родителей, и пусть, ради Бога, не будут на меня в обиде все те, кто страдал в ГУЛАГе. Они не получили и этого, а работали так же, как и мы, за жидкую баланду и кусок хлеба, часто пополам с соломой или навозом. Нашу жизнь отнял и искалечил коммунизм, и теперь некоторые (далеко не все) получают жалкую пенсию-компенсацию. Только молчат все эти «зюгановы» и иже с ними, за что уничтожали народ, чем он так перед их партией провинился? Нас из Татарии выслали 67 000 человек. Сегодня в живых осталось только 60. Это подтверждено документами республиканского архива.

А те, кто был выслан на Север, в Сибирь, в Казахстан и другие отдаленные места, кто был на лесоповалах, каменных карьерах, рудниках, угольных шахтах, строительстве каналов и других

«великих сталинских стройках коммунизма», разве они меньше пережили, чем мы? Спецпоселенцы не имели права без разрешения коменданта отлучаться за пределы района поселения. Самовольная отлучка рассматривалась как побег, влекущий за собой уголовную ответственность, — 20 лет с отбыванием в каторжной зоне (Постановление Совета народных комиссаров СССР № 35 от 8 марта 1945 г.; существовало и более раннее постановление такого же характера)».

4. «КАЗАЧЕСТВО ВЫРУБАТЬ ПОД КОРЕНЬ»

(воспоминания Владимира Леонтьева, кубанского казака, члена старейшин Кубанского казачьего войска)

В ноябре 1932 г. состоялось заседание бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), на котором выступал Лазарь Моисеевич Каганович. Обычно сдержанный, он был совсем на себя не похож — метал громы и молнии в адрес казачества: «На черную доску занесены тринадцать кубанских и две донские станицы. Вырвем с корнем всю казачью заразу». Еще раньше, в 1919 году Яков Свердлов разрабатывал план расказачивания всех земель России.

Казалось, какое дело до страстей Лазаря Кагановича было маленькому и несмышленому Володе Леонтьеву? В кубанской казачьей станице Полтавской все уважали его семью. Еще бы! Прадедушка Володи — Иван Иванович — был основателем этой станицы. С тринадцатью казаками пришел он сюда из Славянского кордона и забил первый колышек на месте будущей станицы Полтавской. Земля здесь была на редкость хороша. Казаки построили кордон, который охранял Полтавский казачий курень, а также и матушку-Россию. Этот Володин прадед был единственным из всей семьи, кто умер своей смертью, тихо обняв недопаханное поле. Все остальные приняли смерть в боях за Россию.

«Неисправимый казацюр! Выслать его вон!» — услышал свой приговор Павел Иванович, внук основателя станицы. Однако не дрогнул казак и не стал себе просить снисхождения у самозванной власти. А когда на следующее утро семья пришла проститься с высылаемым казаком, то узнали, что ночью он умер от разрыва сердца. Стали тогда просить его тело для погребения по-христиански. Не дали. «Мы его уже похоронили» — таков был ответ гэпэушников. Молчат по сей день архивы о частых «разрывах сердца» у казаков станицы.

Теперь на очереди был сын казака Константина Павловича. Но его не было в это время в станице. Дома были его жена и маленький сын. «Собирайтесь!» — коротко сказал зашедший в дом гэпэушник.

Короткое, как выстрел, слово понятно было каждому. Мать одела Володю и понесла его к телеге. В другой руке у нее был узелок, на печке так и остался кипящий борщ, а в хлеву ревела еще не кормленная скотина.

На целые километры растянулся железнодорожный состав. Их увозили в неизвестность. Сынишка с матерью заняли на полу вагона холодный угол. И тут случилось совсем уж невероятное. В вагоне вдруг отодвинулась дверь и в него затолкали отца. Увидев их, казак кинулся к ним и заплакал: «Родненькие вы мои!» Ехали долго. Кормить часто забывали, подолгу не выводили в туалет. Отец — косая сажень в плечах — выбил часть доски в полу, натянул простынку — и туалет готов. В уральской тайге мужчин и крепких казачек построили в колонну и погнали на лесоповал. Голодные старики и дети искали оставшиеся за зиму ягоды. Опухшие от голода, бродили безумные старухи.

«Я спасу сына-казака», — спокойно сказала казачка, мать Володи. Решено было бежать. Легко это сказать. Уже пробовали крепкие, здоровые казаки. Их в пути настигали вертухаи, гэпэушники с овчарками. Отбили им все внутренности и позволили тихо умереть на траве. Несмотря на это, бежали четверо: мать с Володей, беременная казачка с Дона и один местный житель, старик-таежник. Спас всех четверых его опыт. Когда они шли по тайге, он часто ложился на землю, слушал и командовал: «Погоня! Все живо под елку!» Конные вертухаи проскакали в трех метрах от раскидистой ели, где они затаились. Так, не имея никакой пищи, шли они по тайге. Питались яйцами птиц, грибами да прошлогодней ягодой.

С Божьей помощью дошли до реки Камы. Старик простился с ними — у него была своя дорога. По Каме шла баржа, которая разгрузилась из-под цемента. Мать Володи и беременная казачка сняли свои золотые обручальные кольца и отдали их капитану баржи. Капитан спрятал их в трюме, да еще дал сухарей и хлеба — авось искать в цементной пыли не будут. Баржа шла по Каме, затем по Волге. Так они в ее трюме дошли до Сталинграда. Повезло. Отсюда что на Дон, что на Кубань — рукой подать. Отмылись от цементной пыли, постирались в Волге и стали пробираться на Дон, к сестре беременной казачки, чтобы отдохнуть и запастись харчами, а ее оставить рожать. Пришли в станицу ночью. Только их успела сестра казачки отмыть, переодеть и накормить, как подошла облава — нагрянули гэпэушники. Попали из огня да в полымя. Мать схватила на руки Володю, выбежала в туалет и, подняв в полу доски, кинулась с ним в нечистоты. Потом опять пришлось отмываться в глиняном карьере. Хорошо, что на беременную казачку не обратили внимания.

А мать с Володей решили пробираться дальше, на Кубань, в станицу Киевскую, где была у них родня. Сестра казачки собрала их в дорогу, и следующей ночью они ушли. По пути задержались около станицы Троицкой у немцев-колонистов. Те надежно укрыли беглецов, подкормили, дали хорошо отдохнуть. Затем собрали в дорогу, помогли едой и деньгами. Очень хорошо их встретили в станице Молдавской, где мать Володи много шила и вязала. А Володя сошелся быстро с местными ребятами-казачатами. Но, видимо, не суждено было обрести покоя казачке с сыном.

В городе Новороссийске отец мамы, Володин дедушка — Степан Семенович был священником и служил в греческом храме. Простой казак, а знал несколько языков и службу вел на греческом языке. Такого коммунисты допустить никак не могли. Взяли и расстреляли священника, а потом вдобавок еще убили многих его родственников, которые маме приходились сестрами и братьями.

Однако в их жизни случались и проблески. Объявился отец, сбежавший со спецпоселения. Он по чужому паспорту пробрался на Кубань и здесь отыскал свою семью. Теперь все вместе перебрались на хутор Трудобельский и там целых два года жили спокойно, растя сына и работая. И вот наступил 1937 год — год новых смертей. Снова пошлы аресты.

Случайно Володя услышал от участкового уполномоченного НКВД в разговоре с местным начальником милиции, что в очередной десятке подлежащих аресту есть фамилия его отца. Володя в это время готовил уроки у них дома с его сыном-одноклассником. А те сидели на кухне, распивали очередную поллитровку и разговаривали о своих нелегких служебных делах людоедских. Отец успел предупредить всех, кого ожидал этот очередной арест НКВД, и семья исчезла с хутора. Разминулись с пришедшими за отцом в эту ночь всего на час. Пришлось разделиться на некоторое время. Отец подался в город Кривой Рог, а мать с Володей — в Кабардинку. Отцу пришлось работать за троих на строительстве дороги Новороссийск — Сухуми. И его как хорошего работника оставляют на строительстве — началась война. Но это уж слишком хорошо. Так не бывает. Знай строй дорогу, и иногда только прячься от бомб где-нибудь в придорожном кювете.

В 1942 году было состряпано очередное «дело» о контрреволюционном заговоре на строительстве дороги. Сотрудникам НКВД самим не хотелось идти на фронт, ведь там могли и убить. Вот и возникали такие дела, чтобы оправдать свое пребывание в тылу. Расстреляли по этому «делу» очень многих. Как потом выяснилось — ни за что. Среди расстрелянных был и отец Володи. А еще раньше его маму забрали на

рытье окопов в женский батальон. Их там заставляли строить дзоты у станицы Раевской. Там они все и погибли под бомбежкой.

Володя остался совсем один на всем белом свете. И, казалось, все — искоренили до конца всю казачью семью. Но нет, Бог не позволил. Будучи подростком (прибавил себе годок), Володя поступает на рытье траншей под водопровод. Дали хлебную карточку да раз в день кормили. Кое-как выжил. Затем прибавил себе уже два года и ушел в армию. Служба в армии затянулась с 1942 года до 1951-го. Сначала в горах Кавказа на себе снаряды таскал, а потом вдруг неожиданно-негаданно попал в кавалерию, что совсем хорошо для казака.

Володя, сын казака, спасенный от смерти матерью-казачкой, сегодня жив. Он — член старейшин казачьего Кубанского войска, а его потомки — казаки и казачата — живут во вновь отстроенной казачьей станице Полтавской. Во время сталинской коллективизации из нее было выслано 25 000 казачьего населения, а сама станица была стерта с лица земли авиацией и артиллерией РККА. Это — за массовый отказ казаков вступить в колхоз, так же как и в других станицах и хуторах Кубани.

Но казаки были, есть и будут: «Казачьему роду нет переводу». А те, кто уничтожал казаков, сегодня сами вымирают как динозавры, преданные вечной анафеме Святым русской православной Церкви патриархом Тихоном. «Не в силе Бог, а в правде!» Сегодня казачество возрождается по всей необъятной России.

5. ВОСПОМИНАНИЯ О «СВЕТЛОМ ДЕТСТВЕ»

Старуха умерла на кладбище. Дело обычное — старики всегда умирают. Пристроившись между двух осыпавшихся могилок, она в бредовом состоянии копалась в своих лохмотьях, выбирая оттуда наиболее крупных паразитов, и отправляла их в рот, старательно при этом облизывая свои губы. Но место, чтобы спокойно умереть, она выбрала себе совсем не подходящее. В этот кладбищенский угол у заброшенной кузницы взрослые обычно не заглядывали: старые обвалившиеся могилы, ни одной ограды, мало крестов и совсем нет памятников — покойников здесь хоронили бедных. Зато этот участок по своему безлюдью пришелся по душе ребятам из деревни Лялино и из железнодорожных казарм. Они собирались здесь чуть ли не каждый день: играли, дрались, делились новостями, а порой и выясняли свои отношения. Заросшие бурьяном и крапивой могилы не пугали их. Тут можно было подкрепиться свежим щавелем, а к концу лета поспевали груши.

Серезин дедушка есть эти груши не разрешал, так как они, дескать, напились соком покойников. Но соблазн был велик, и все ребята их уплетали в большом количестве. Мелкие зеленые можно было

проявлять на чердаке под раскаленной на солнце крышей, и тогда они становились вкусными. А сознание, что они были дармовые, делало их еще более сладкими.

И надо же было старухе притащиться умирать прямо сюда! Ребята со всевозможной предосторожностью подходили к ней. Она выглядела очень худой, грязной и лохматой. Лет ей, однако, было не более тридцати. Но для Сережки, которому было самому пять лет, все взрослые, будь им тридцать, сорок или пятьдесят, казались стариками. Белобрысая Нюрка — заводила их компании — решительно шла впереди всех остальных. Подойдя к сидящей между могил старухе, она доверительно ее спросила: «Теть, а теть, ты что, захворала?» Сережка не расслышал, что старуха ответила Нюрке. Да и дальнейший их разговор до него доходил не полностью. Двоюродная сестра Кирка держала его за руку, на достаточно безопасном расстоянии, чтобы в случае чего легче было убежать. Вдруг Нюрка сорвалась с места, побежала в поселок и вскоре вернулась с коркой хлеба и половиной стакана какой-то бурды. Присев на корточки, она все это отдала старухе и довольно ей заулыбалась. Ребята тоже все расположились вокруг гостыи.

Скорее из пояснений друзей, чем со слов старухи Сережка понял, что она не местная, а пришла сюда с какого-то Дона. А дальше было совсем непонятно: с одной стороны, выходило, что Дон был несметно богат, а с другой — что там повальный голод, да не такой, как у нас, а такой, что люди мрут как мухи. Вернее, мухи живут, а люди умирают. Урожай был очень богатый, но власти, шаря с обысками по дворам у казаков, весь хлеб отбирали, искусственно создавая голод. Поставили кругом армейские заслоны, чтобы, упаси Бог, никто не смог бы выйти из станицы. Мол, подышайте все на месте, и весь сказ. Так решено было уничтожить все казачество, а на Дону создать колхозы из привезенных для этой цели людей. Лезли голодные люди на пулеметы, но их всех расстреляла Красная армия. А называли они все это «перестройкой» и еще каким-то не нашим словом, «коллективизацией» что ли.

Сережка ничего не понимал, хоть и старался вникнуть. Он ясно видел, как старуха жадно вцепилась в корку. Бурда в банке его не интересовала, мало ли что там может быть, пусть уж она пьет все это. Но корка была настоящей: не деревенский хлеб с мякиной и листьями. Корка была явно из городской пекарни, от хлеба, который иногда выдавали на станции по карточкам. Не всем, конечно, а кому положено. Вот дедушка — его называют «лишенцем», а это значит — карточка на хлеб ему не положена. Хочешь живи, а не хочешь — умирай, советской власти на него наплевать: старый он, а она хлеб дает только тем, кто на нее работает, и не досыта (а то могут с дедушкой поделиться). Чувство горькой обиды от такой несправедливости захлестнуло Сережку. Какая

все-таки эта Нюрка! Взяла и отдала корку старухе! Конечно, корка ее и она могла с ней делать все, что ей угодно. Понятно, что эту корку она не отдала бы Сережке: она вон какая, а его, мелкоту, она и не замечает, как муравья. Но она могла бы отдать ее своей подруге Наташке. А не Наташке, так Кирке, его сестренке, а та уж обязательно дала бы и ему. Да мало ли как можно было поступить с этой коркой! Старуха, однако, уже покончила с хлебом и выпила всю муть, в которой кроме лебеды и крапивы ничего не оказалось. Самая большая в этой компании, Липка (Олимпиада), определила сразу: а похлебка-то пустая, без круп. Обед закончился. Ну вот, малость и заморила червячка, слава Богу, подбодрила Нюрка старуху. Но та, похоже, впала в забытие и уже никак не реагировала на окружающих.

Компания начала расходиться. Кирка потащила Сережку домой, а он так и не понял, как это старуха могла «заморить червячка». Он видел, как она ела корку, а червячка не видел. И зачем она его заморила? И вообще, как можно его заморить? Кирка не стала отвечать на все эти вопросы, она с ним не церемонилась, но всегда кошкой кидалась защищать его от любой опасности и беды. А может, сама не знала, как можно «заморить червячка». Остаток дня хлебная корка величиной с ладошку не выходила у него из головы. А вечером они хлебали тюрю. Весь день они, изводимые голодом, знали, что в доме нет ничего съестного. И с замиранием сердца всегда ждали вечера. И каждый раз неизвестно откуда бабушка ухитрялась что-нибудь достать и накормить голодных со вчерашнего вечера ребят. Бабушка, по всей видимости, была волшебницей. Неспроста дедушка, поглядывая на орудовавших ложкой голодных детей, говорил с доброй улыбкой: «Хорошо тем, у кого бабушка ворочит». Наевшись тюри, Сережка почувствовал приятную теплоту в желудке, заменившую собой сытость. Засыпая, он простил бесцеремонность Кирки по отношению к себе, глупость Нюрки, умершую уже старуху и всех ее далеких палачей из ОГПУ и ВКП(б), которые голодом морили детей и старух. Его прощать учила бабушка. И он простил всех, кто его когда-нибудь обижал, и заснул крепким сном уставшего за день ребенка. Так им был прожит еще один день. А бабушка всегда говорила так: «Будет день — будет и пища. Бог дает ее нам».

Одним днем жили тогда многие русские люди. А в школе заставляли голодных детей скандировать хором: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство». В следующем голодоморе 1947 года заставляли детей возносить хвалу, чуть изменив текст: «Спасибо великому Сталину за наше счастливое детство». Так жили дети в это голодное время с переполненными «счастьем» душами. Все голодоморы в советское время были созданы искусственным путем, а все их жертвы на совести коммунистов, осуществлявших в стране массовый геноцид.

6. ВОСПОМИНАНИЯ ПОПАВШИХ ПОД КОЛЕСО КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Отгремела гражданская война. Россия вся лежала в разрухе. Коммунисты еще в ярах и балках достреливали белых казаков. А где-то в 1923 году ехал мимо Усть-Белокалитвенской сам председатель реввоенсовета Л.Д. Троцкий. Страсть как он любил разъезжать в бронепоездах. Проезжающий высокий гость пожелал осмотреть те места, где когда-то шли тяжелые бои и многие казачьи хутора были стерты с лица земли.

В то время был еще хутор Дубовой, где Троцкий и повелел основать коммуну для поправки продовольственных дел. Окончательно решили ее устроить на южной окраине хутора. Называлась она «кочеванью» и жили там сплошь староверы до советской власти. Все как один трудовые и зажиточные казаки. Коммунисты выгнали из домов всех баб-казачек, старух да детишек. Вселили же в их дома коммунаров. Свезли им со всех соседних хуторов зерно, продукты, одежду, скот, птицу, сеялки-веялки. Особенно сильно пограбили для них сам хутор Дубовой, где уже не осталось не только работоспособных казаков, но даже и стариков.

Староверки-казачки жили одни с ребятней, ведь казаки все или погибли в гражданскую, или ушли с белой армией за границу. Казачки молились Богу за своих казаков, за здравие и за упокой. Жили они сообща, во всем по-божески помогая друг другу. Совместно растили детей и урожай, занимались хозяйством. Все вместе обрабатывали землю и трудились на ней в поте лица, а потому не знали нужды и по-прежнему жили богато. Конечно, не так, как при царе-батюшке да при своих казаках, но лучше многих, потому что трудились. Спустя годы, в коллективизацию, когда всех собирали в кучу, их, наоборот, растаскивали по чужим домам и куреням, отнимая у них все нажитое.

Но вернемся к коммуне Троцкого. Кого там только не было: люмпены, ярыги, голодранцы, лодыри, пьяницы — вся шпана коммунистическая. Здесь не было лишь того, кто хотя бы раз держался за плуг. Они научились в гражданскую жить грабежом, а не работать. Работать вся эта «братва» не хотела категорически. Через полгода от этой коммуны ничего не осталось — коммунары пропили все семенное зерно, пожрали весь скот и птицу. Поля остались незасеянные. Некому стало у них, как они выражались, «сажать урожай». Снова пошли грабить, а спустя некоторое время вся эта шпана разбежалась в разные стороны.

«Девяностолетнего старика, младшего брата моей прабабушки, они грабили несколько раз», — рассказывает один из попавших под «колесо коллективизации».

«Сначала отняли у него все, что было, и пропили, а потом сожгли у него дом. Старик стал жить в оставшейся от дома лестнице. Но грабители не унимались и отнимали у деда все вновь нажитое. Тогда старик ушел жить к казачкам-староверкам, которых те побаивались. И казачки ухаживали за дедом до конца его жизни».

Большая часть разбежавшихся коммунаров подалась на сторону, а другая — в советское руководство, в комсомол. И очень кстати они понадобились советской власти. Пришло время сталинской коллективизации. Все они стали заниматься привычным для себя делом — грабежом трудящихся хлеборобов.

«За время нэпа мы нажили кое-что: две пары быков, четыре лошади, несколько коров и телят, овец, свиней, коз, птицы разной без счета. Но случилась новая напасть, не лучше, чем во времена «военного коммунизма». Вскоре пришли и к нам. Впереди всех был Пантюшка Бярский, бывший коммунар, а теперь председатель комбеда. В чужих галифе и добротном офицерском френче, а поверху опять же в чужом дубленом полушубке и в хромовых сапогах со скрипом. Рядом был брат его Гришка по прозвищу «каторжник», тоже бывший коммунар, и тоже во всем чужом. С ними пришли бывшие коммунары, еще не успевшие приодеться и потому сплошь в рванье. Тряпку красную на палке принесли. Все как один пьяные, так как тогда еще на трезвую голову средь бела дня стыдились грабить. Бабенки их блудные косынками красными покрылись — пролетарки, значит. А сзади всего этого кагала подвода двуконная, награбленное чтобы увозить. С дюжину этих борцов за чужое добро сорвали ворота, а кобеля нашего пристрелили. Ну, словом, бесы. Как у Пушкина: «мчатся бесы, вьются бесы». Пантюшка вынул мятую бумажку и, спотыкаясь на каждом слове, зачитал, что, мол, «именем трудового народа» комбед постановил нас раскулачить. Это они-то трудовой народ? Начался обыск — так это они называли. Первым делом все к сундукам кинулись, отталкивая друг друга. А Гришка-«каторжник» сразу же со стены отцовские часы карманные схватил и в свой карман сунул. Мигом все, что только ценного в доме было, похватили и растащили между собой. А Пантюшка стал их матом крыть, потому что на подводу ничего не осталось — «все, сволочи, по себе растащили».

Нам бы, на все это глядячи, плакать надо, а мы все расхохотались: пришли из себя народ изобразить, а получился опять грабеж. Уже потом узнали, что они часть награбленного оставляют себе, а часть идет «наверх» начальству, другая часть — на самогон, а что

похуже всучивают силой людям и делают соучастниками разбоя. Люди же потом возвращали владельцам.

У нас они разбили большое старинное зеркало. Это у них привычка еще с гражданской войны осталась, так как в зеркале все отражалось, что они творили, и они себя чувствовали стесненно. Разграбив дом, выводят нас всех во двор, чтобы отправить на станцию. Да вдруг увидели, что у ребенка на ногах валеночки хорошие, — сразу сняли. И шубку с него стащили, которую мама в прошлом году перешила ему со старого отцовского полушубка. Бегать по двору стали, кур да гусей ловить, а те гогочут. Свинью тащат, а та верещит что есть мочи. Мы стоим и молча смотрим. Знаем, если слово скажешь — пристрелят, а потом скажут, что «оказали сопротивление советской власти в лице трудового народа».

За пару часов успели растащить все подчистую, как саранча. Стали доски отдирать с амбара, а двери успели унести еще раньше. В это время приезжают двое верховых на вороных конях, оба в кожаных пальто и с пистолетами «маузер» в деревянных коробках через плечо. Оба станичные уполномоченные ОГПУ. Поманили к себе пальцем нашего председателя комбеда, то есть Пантюшку. Подбежал Пантюшка к ним на полусогнутых. Был бы у него собачий хвост, так завилял бы, кажется, им перед ними. Те останавливают разгром и говорят Пантюшке: «Здесь теперь будут жить ихние батраки, что гнули свою спину на них». А у нас отродясь никогда не было батраков, так как мы сами умели работать и не нуждались в этом. Когда нас разводить стали, отец каждого из нас перекрестил, попрощался и расцеловал, шепнув на ухо, где будет в случае, если Бог даст уцелеть. Так, разграбив, всю нашу семью развезли в разные стороны.

Из семьи нашей только я и остался. Остальные умерли от голода и холода в разных краях России. Уже после войны, вернувшись с фронта, встретил я на базаре в станице Вешенской одного из тех уполномоченных ОГПУ, что приезжали к нам на хутор в тот день. Опустился гад, небритый, весь в рванье, испытый. Видно, проштрафился там в чем-то и скинули его. Подошел я к нему, спросил: «Как живешь?» А он от меня рожу воротит и говорить не хочет. Не узнал, конечно, но понял, что нет у него на свете человека, который был бы рад ему при встрече. Видно, не нашел он себя в светлом будущем, в которое шел по головам других».

Писал о подобном в свое время и тамбовский писатель Николай Евгеньевич Вирта, который жил в селе Большая Лазовка, что на

Тамбовщине. Это большое и очень богатое село до революции делилось на три части. Был в нем так называемый «Дурачий угол», из которого потом много вышло представителей местной советской власти и руководящих работников мелкого масштаба. А тогда в нем в основном обитали пьяницы, рвань и голытьба. Они не работали, а свои наделы земли сдавали в аренду трудовым крестьянам своего села. За это и получали часть урожая. Обитатели «Дурачьего угла» во время гражданской войны и крестьянского восстания воевали на стороне советской власти. А в период сталинской коллективизации раскулачивали своих бывших кормильцев, называя их «эксплуататорами трудового народа». Вот так! Некоторым из них на время «повезло», и они оказались на постах председателей колхозов и парторгов. Они пропивали колхозы, предварительно разорив их. Люди под их руководством стали есть лебеду и крапиву, работая при этом на лучшем в мире черноземе.

Село Большая Лазовка, откуда происходил писатель Николай Вирта, делилось еще на две части помимо «Дурачьего угла». На «Нахаловку» и «Большой порядок». В «Нахаловке» жили те, у кого была своя собственная земля, то есть их наследственная. Плюс к этому они еще арендовали у дармоедов с «Дурачьего угла». Конечно, у этих трудовых крестьян сундуки ломились на зависть обитателям «Дурачьего угла». В конюшнях и коровниках у них стояли сытые коровы и кони, а под навесами во дворах были веялки и молотилки. В «Большом порядке» жили довольно богатые люди, но которых кулаками назвать было нельзя. Они никогда в своей жизни не знали, что такое бедность, и были хорошими хозяевами. Но были и редкие исключения, конечно. После установления в селе советской власти село переменялось до неузнаваемости. «Дурачий угол» стал задавать в нем тон. Его обитатели полезли в комбеды, сельсоветы, партийные ячейки, комсомол и в другие органы новой власти, посредством которых осуществлялось истребление тамбовского крестьянства. В это время была закрыта церковь, а священник расстрелян за то, что некогда крестьяне избирали его в Государственную Думу и в Учредительное собрание.

Большую часть трудового крестьянства села уничтожили во время крестьянской войны и зачисток ГПУ. Другой же его части удалось просуществовать до нэпа, а затем после «военного коммунизма» принимать участие в ликвидации голода. Но с объявлением коллективизации у этих крестьян было все отнято и они были высланы на спецпоселения в северные районы страны и в Соловки.

А дореволюционное село Старая Лозовка, которое в романе Н.Е. Вирты названо «Дворицами», славилось своими фруктовыми садами и по весне буквально утопало в их цвету. Повсюду в садах Большой

Лазовки поспевали фрукты — анисы, бабушкина груша, антоновка, грушовка, груша бессемянка, белый налив, боровинка, бергамот, а также вишня, слива и малина. Было много и других сортов, выведенных местными селекционерами. После коллективизации новая власть в лице обитателей «Дурачьего угла» все сады пустила под топор. Осталось только благоухающее сиренью сельское кладбище, на котором упокоилось много поколений сельчан...

Учитель П.М. Андрюнкин в казачьей газете «Станица» рассказал о коллективизации на Дону:

«...Объявили, что в Новодеревянковской зреет контрреволюция, занесли станицу на «черную доску». Был поднят Ейский полк: оцепили всю станицу — ни въехать, ни выехать. Зерно из станицы вывезли все подчистую — прямо в поле, на ток, и пшеницу и кукурузу. Оно потом все так в кучах и погисло на земле. По дворам ходили солдаты, всех сгоняли на работу — зимой, прямо в чем попало, не разрешали одеваться. А специальная комиссия из актива ходила по дворам, отбирала все съестные запасы — гарбузы, буряки, даже пшеничку из стаканчика, куда свечку ставили, выливали и масло из лампадок перед иконами. Варенья, соленья выносили во двор, разбивали и разливали — там все и замерзало. Отбирали даже узелки с горохом и фасолью, что были отложены на весеннюю посадку. И, не дай Бог, найдут у кого старые фотографии с казаками — сразу же забирали того человека. <...> Люди мерли как мухи. Команда ходила, собирала трупы — кого в рядюжке, кого так свозили в яму, засыпали землей. А кто своих прямо во дворах хоронил. <...> Около двадцати тысяч было в станице. Осталось в живых — меньше восьми. Контрреволюцию же так и не нашли...»⁶¹.

В этой же газете пишет другой свидетель событий А. Дейневич:

«На «черную доску» заносились станицы, которые не справились в 1932 году с планом хлебосдачи. В них изымалось полностью не только все зерно, но и съестные припасы, из магазинов вывозились все товары — они закрывались, запрещалась всякая торговля. Окруженные войсками станицы и хутора превращались в резервации, откуда был единственный выход — на кладбище. <...> В станицах были съедены все собаки и кошки, порой пропадали дети — были случаи людоедства. <...> Как свидетельствует советский историк Н.Я. Эйдельман, «когда по всей Кубани опухших от голода людей сгоняли в многотысячные эшелоны для отправки в северные лагеря, во многих пунктах той же Кубани на государственных

⁶¹ Андрюнкин П.М. Люди мерли как мухи... // Станица. 2001. № 1. С. 29.

элеваторах в буквальном смысле слова гнили сотни тысяч пудов хлеба...». <...> Уничтожая людей, злодеи пытались уничтожить саму память о них: места братских захоронений (ямы, глиняные карьеры) никак не обозначались, а людей, которые пытались вести учет жертв, — расстреливали как злейших врагов народа. Книги записей рождений и смертей уничтожались»⁶².

Репрессии против казачества усилились в начале 30-х годов. Естественно, реакцией казаков был отпор насилию и произволу. Так, в конце ноября 1932 года восстала станица Тихорецкая на Кубани. Две недели безоружные казаки отражали атаки регулярных частей РККА, против казаков коммунисты применяли артиллерию и авиацию (так «добровольно» они заставляли вступать в колхозы). К началу 30-х годов относятся также и выступления в станицах Ставропольской, Троицкой, Успенской, Ново-Маевской, а также в селе Николина Балка. Подавление сопротивления казаков сопровождалось, как обычно, массовыми расстрелами и уничтожением станиц. Еще в самом начале коллективизации огромная станица Полтавская единодушно отказалась вступать в колхоз. Она была окружена Красной армией и полностью разрушена артиллерией, а место, где она находилась, было распахано. Расстреливались все казаки и священники, коммунисты рушили и оскверняли храмы, приучая народ к страху. Так, в Ростове-на-Дону в кафедральном соборе коммунисты устроили зверинец, а в городе Новочеркасске в казачьем войсковом храме — конюшню. Прах захороненных там войсковых атаманов был выкинут и осквернен (кстати, немцы этого не делали). Памятник Ермаку — покорителю Сибири пытались свалить тросами при помощи трактора, но Ермак выстоял и стоит поныне на своем месте, протягивая России корону Сибирского ханства.

После 20-х годов XX века, в истории казачества также были черными и 30-е годы — годы коллективизации. Сталин, верный заветам предшественников, решил уничтожить все российское казачество под корень. В основном репрессии были направлены против его интеллектуальной части, очень мешавшей мошенникам дурить простой народ, поэтому и подлежащей уничтожению. Чтобы окончательно уничтожить казачество, Сталин командует в Ростов Л.М. Кагановича, А.И. Микояна, Г.Г. Ягоду, Я.Б. Гамарника, А.В. Косарева и других. На бюро Крайкома 2 декабря 1932 года ими был составлен годовой план «заготовок» — все так же, как в Тамбовской губернии во время гражданской войны. Невозможность его выполнения была преднамеренной. Каганович с Микояном выехали в казачьи станицы, где ими были отданы

⁶² Дейневич А. Преступлениям нет прощенья!.. // Станица. 2001. № 1. С. 29.

распоряжения органам ОГПУ и партаппарату истреблять казачество. В подвалах ОГПУ Армавира, Краснодара, Майкопа, Ростова и других городов днем и ночью шли расстрелы. Было принято решение очистить от казаков места их проживания. 16 декабря 1932 года было решено выселить всех жителей станицы Полтавская. Эшелоны ссылаемых на Север, Урал, в Сибирь сопровождался усиленным конвоем войск ОГПУ, также использовались регулярные войска РККА и авиация. В лютую стужу из Полтавской были выгнаны силой оружия 25 000 раздетых и разутых детей и женщин с младенцами и запихнуты в холодные вагоны. Вслед за станицей Полтавская разделили ее участь и станицы Медведьевская, Уманская, Урупская и другие.

Особенно органами ОГПУ уничтожались люди с развитым интеллектом, правильно понимающие, что происходит в оккупированной коммунистами стране. Что до коллективизации, то она везде проходила по-разному, но всюду — принудительно. От голода умирали миллионы людей. Коммунисты себе ни в чем не отказывали, живя в сытости, а по всем городам России несколько раз в день специальные команды убирали с улиц трупы умерших от голода людей. В 1937 году, во время так называемого «большого террора» мировой общественности отводили глаза перелетами Валерия Чкалова через Северный полюс в Америку и «Челюскинской эпопеей», а органы НКВД в это время уничтожали российский народ.

Вернемся к тому времени и дадим слово жертвам коллективизации. А. Валеев — президент ассоциации жертв политрепрессий Татарстана рассказывает:

«1 июня 1997 года в урочище Сандормах на девятнадцатом километре автодороги Медвежьегорск — Повенец было обнаружено 236 братских могил. По имеющимся данным, здесь было расстреляно три тысячи жителей Карелии (установлено документально). Это были карельские крестьяне, рыбаки и охотники, а также строители-заключенные Беломоро-Балтийского канала имени Сталина (также около трех тысяч человек), итого почти что шесть тысяч. У многих народов России здесь есть кого оплакать. В этих тайных могилах покоятся православные епископы: Алексей (Воронежский), Дамиан (Курский), Николай (Тамбовский), Петр (Самарский) и многие другие священнослужители различных вероисповеданий».

Одним из эпизодов был поиск захоронения большой группы заключенных Соловецкого лагеря. Архивные материалы ФСБ указывали, что следы Соловецкого этапа ведут в город Кемь на берегу Белого моря. В июне 1996 года, когда Управление ФСБ по Карелии предоставило

поисковикам возможность ознакомиться с архивными документами НКВД, удалось установить, что 1111 человек Соловецкого этапа из Кеми были доставлены в город Медвежьегорск и помещены в местную тюрьму Беломорбалтлага, а оттуда узников увезли к месту их расстрела. От такого «ударного труда» у чекистов не выдерживали ружья — стволы плавились. Кто же был среди расстрелянных? В основном крестьяне и рабочие, представители интеллигенции, среди которых были режиссер Лесь Курбас, бывшие украинские министры А. Кришельницкий и М. Полоз, литературовед Н.Н. Дурново, основатель удмуртской литературы Казебай Герд, группа общественных деятелей Татарии, создатель метеослужбы А.Ф. Вангеншейм, а также граждане Польши, Германии и других зарубежных стран.

До сего дня еще живы те, кто были в то время стукачами, следователями, конвоирами, исполнителями-палачами. Те, кто закапывал и прятал трупы расстрелянных. И никто из них не сошел с ума от мук совести. И, конечно, не выступил со словами покаяния — таких нет. Помню, как сотрудник ФСБ меня предупреждал о том, что я не имею права называть имена палачей, которые пытали и убили моего деда, — их родственники об этом не должны знать.

Продолжают вспоминать те, по кому прокатилось сталинское колесо коллективизации. Рассказывает А. Мамукова:

«Репрессировали нас во время коллективизации в марте 1930 года. Отец мой Петр Ильич Мамуков был в крестьянской семье двенадцатым ребенком. Таких многодетных семей в России было большинство. Мама моя, Евдокия Григорьевна, была неграмотная, но умная женщина. Так как отец был последним ребенком, то жили они вместе с родителями отца. Жили дружно: сеяли хлеб, разводили скотину и птицу, занимались пчеловодством и растили детей. В 1928 году дед мой поехал договариваться с плотниками о строительстве нового дома. Было половодье и дом сорвало. Дедушка вместе с другими крестьянами поправлял его и повредил себе позвоночник. Умер он в 1928 году, чуть не дожив до самого страшного, что потом довелось пережить нашей семье и другим односельчанам. Царство ему Небесное, все говорят: хороший был человек, уберег его Господь от этого. У меня была сестра Лиза 1925 года рождения и брат Александр 1928 года, а в марте 1930 началась коллективизация. Наши родители, естественно, в колхоз не пошли, за это и были раскулачены. У нас забрали двух рабочих лошадей, двух дойных коров, семь овец, а также тридцать свиней и 29 десятин хорошей пахотной земли. Семью из села выслали в Сибирь. Среди тайги, около Саянских гор, стояли три барака для спецпоселенцев, в

которых по обе стороны были сплошные нары в два яруса. Мужчины работали на лесоповале. Так мы прожили пять месяцев. Маме подошел срок рожать. Отец добился в спецкомендатуре разрешения, и нас всех перевели в таежное село Инга. А в конце 1930 года родилась на свет моя сестренка Аннушка. Еще через месяц отца арестовали и увезли. Шесть лет мы не имели от него никаких вестей. Остались мы, четверо детей (от грудничка до восьмилетнего), с больной мамой, без отца-кормильца и всяких средств к существованию. Я пошла просить подавание, чтобы как-нибудь поддержать свою погибающую семью. А чуть позже нянчила чужих детей. Так прошло шесть ужасных лет. Из мест заключения наконец-то отпустили нашего отца. Все это время он строил Беломоро-Балтийский канал. От непосильной работы и плохого питания он стал инвалидом. Однако умер он только в 1974 году: очень крепкой крестьянской породы был человек. Все мы выжили только Божьей милостью в эту страшную сталинскую эпоху».

Цепь этих скорбных повествований продолжает В. Аникович. Ее письмо начинается с крика души:

«За что?! Мои папа и мама, Шульц Леонид Андреевич и Мария Максимовна, проживали в своей небольшой усадьбе на самом краю леса. Эту усадьбу все любовно называли «Крольки». Двор был добротный: держали скот, пахали землю и собирали довольно неплохие урожаи. С работой всегда справлялись сами, никогда не пользовались услугами наемников. По воспоминаниям знавших их людей, это были честные трудолюбивые люди, которых все уважали. Рядом жили родители мамы — Шаров Максим Максимович и Ефросиния Антоновна. В 1930 году, точную дату я уже не помню, всех раскулачили. Все постройки и имущество конфисковали, а самих под конвоем, как преступников, посадили в товарные вагоны на станции Лизно и вывезли на Урал. Поселили в бараках и работать заставили на лесоповале. От холода, голода и непосильной работы первой умерла моя старшая сестра Надя, затем от истощения дедушка Максим Максимович. А перед самой войной родителям вдруг неожиданно разрешили вернуться в родные места. Но возвращаться нам было практически некуда: дома уже не было. наших родителей и нас всякие пьяницы и бездельники обзывали «врагами народа», «кулаками» и травили, на работу нас никуда не брали. Мама от нечеловеческих мук, от незаслуженных оскорблений тяжело заболела и вскоре умерла. А с началом войны отца взяли в армию защищать коммунистов. Он ушел на фронт, где и погиб. Так мои честные и ни в чем не повинные родители ушли из этой жизни

один за другим. Заклеймили их коммунисты и оболгали. А вина их была только в том, что они хорошо и честно работали. Мы же чудом остались живы. Хотим знать: за что коммунисты убили наших родителей? В чем конкретно их вина?»

О судьбе дочери хуторского атамана Свинаярева — Марии Петровне Свинаяревой — рассказывает В. Карпов:

«Тяжелые тучи клубились над семьей Свинаяревых. Где-то в 1929 году был отправлен на Соловки ее старший брат Николай — рядовой казак, вернувшийся из эмиграции несколько лет назад. Чуть позже посадили в Шахтинское ОГПУ предпоследнего, Илью, — несмотря на то, что в 1920 году он служил командиром эскадрона у красных. Известные в станице врачи заступились за него и вырвали из шахтинских застенков. На следующий день, взяв жену и дочь, уехал брат с одним чемоданчиком в Азербайджан. Не обошла черная судьба и третьего брата, Льва, к тому времени партийного. Ему пришлось тоже уехать на Кавказ. <...>

В коллективизацию забрали ее мать и посадили в «выход». Так назывался у казаков вырытый в земле подвал. Три дня и две ночи отсидела пожилая безграмотная вдова, но в колхоз идти отказалась. Пьяные активисты стреляли в погреб из нагана, женщина прижималась в безопасный угол и творила молитвы. Палку коллективизации в хуторах перегибали так сильно, что в это дело вынужден был вмешаться известный пролетарский поэт Демьян Бедный.

Свинаярепый голод 1921 года мама не помнит. По хутору тогда шастали продотрядовцы, выгребали все подчистую. Зимой по хуторам разразилось людоедство. Голод пережили благодаря отцу, который перед приходом оккупантов закопал зерно и другие продукты»⁶³.

Из города Курска написал А. Ошеров:

«В нашей области было 120 000 «раскулаченных» и высланных на спецпоселение семей, а 2 000 человек из них было расстреляно. В любой стране мира, как и в старой России, хороших производителей только уважали бы, но коммунисты боялись править сытой страной. Легче управлять голодными, готовыми за кусок хлеба выполнить любое приказание. В коммунистической России не нужны были крестьяне-производители».

Далее А. Ошеров продолжает: «...из числа репрессированных крестьян Курской области 16 000 попали в ГУЛАГ по 58-й статье.

⁶³ Карпов В. Жизнь казачки // Станица. 1993. № 4. С. 6.

Все остальные на спецпоселения. Сегодня из всех тогда раскулаченных семей в живых осталось только 50 человек (данные на 1996 год)»⁶⁴.

Казак М.А. Таратухин пишет:

«В 1911 году моя мать вышла замуж за моего отца, у деда был собственный табун лошадей, конная молотилка, шестнадцать дойных коров, шесть пар рабочих волов. Дед был глава семьи. Дед не считался богатым, были казаки богаче деда, были и беднее — вернее, имели меньше хозяйства. Как дедовское хозяйство, так и хозяйства других казаков были разрушены революцией. Однако во время нэпа хозяйства казаков поправились, хотя и не достигли дореволюционного уровня. Например, Коноваловы, кроме необходимого количества волов и лошадей, имели собственный отгон скота; Шевляковы — две тысячи мериносовых овец; Ревтовы — табун лошадей; Коврешкины — восемь пар рабочих волов; Лазырины — двадцать дойных коров; нет необходимости перечислять всех, я указал лишь только к примеру.

В 1930 году зажиточные семьи были высланы за Урал и село Дивное. Их хозяйства передали колхозам. Собственности не стало. Людей закрепили за колхозами и заставили работать на государство. Порыва к работе, такого, как был у собственников, не стало. Чужое хозяйство никому не нужно. Уже никто не выезжал с третьими петухами на работу. <...>

Родился я в ноябре 1912 года в коренной казачьей семье Кубанского казачьего войска. По окончании двух классов (училище 5 классов) учился в соседней станице Рождественской в высше-начальном. Вскоре спокойная жизнь закончилась. Нагрянула коллективизация. Было организовано вооруженное сопротивление. В марте 1930 года я ушел в повстанческий отряд. В июле 1931 года я был взят живым краснодарским ОГПУ. После двух месяцев подвала ОГПУ и одиннадцати месяцев двадцати дней одиночной камеры мне было объявлено, что я осужден спецколлегией ОГПУ к десяти годам концлагерей. По освобождении в 1939 году не имел права жить ближе ста одного километра от Москвы и Ленинграда и ни в одном областном городе Советского Союза. Также не позволено было жить ни в одной столице республики. Я остался жить в Сегеже на Мурманской дороге. В начале войны все бывшие заключенные отправлялись за Урал. Доехав до Вологды, я изменил свой

⁶⁴ Письмо А. Ошсрова в адрес президента Международной федерации и Общероссийской ассоциации жертв политических репрессий Н.В. Нумерова. Архив автора.

путь. Уехал на Северный Кавказ в село Дивное, куда в 1930 году была выслана вся наша семья. Работал учетчиком в полеводческой бригаде. При наступлении красных эвакуировался — по инвалидности находился среди стариков и женщин. По окончании войны уехал в Англию, где живу до сих пор»⁶⁵.

О судьбе других детей нам рассказала Екатерина Кузнецова из города Караганда в Казахстане. В бывшем совхозе «Карагандинский», расположенном на территории бывшего Карлага, сохранилось заброшенное детское кладбище. Кто-то по своей личной инициативе, своей совестливой рукой огородил его. Говорят, что это какой-то приезжий предприниматель из России, посетивший эти места и узнавший об этом страшном месте, построил ограду. А до этого здесь пасся скот и ездили машины. Местами там стоят, спаянные из уголков и металлических прутьев, покосившиеся кресты, когда-то поставленные чьей-то рукой на могилах замученных детей. В эти края свозили спецпоселенцев во время сталинской коллективизации, так называемых раскулаченных казаков и крестьян с Северного Кавказа, Воронежской, Саратовской и Тамбовской областей. По соседству с детским кладбищем располагался детский дом для детей репрессированных крестьян и казаков, умерших от голода и непосильного труда. Оставшиеся одни после гибели родителей, лишившись всех родных, эти дети направлялись сюда со всего Карлага. Чаще всего путь из этого детского дома вел прямо на кладбище. В личных делах детей было записано «т/п», то есть трудовой поселенец. Город Компанейск был построен руками их подневольных родителей, униженных, ограбленных и свезенных сюда эшелонами. Большая часть крестьян оставили свои кости в Карлаге, на место умерших привозили в эшелонах новые жертвы, и их ждала та же участь. Оставшихся сиротами детей помещали в Компанейский детдом под шифром 4203/4204 по направлению управления НКВД Карлага. Сведения об их родителях, как правило, не сообщались, как и не указывалось место, откуда они прибыли. Те немногие, кто остался в живых, смутно помнят, что у них когда-то были другие имена. Кто был постарше, помнят несколько больше: как их зовут, фамилии.

Так, например, Ваня Семенцов попал в детдом 14 сентября 1937 года. Долго не имел о себе никаких сведений. Екатерине Кузнецовой удалось раскопать в архивах НКВД сведения о Ване и его отце — Антоне Васильевиче Семенцове — 1898 года рождения, высланного вместе со своей семьей из Краснодарского края станицы Незамаевской в 1933 году, а в 1937, будучи уже на спецпоселении, он был арестован и 14

⁶⁵ Таратухин М.А. Прошлое для будущего // Станица. 1997. № 2. С. 12.

февраля 1938 года был расстрелян по решению «тройки» НКВД. Ваня Семенцов был внесен в книгу регистрации детского дома под шифром 4203/4204, у него были сестра и мать, но о них не нашлось никаких сведений. Компанейский детдом пополнялся очень интенсивно, особенно в 1937–1938 гг. Помимо расстрелов, в спецпоселениях и так была большая смертность. Многие воспитанники детского дома получили весьма неблагозвучные фамилии: Рябой, Бестолковый, Пацанова, Долинский (был такой спецпоселок и рядом концлагерь, оба носящие это название), Косой, Поносов и т.д. Эти фамилии не значатся в списках спецпоселенцев. Иван Антипович Семенцов, узнав о своих корнях, поехал на Кубань, откуда коммунисты когда-то вывезли его, только что появившегося на свет. Ему повезло: он нашел своих родственников (со стороны отца и матери) и узнал, как зовут мать (сестренка родилась уже на спецпоселении). Он был одним из немногих, кому повезло.

Когда все дети трудпоселенцев вымерли в 40–50-е годы, на детском кладбище стали хоронить детей, умерших в лагере, где они были вместе со своими родителями. Возраст их был от нескольких месяцев до трех лет. У этих детей было отнято детство вместе с жизнью. Екатерина Кузнецова постоянно посещает это детское кладбище. Многие из них, где начали свой жизненный путь, там и кончали.

МЕСТА ЗАХОРОНЕНИЙ И МАССОВЫХ КАЗНЕЙ В ТАМБОВСКОЙ ОБЛАСТИ

1. Тамбов, Советская, 64, здание областного управления МЧС, бывшее здание Тамбовского ГПУ. Останки расстрелянных в подвале. Замурован в 1972 г.

2. Территория Казанского монастыря от ул. М. Горького до ул. Рахманинова. Массовое захоронение 1920–1921 гг.

3. Тамбов, Северная площадь, район учреждения ЯТ-30/1. Первый стационарный концентрационный лагерь. Массовое захоронение 1920–1924 гг.

4. Тамбов, Северная площадь, подвал СИЗО-1. Останки нескольких сотен расстрелянных. Последний раз подвал открывался года 4 назад.

5. Второй полевой концлагерь на правом берегу Цны напротив Казанского монастыря. Массовое захоронение погибших в этом лагере в 1921 г.

6. Филиал второго концлагеря на Кронштадской (Покровской) площади г. Тамбова. Трупы умерших от голода и застреленных «при попытке к бегству» детей, женщин, стариков вывозились на Петропавловское кладбище.

7. Дворец бракосочетания, ул. Интернациональная, бывший дом адвоката Селезнева, где заседала Полномочная комиссия ВЦИК РСФСР. В подвале находилась тюрьма, там же расстреливали приговоренных. Сохранилось несколько списков детей от 13 до 16 лет, расстрелянных по решению этой комиссии. Трупы расстрелянных вывозились еженочно двумя грузовиками на Петропавловское кладбище.

8. С. Пахотный Угол. Массовое захоронение в лесном массиве мирных граждан, отравленных газами.

9. С. Рудовка Пичаевского района. Массовое захоронение в посадках всех зарубленных шашками мужчин и подростков села. 1921 г.

10. С. Ракша Моршанского района. Массовое захоронение у кромки леса.

11. Моршанск. Кладбище. Расстреливали у стены, там же зарывали. Там же есть захоронение, в котором повстанцев зарывали живыми.

12. Моршанск. Правый берег Цны, в районе Троицкого собора. Расстреливались по приказу Крыленко в массовом порядке.

13. Овраги у с. Инжавино. Массовое захоронение расстрелянных в 1921 г.

14. Ахлябиновская Роща в г. Тамбове. Массовое захоронение, начиная с 1918 г.

15. Парк кардиологического санатория в г. Тамбове (ул. Набережная). Массовое захоронение. Там же и расстреливали.

Практически в каждом селе, районе, охваченном крестьянским восстанием, есть массовые захоронения повстанцев, членов их семей, заложников.

Исполнительный секретарь
Тамбовского «Мемориала»
В.П. Середа

ПЕСНЯ ТАМБОВСКИХ ПОВСТАНЦЕВ

Что-то солнышко не светит,
Над головушкой туман —
То ли пуля в сердце метит,
Или близок трибунал.

Припев:

Эх, доля, неволя,
Глухая тюрьма.
Долина, осина,
Могила темна.

Где-то черный ворон вьется,
Где-то совушки кричат.
Не хотелось, а придется
Травку кровью орошать.
Поведут нас всех под стражей,
Коммунист взведет курок,
И на тропке на овражьей
Укокошат под шумок.
Поведут нас всех огулом —
Коммунист: «По груди — пли!»
Чур не ползать перед дулом,
Не лизать ног у земли.

КРАТКИЕ БИОГРАФИИ

Аверьянов П.Е. (?–1921). Поручик Русской армии. Участник I мировой войны и Белого движения на Юге России. Командир Семеновского полка Объединенной партизанской армии Тамбовского края. С марта 1921 г. — начальник главного штаба армии при Главнокомандующем И.М. Кузнецове. Погиб в июле 1921 г.

Агапкин Василий Иванович (1884–1964). Автор марша «Прощание славянки» (Тамбов, 1912). Штаб-трубач 7-го драгунского Тамбовского полка. Полковник. Служил в Советской армии, 7 ноября 1941 г.

дирижировал оркестром на Красной площади во время парада. Марш, сочиненный Агапкиным, — гимн Тамбова.

Антонов (Герман) Михаил Давыдович (1893–1944). Из мещан. Окончил четырехклассное городское училище, по профессии типографский рабочий. Участник I мировой войны. В 1917 г. возглавлял отряд Красной армии в Белоруссии. Член РСДРП(б) с 1917 г. В 1918–1921 гг. — на работе в органах ЧК в Петрограде и Смоленске, в особых отделах Красной армии на Южном и Западном фронтах. В 1921 г. — председатель Тамбовского губернского ЧК и ГПУ. Член тамбовского губисполкома и губкома РКП(б).

Антонов Александр Степанович (1889–1919). Анархист. Работник ЧК, участник подавления Тамбовского восстания. С 1905 г. — анархист. Был привлечен к суду жандармским ведомством в 1908 г., осужден на каторгу. До революции — учитель в городе Сызрань. В 1918–1919 гг. — служил в уездном ЧК, убит повстанцами в 1919 г. Похоронен на родине, в селе Ржакса Тамбовской губернии. Могила и памятник сохранились до нашего времени. Часто биография Антонова-анархиста путается и смешивается с биографией активного участника Тамбовского восстания А.С. Антонова.

Антонов Александр Степанович (1888–1922). Участник Тамбовского восстания. Родился в Москве, детство провел в городе Кирсанове Тамбовской губернии, учился в Тамбове, в реальном училище, откуда был исключен за распространение революционной эсеровской литературы. После исключения из реального училища поступил учеником столяра в Тамбовские вагоноремонтные мастерские. В 16 лет вступил в партию социалистов-революционеров, участвовал в экспроприациях во время революции 1905 г. Принимал участие в ограблении почтового вагона, в котором перевозились деньги. Арестован и осужден на 20 лет каторги. Отбывал заключение в Тамбове, Москве и Владимирском центре. Освобожден Временным правительством в 1917 г., вернулся в Тамбов. Первый начальник губернской милиции. В советское время, в 1918 г., остался на своем посту, позднее начальник милиции в Кирсанове, куда был переведен по собственной инициативе в марте 1918 г. После перевода в Кирсанов вышел из партии эсеров, создал партизанскую дружину и выступил против советской власти. Начальник главного оперативного штаба 2-й повстанческой армии Объединенной партизанской армии Тамбовского края. Погиб в неравном бою с чекистами вместе с братом Дмитрием в селе Нижний Шибряй Борисоглебского уезда 24 июня 1922 г.

Антонов Дмитрий Степанович (1893–1922). Участник Тамбовского восстания. Родной брат А.С. Антонова, начальника штаба 2-й

повстанческой армии. Родился в городе Кирсанове Тамбовской губернии в семье кустика (отец имел свою мастерскую). Учился в гимназии. С 1917 г. служил в губернской милиции под началом брата. В 1918 г. примкнул к восставшим против советской власти. Сотрудник штаба 2-й повстанческой армии. Погиб в бою вместе с братом 24 июня 1922 г.

Антонов-Овсенко Владимир Александрович (1883–1939). Участник подавления Тамбовского восстания. Секретарь Петроградского ВРК во время государственного переворота октября 1917 г. В 1917–1919 гг. — один из организаторов Красной армии. В 1921 г. председатель полномочной комиссии ВЦИК РСФСР в Тамбовской губернии. В 1922–1924 гг. — начальник Политуправления РВС СССР. С 1924 г. — полпред в Чехословакии, Литве, Польше. С 1934 г. — прокурор РСФСР. С 1936 г. — генеральный консул в Барселоне. С 1936 г. — нарком юстиции РСФСР. Член ЦИК СССР. Репрессирован, расстрелян в 1939 г.

Беляев Я.Ф. (?–1921). Офицер Русской армии. Участник I мировой войны, Белого движения на Юге России и Тамбовского восстания. Командир Тамбовского партизанского полка 1-й повстанческой армии. Погиб в 1921 г.

Богуславский Александр В. (?–1921). Полковник Русской армии, Георгиевский кавалер. Участник Тамбовского восстания. Родился в семье помещика. В 1918 г. служил в военной комендатуре Тамбова, позднее выехал из города, возможно, скрываясь в связи с участием в июньском антисоветском выступлении. В ноябре 1920 — июне 1921 г. — командующий 1-й повстанческой армией, позднее начальник штаба Объединенной армии Тамбовского края. Погиб в бою летом 1921 г.

Бот Евгения. Коммунистка, член пензенского исполкома. Известна жестоким обращением с крестьянами. Покончила с собой в 1925 г.

Верстовский Александр Николаевич (1799–1862). Русский композитор и театральный деятель. Один из основоположников русской оперы-водевиля. Написал в Тамбове несколько опер. Самые известные из них «Пан Твердовский» и «Аскольдова могила» (1835). Премьеры опер состоялись в Тамбове, в театре Малова и только затем оперы были показаны в Петербурге и Москве, а также за границей.

Вирта (Карельский) Николай Евгеньевич (1906–1976). Писатель. Уроженец села Большая Лазовка Тамбовской губернии. Учился в тамбовском реальном училище. Автор романа «Одиночество» (1935) о крестьянском восстании на Тамбовщине, романа «Вечерний звон» (1951) и других произведений.

Гельберг С.Н. («Красная Соня») (?–1918). Акушерка. Командир летучего отряда Красной гвардии, действовавшего на территории Тамбовской губернии весной 1918 г., в задачу которого входило насаждение

советской власти. Отряд «Красной Сони» отличался жестокостью, его появление сопровождалось многочисленными грабежами населения. Отряд был разбит крестьянами. Сама «Красная Соня» была казнена по приговору нескольких волостей губернии.

Губарев Иван Архипович. Капитан Русской армии. Участник Белого движения на Юге России. Во время Тамбовского восстания начальник главного оперативного штаба 1-й повстанческой армии, позднее командующий 1-й армией.

Дриго-Дригина Анастасия Аполлоновна. Певица, исполнительница русских лирических песен и романсов (жила на Дальнем Востоке). С 1916 г. — в ударном батальоне на фронте I мировой войны. Арестована ЧК в станице Урюпинской, направлена по этапу в Иркутск. Освобождена тамбовскими повстанцами. Во время Тамбовского восстания работала в просветительском отделе партизанских армий, выступала с концертами в полках армии и селах Тамбовщины. Жена Главнокомандующего Объединенной партизанской армии П.М. Токмакова. Взята в плен Красной армией, сидела в 1-м концентрационном лагере Тамбова и тамбовской тюрьме. Дальнейшая судьба неизвестна.

Ишин Иван Егорович (ок. 1888–1921). Один из руководителей левозеровского СТК в Тамбовской губернии. Эсер-максималист. Родился в селе Калугино Кирсановского уезда в семье крестьянина. Окончил земскую начальную школу. Эсер с 1905 г. В 1907–1909 гг. — активист кирсановской эсеровской организации, участник боевых акций, неоднократно арестовывался за революционную деятельность. В 1917 г. — председатель Курдюковского волостного земства Кирсановского уезда. В 1918 г. — председатель и казначей Калугинского общества потребителей, подвергался преследованиям со стороны советской власти. Осенью 1920 г. — летом 1921 г. — член губкома эсеровского СТК. Летом 1921 г. арестован в Москве во время поездки за оружием.

Какурин Николай Евгеньевич (1883–1936). Участник подавления Тамбовского восстания. Из семьи офицера. Окончил академию Генерального штаба (1910). Участник I мировой войны, полковник. С марта 1920 г. — в Красной армии на командных и штабных должностях. В мае–августе 1920 г. — начальник штаба войск Тамбовской губернии, командир сводной кавалерийской группы. В дальнейшем на различных командных должностях и преподавательской работе в Красной армии. Автор ряда работ по истории гражданской войны. Репрессирован в 1936 г.

Каменев Сергей Сергеевич (1881–1936). Окончил академию Генерального штаба (1907), участник I мировой войны, полковник. В Красной армии с 1918 г. В 1919–1924 гг. — Главнокомандующий всеми

Вооруженными силами Советской республики, член РВСР. В 1921 г. одновременно являлся членом комиссии по борьбе с бандитизмом при РВСР. С 1924 г. — начальник штаба РККА, заместитель наркомвоенмора, заместитель РВС СССР, член Военного совета НКО. С 1934 г. — начальник Управления ПВО РККА.

Колесников Иван Сергеевич (?–1921). Из крестьян Воронежской губернии. Участник I мировой войны, вахмистр. Служил и дезертировал из Красной армии. В 1920–1921 гг. командир повстанческого отряда, действовавшего в Воронежской губернии и в Донбассе. С января по июль 1921 г. действовал в рядах тамбовских повстанцев. Командующий Конно-подвижной армией восставших. Погиб в бою летом 1921 г.

Кузнецов Иван Макарович. Капитан Русской армии. Участник I мировой войны, Белого движения на Юге России и Тамбовского восстания. Командир Волче-Карачаевского партизанского полка. После гибели Главнокомандующего Объединенной партизанской армией П.М. Токмакова в марте 1921 г. был выдвинут на пост Главнокомандующего.

Левин Я.А. Сотрудник ВЧК. В 1920 г. направлен в Тамбовскую губернию на должность комиссара 58-го отдельного батальона ВНУС, затем работал в губчека.

Мамантов Константин Константинович (1869–1920). Из дворян Минской губернии, сын офицера, казак станицы Нижне-Чирской Донского войска. Окончил Николаевский кадетский корпус (1888), Николаевское кавалерийское училище (1890). Участник Русско-японской войны. В 1914 г. — полковник и командир 19-го Донского казачьего полка, с которым выступил на фронт I мировой войны. В 1917 г. — командир бригады в 6-й казачьей дивизии. После октябрьского переворота на Дону. Участник Степного похода, комендант отряда. В марте 1918 г. — руководитель восстания во 2-м Донском округе, в апреле 1918 г. — командующий войсками 2-го Донского, Усть-Медведицкого и Хоперского округов, в мае 1918 г. — начальник самостоятельного отряда и группы. С июля 1918 по 23 февраля 1919 г. — командующий войсками Чирского и Цимлянского района, командующий Восточным фронтом. С 23 февраля 1919 по февраль 1920 г. — командир 4-го Донского отдельного корпуса, в ноябре 1919 г. — командир конной группы. Генерал-лейтенант. Умер от тифа 1 февраля 1920 г. в Екатеринодаре.

Матарыкин П.И. Донской казак, хорунжий. Участник Тамбовского восстания. Пробился из отступавших частей белых армий на соединение с повстанцами с отрядом казаков. Начальник штаба Конно-подвижной армии повстанцев.

Мещеряков В.Н. Участник подавления Тамбовского восстания. Секретарь губкома РКП(б) и член губисполкома Тамбовской губернии.

Митрофанович. Штабс-капитан Русской армии. Участник Тамбовского восстания. Командующий 2-й повстанческой армии Объединенной партизанской армии Тамбовского края.

Павлов Александр Васильевич (1880–1937). Участник подавления Тамбовского восстания. Из служащих. Участник I мировой войны, поручик. Командующий войсками Красной армии в Тамбовской губернии до мая 1921 г. Член Полномочной комиссии ВЦИК по борьбе с бандитизмом в Тамбовской губернии. Сдал командование М.Н. Тухачевскому. Позднее — начальник 6-го боеучастка при подавлении восстания.

Подбельский Вадим Николаевич (1887–1920). Родился в Якутии в семье политссыльных. Детство и юность провел в Тамбове, учился в тамбовской мужской гимназии. Исключен за участие в оппозиционном движении учащихся. В 1905–1907 гг. вел революционную пропаганду, социал-демократ, эсер. Отбывал ссылку в Вологодской губернии. В 1910-е гг. жил в Тамбове, редактировал ряд демократических газет, возглавлял местных социал-демократов. В 1914–1917 гг. — большевик, вел партийную работу в Москве. Во время октябрьского переворота — один из руководителей большевиков в Москве. В 1918–1920 гг. — нарком почт и телеграфов РСФСР. В гражданскую войну выполнял поручения ЦК РКП(б) и СНК, в числе которых и поручения по подавлению Тамбовского восстания (в июне 1918 г. и в мае-августе 1919 г. находился в Тамбовской губернии в качестве особоуполномоченного ВЦИК на Тамбовском участке Южного фронта).

Плужников Григорий Наумович (ок. 1887–1921). Эсер-максималист. Один из руководителей левозэсеровского СТК. Родился в семье крестьянина. До 1909 г. жил в селе Каменка, занимался земледелием. В 1909 г. арестован с группой односельчан за участие в аграрном терроре. Отбывал наказание в тамбовской тюрьме и в Олонецкой губернии. Один из организаторов восстания крестьян сел Каменка и Хитрово Тамбовского уезда в августе 1920 г. Осенью 1920 г. — летом 1921 г. — фактический руководитель губкома эсеровского СТК. Летом 1921 г. погиб при невыясненных обстоятельствах.

Рубинштейн. Заместитель начальника Особого отдела Полномочной комиссии ВЦИК по Тамбовской губернии.

Селянский В.Ф. (?–1921?). Вахмистр. Командир Пахотно-Угольского полка Единой партизанской армии Тамбовского края. Предположительно погиб в 1921 г.

Склянский Эфраим Маркович (1892–1925). Член РСДРП(б) с 1913 г. С 1916 г. — в армии. В 1917 г. входил в состав солдатских комитетов. В 1917–1918 гг. — заместитель наркомвоенмора. С октября 1918 г. — заместитель председателя РВС Республики, член Совета обороны. С 1924 г. работал в ВСНХ.

Токмаков Петр Михайлович (?–1921). Поручик Русской армии, офицер военного времени. Руководитель Тамбовского восстания. Происходил из крестьян села Иноковка Тамбовской губернии. Участник I мировой войны. Георгиевский кавалер. Награжден орденом Св. Анны 4-й степени, оружием «За храбрость», четырьмя Георгиевскими медалями, медалью «За усердие» на станиславовской ленте и медалью «В память 300-летия дома Романовых». Командующий 2-й повстанческой армией СТК, позднее Главнокомандующий Объединенной партизанской армии Тамбовского края. Председатель Союза трудового крестьянства. Погиб в 1921 г.

Турунберг. Начальник Особого отдела Полномочной комиссии ВЦИК РСФСР в Тамбовской губернии.

Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937). Из дворян. Участник I мировой войны, поручик. Член РКП(б) с 1918 г. В Красной армии с 1918 г. Командующий армией, фронтом (Кавказским: февраль–апрель 1920 г., Западным: апрель 1920 — март 1921 г.). В марте 1921 г., во время Кронштадтского восстания командовал 7-й армией. В мае–августе 1921 г. — командующий войсками Тамбовской губернии, организатор подавления Тамбовского восстания. С 1931 г. — заместитель наркомвоенмора и председатель РВС СССР. С 1934 г. — заместитель, с 1936 г. — первый заместитель наркома обороны СССР. В 1937 г. — командующий войсками Приволжского ВО. Репрессирован.

Тюков Ф.П. (?–1921?). Капитан Русской армии. Участник Тамбовского восстания. Начальник штаба 1-й повстанческой армии Объединенной партизанской армии Тамбовского края. Сменил на этом посту И.А. Губарева. Предположительно погиб в 1921 г.

Уткин И.Ф. Тамбовский купец 2-й гильдии. Меценат. Построил Богородский храм в Тамбове в благодарность за избавление от холерной эпидемии. Горожане называли храм Уткинской церковью. Храм был разрушен в 1930 г. На его месте был установлен памятник Ленину.

Чичканов Михаил Дмитриевич (1889–1919). Родился в Тамбове. В 1898–1907 гг. учился в Тамбовском реальном училище, Петербургском политехническом институте. Член РСДРП с 1908 г. Жил в эмиграции. В 1918 г. вернулся в Россию, один из лидеров большевиков в Тамбове. В 1918 г. — председатель Тамбовского городского Совета депутатов. В 1918–1919 гг. — председатель губисполкома. В сентябре 1919 г.

освобожден от должности за плохую организацию обороны Тамбова во время рейда генерала К.К. Мамантова. Осенью 1919 г. был убит повстанцами в Кирсановском уезде.

Шамов С.А. (?–1921?). Офицер Русской армии. Участник I мировой войны, Белого движения на Юге России и Тамбовского восстания. Командир Савальского партизанского полка Объединенной партизанской армии Тамбовского края. Предположительно погиб в 1921 г.

Шатров Илья Александрович (1879–1952). Военный дирижер, майор. Участник Русско-японской войны. Автор знаменитого вальса «На сопках Маньчжурии» (1906). Похоронен в Тамбове, на Кресто-Воздвиженском кладбище.

Шендяпин (?–1921). Участник Тамбовского восстания. Происходил из крестьян. Командир Битюговского полка. Глава Тамбовской партизанской республики. Командир Битюгского партизанского полка Объединенной партизанской армии Тамбовского края. Погиб в бою в 1921 г. (застрелился, не желая, после того, как под ним был убит конь, попадать в плен).

Шлихтер Александр Григорьевич (1868–1940). Родился на Украине в семье столяра. В 1889–1891 гг. учился в Харьковском и Бернском университетах. В социал-демократическом движении с 1891 г., участник революции 1905 г. В 1917 г. — член исполкома Красноярского совета и Среднесибирского областного бюро РСДРП, делегат VI съезда большевиков. В конце 1917 — начале 1918 г. — нарком продовольствия в Совнарком. С марта 1918 г. — чрезвычайный продовольственный комиссар в Сибири, ряде губерний Урала и Центра России, нарком продовольствия Украины. В мае 1920 г. избран председателем Тамбовского губисполкома. В январе 1921 г. Оргбюро ЦК РКП(б) удовлетворило просьбу Шлихтера об отзыве из Тамбова. В дальнейшем на дипломатической, государственной и научной работе. В 1931–1938 гг. — вице-президент АН УССР, член президиума ВЦИК.

Эктов П.Д. (?–1937). Штабс-капитан Русской армии. Происходил из тамбовских крестьян. Офицер военного времени. Работал в штабе 2-й повстанческой армии. Во время подавления восстания перешел на сторону советской власти. Расстрелян в 1937 г. в Тамбове.

ИТОГИ ПОДАВЛЕНИЯ ТАМБОВСКОГО ВОССТАНИЯ ПО ОФИЦИАЛЬНОЙ СТАТИСТИКЕ

С.С. Балмасов

Определить число людей, погибших в результате Тамбовского восстания, не просто. Ко времени первой всеобщей советской переписи 1926 г. административные границы Тамбовской губернии были коренным образом перекроены, что затрудняет сравнение с переписями 1914 и 1917 гг. Тамбовская губерния потеряла целиком несколько уездов в начале 1923 г., а внутри остающихся в 1918–1926 гг. проводились административные изменения. Волости передавались из одного уезда в другой. Кроме того, большевики сначала разукрупняли сами волости, а потом, наоборот, укрупняли. Например, в 1914 г. в составе Борисоглебского уезда находилась 31 волость, в 1920 г. — 42 волости, а в 1926 г. — 16, позднее — 15 волостей. Похожая картина наблюдалась и в других уездах. При этом нередко большевики не просто объединяли две или три волости в одну большую, а изымали из разных волостей населенные пункты и формировали новые волости. Получить достоверные данные о том, как и в какое время производились подобные изменения, не удалось. Хотя ряд волостей сохранили к 1926 г. свои названия 1914 г., сравнивать их население нельзя уже потому, что неизвестно, население каких деревень и сел вошло в перепись 1926 г.

Кроме того, сравнивать данные 1914 или 1917 гг. с данными переписи 1926 г. довольно проблематично — после подавления Тамбовского восстания часть местных жителей была выслана в 1922–1923 гг. в Сибирь и на север. И неизвестно точно, сколько было переселено в Тамбовскую губернию из других губерний.

Однако переписи в Тамбовской губернии проводились также весной–летом 1920, до начала активной повстанческой борьбы, и весной–осенью 1922 гг., после ее завершения. Для получения приблизительных данных о потерях населения за время вооруженного противостояния эти переписи уникальны, хотя они тоже содержат большие погрешности. Достоверность переписи 1920 г. стоит под большим вопросом, так как мужское население частично было мобилизовано в Красную армию, а частично скрывалось от мобилизации. К лету 1922 г. большинство красноармейцев было распушено по домам, и скрываться необходимости не было. Однако губернская перепись 1922 г. из-за нехватки средств была неполной, не все дворы ей были охвачены, и по многим волостям приведены лишь приблизительные данные.

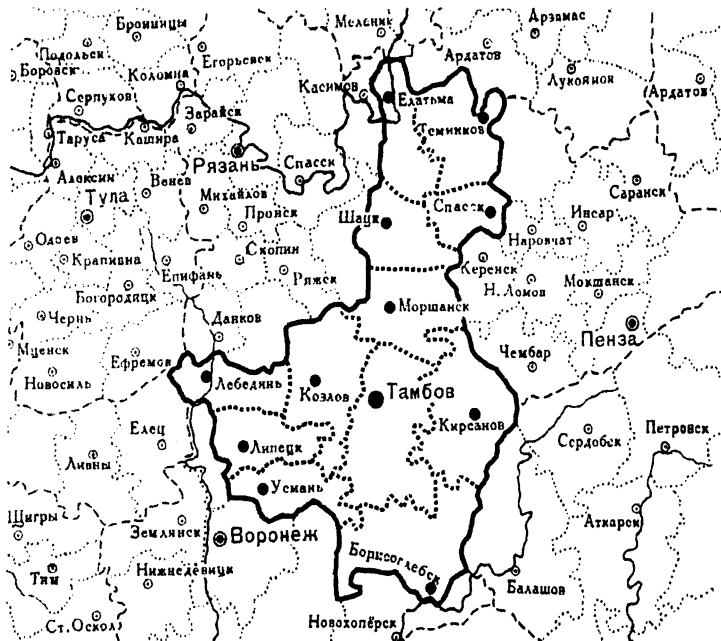
Тем не менее небесполезно сравнить итоги переписей населения 1920 и 1922 гг. по уездам, по полу и возрасту (табл. 1).

Из таблицы видно, что наибольшей за 1920–1922 гг. была убыль мужского населения до 17 лет и женского старше 55 лет: из-за плохих условий

Население Тамбовской губернии 1920 и 1922 гг. по полу и возрасту¹

Уезды		Мужчины			Женщины			Всего
		< 17	18–60	> 60	< 15	16–55	> 55	
1		2	3	4	5	6	7	8
1. Борисоглебский	1920	89 171	87 275	11 283	81 628	93 098	19 112	381 567
	1922	86 969	89 987	12 891	79 241	92 354	19 853	381 295
	Разница, чел.	– 2 202	2 712	1 608	– 2 387	– 744	741	– 272
2. Елатомский	1920	40 436	38 889	5 615	38 764	42 894	10 822	177 420
	1922	39 910	39 620	5 962	41 276	43 383	9 845	179 996
		– 526	731	347	2 512	489	– 977	2 576
3. Кирсановский	1920	77 135	76 512	10 201	70 367	83 665	16 226	334 106
	1922	73 567	77 376	11 303	67 878	84 285	17 142	331 551
		– 3 568	864	1 102	– 2 489	620	916	– 2 555
4. Козловский	1920	99 821	91 624	11 422	94 613	98 758	19 596	415 834
	1922	98 091	92 754	11 913	96 763	99 118	18 381	417 020
		– 1 730	1 130	491	2 150	360	– 1 215	1 186
5. Лебедянский	1920	42 931	40 376	5 423	39 878	43 878	8 790	181 276
	1922	40 920	41 612	4 946	39 509	44 363	7 680	179 030
		– 2 011	1 236	– 477	– 369	485	– 1 110	– 2 246
6. Липецкий	1920	49 373	44 131	5 657	46 342	47 227	8 686	201 416
	1922	45 650	44 634	5 370	46 085	47 523	8 311	197 573
		– 3 723	503	– 287	– 257	296	– 375	– 3 843
7. Моршанский	1920	76 953	72 806	9 944	71 518	81 948	17 619	330 788
	1922	75 747	74 708	8 823	72 387	83 416	16 631	331 712
		– 1 206	1 902	– 1 121	869	1 468	– 988	924
8. Спасский	1920	35 090	33 201	4 828	33 826	37 512	7 610	152 067
	1922	34 586	33 682	4 957	33 214	37 966	6 113	150 518
		– 504	481	129	– 612	454	– 1 497	– 1 549
9. Тамбовский	1920	113 242	106 141	13 473	104 025	116 393	22 233	475 507
	1922	106 446	103 143	13 376	104 476	117 608	20 566	465 615
		– 6 796	– 2 998	– 97	451	1 215	– 1 667	– 9 892
10. Тсмниковский	1920	38 933	37 747	5 352	36 443	39 880	8 927	167 282
	1922	39 055	38 461	5 789	40 262	40 468	8 599	172 634
		122	714	437	3 819	588	– 328	5 352
11. Усманский	1920	66 584	62 651	7 527	62 156	67 467	12 090	278 475
	1922	60 635	63 967	7 024	56 958	68 289	10 022	266 895
		– 5 949	1 316	– 503	– 5 198	822	– 2 068	– 11 580
12. Шацкий	1920	48 527	46 796	6 679	41 090	51 109	11 812	206 013
	1922	47 180	47 750	7 193	45 513	51 619	11 370	210 625
		– 1 347	954	514	4 423	510	– 442	4 612
ВСЕГО:	1920	778 196	738 149	97 404	720 650	803 829	163 523	3 301 751
	1922	748 756	747 694	99 547	723 562	810 392	154 513	3 284 464
	Разница, %	– 3,78	1,29	2,20	0,40	0,82	– 5,51	
Разница, чел.		– 29 440	9 545	2 143	2 912	6 563	– 9 010	– 17 287

¹ Сост. по: Обзор народного хозяйства Тамбовской губернии, октябрь 1921–1922 гг. — Тамбов, 1922. С. 106–112.

жизни гибли в первую очередь дети и старики. Суммарная убыль населения по губернии за 2 года составила 17 287 человек.

Убыль по каждому уезду показана в восьмом столбце таблицы. По этим цифрам видно, что северные уезды, а именно Темниковский, Шацкий, Елатомский и Спасский понесли меньшие потери по сравнению с южными, наиболее активно участвовавшими в повстанческой борьбе. В числе последних особенно выделяются Усманский и Тамбовский уезды, потерявшие 11 580 и 9 898 человек соответственно. Далее идут Липецкий — 3 843, Кирсановский — 2 555, Лебедянский — 2 246, Спасский — 1549 и Борисоглебский уезд — 272.

Номинальное сокращение населения губернии на 17 тыс. за 2 года не отражает реальных потерь, поскольку в нормальных условиях за эти 2 года рождалось и выживало бы больше детей и смертность взрослых была бы обычной, а не повышенной. В 1923–1926 гг. на 1 тыс. человек населения приходилось от 45,3 до 47,6 рождений, а число смертей колебалось от 24,7 до 28,¹². В среднем по губернии на тысячу населения было 46 рождений и 26 смертей, то есть естественный прирост на тысячу населения составлял 20 человек в год.

Исходя из общего числа жителей губернии в 1920 г. — 3 301 751, естественный прирост за 2 года должен был составить 132 040, а не убыль в

² Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. — Тамбов, 1927. С. 22.

17 287. Складывая эти две цифры, получаем вероятную реальную убыль в 149 327 человек. Но это еще не всё.

Перепись 1920 г. повсеместно отличалась огромным недоучетом мужчин призывного возраста. В нашем случае это явствует уже из того, что в 1920 г. число переписанных мужчин среднего возраста было на примерно 65 тыс. меньше, чем женщин. К 1922 г. эта разница не увеличилась, как можно было бы ожидать в результате потерь во время восстания, а уменьшилась: в 1922 г. из Красной армии вернулись призывники, которые не вошли в перепись 1920 г.

Точно установить число лиц, призванных из Тамбовской губернии в Красную армию и вернувшихся домой, невозможно, но можно сделать приблизительные оценки. Согласно переписи 1917 г. в войска за период I мировой войны из Тамбовской губернии было призвано 387 063 человека³. Число призванных в Красную армию составляло примерно одну треть от призванных в Русскую армию, что для Тамбовской губернии означало бы 129 тыс. человек. Но такое число не вмещается в рамки возрастных групп табл. 1. Можно допустить, что число призванных и вернувшихся было наполовину меньше, то есть 65 тыс. Эту цифру надо вычесть из населения 1922 г., чтобы оно было сравнимым с 1920 г.. Соответственно, число потерь возрастает с 149 тыс. до 214 тыс.

Кроме того, перепись 1922 г., в отличие от переписи 1920 г., учитывала находящиеся на территории Тамбовской области воинские части, численность которых не указана. Их также надо вычесть из сравнимого числа населения, что может приблизить число потерь к 240 тыс.

Согласно переписи 1922 г. на территории Тамбовской губернии находились беженцы из других губерний и даже государств. Только одних поляков-беженцев здесь числилось 9 329 человек, большей частью мужчин 40–50 лет. Были ли они здесь и в 1920 г. — не ясно. Кроме того, здесь до сих пор содержались 80 военнопленных I мировой войны — 55 австрийцев, 15 итальянцев, 10 немцев⁴. Все они по переписи были включены в состав населения Тамбовской губернии. Как изменялась их численность в 1920–1922 гг. не указано, потому неизвестно, в какой мере эти изменения могли повлиять на вычисление потерь.

Во всяком случае, по самым осторожным подсчетам, потери населения Тамбовской губернии в 1920–1922 гг. составили около 240 тыс. человек. Большинство из них, как и вообще в период военного коммунизма, умерли от голода и болезней. Можно допустить, что почти треть из них погибла в боях, от красного террора и в заключении — скажем, около 70 тыс. Красная

³ Сост. по: Поусздные итоги сельскохозяйственной переписи Тамбовской губернии в 1917 г. — Тамбов, 1917.

⁴ Обзор народного хозяйства Тамбовской губернии, октябрь 1921–1922 гг. — Тамбов, 1922. С. 513.

армия за 7 месяцев боев с тамбовскими повстанцами в 1921 г. потеряла 6 090 человек убитыми.

Цифра потерь в 240 тыс. не учитывает миграции. Бесспорно, кто-то из губернии во время восстания бежал. Но с другой стороны, уже зимой 1921–1922 гг. началось переселение на пустующие земли малоземельных крестьян из других губерний, как, например, Тверской, был основан ряд новых поселков. Вычислить миграционный баланс не представляется возможным.

Интересно сравнить полученные выше данные с данными табл. 2 относительно численности подлежащего налогообложению населения старше 16 лет⁵. Бросается в глаза то, что численность трудоспособного населения, обложенного налогами, по табл. 2 значительно меньше численности населения от 16 до 60 лет.

Таблица 2

Численность населения, подлежащего налогообложению

Уезды	Население 16–55 лет	Население, подлежащее обложению, чел.
1. Тамбовский	220 751	91 030
2. Кирсановский	161 661	67 793
3. Усманский	132 256	48 796
4. Липецкий	92 157	22 076
5. Борисоглебский	182 341	64 984
6. Лебедянский	85 975	39 195
7. Козловский	191 872	66 151
8. Спасский	71 648	31 217
9. Шацкий	99 369	45 159
10. Моршанский	158 124	53 496
11. Елатомский	83 003	20 376
12. Темниковский	78 929	27 032
Итого	1 558 086	583 305

Получается, что на одного подлежащего обложению человека приходилось два не подлежащих обложению налогами. Причину можно объяснить, во-первых, большим количеством советских льготников, в том числе представляющих карательные структуры и партийный аппарат; во-вторых, значительным числом людей, утративших трудоспособность.

Согласно данным советских статистиков, первыми восстали против большевиков в августе 1920 г. 18 волостей Тамбовского уезда. Это волости Абакумовская, Александровская, Больше-Лазовская, Васильевская,

⁵ Сост. по: Обзор народного хозяйства Тамбовской губернии, октябрь 1921–1922 гг. — Тамбов, 1922. С. 307.

Верхоценская, Каменская, Львовская, Нижне-Спасская, Осино-Лазовская, Остроуховская, Павлодарская, Периксо-Гавриловская, Пичерская, Понзарская, Протасовская, Степовская, Хитровская, Чакинская. Затем 14 волостей Борисоглебского уезда: Андреевская, Архиповская, Братковская, Бурнакская, Козловская, Костино-Отдельская, Моисеево-Алабушская, Никольско-Кабаньевская, Пичаевская, Подгорнская, Ростошинская, Туголуковская, Уваровская, Шапкинская; 5 волостей Кирсановского уезда: Богословская, Золотовская, Калугинская, Курдюковская, Паревская⁶. По всей видимости, именно они понесли наибольшие потери в ходе восстания.

Впоследствии, в конце 1920 – начале 1921 гг. к указанным волостям присоединились и другие волости этих уездов, а также значительное число волостей Липецкого, Усманского, Козловского и Моршанского уездов.

Интересно обратить внимание на демографическую ситуацию в отдельных селах. Эти сведения удалось получить только по Борисоглебскому уезду. Бросается в глаза то, что на протяжении последующих после подавления восстания лет население наиболее мятежных районов не восстановило свою численность. Это связано не только с потерями во время боевых действий и карательных операций. Очевидно, что население оставляло свои деревни и села в поисках лучшей жизни, чувствуя себя на плодородном Черноземье очень неуютно, и еще долгие годы не могло восстановиться после большевицкого погрома.

По переписи 1914 г. численность мужчин Тамбовской губернии лишь немного уступала численности женщин. Интересно обратить внимание, как изменилась эта пропорция после мировой и гражданской войны и крестьянского восстания.

Таблица 3

Население Тамбовской губернии по переписи в 1926 г.⁷

Уезды	Население		Всего	% мужчин	Плотность населения на 1 км ²
	Мужчины	Женщины			
1. Борисоглебский	221 994	246 088	468 082	47,43	55,0
2. Кирсановский	151 179	166 810	317 989	47,54	50,1
3. Козловский	253 109	280 353	533 462	47,45	65,0
4. Липецкий	174 194	197 404	371 598	46,88	65,8
5. Моршанский	186 829	213 155	399 984	46,71	51,7
6. Тамбовский	301 193	334 694	635 887	47,37	61,7
По губернии	1 288 498	1 438 504	2 727 002	47,23	58,3

На основании данных 1926 г. можно сделать два вывода. Во-первых, и через 5 лет после подавления восстания численность мужчин Тамбовской

⁶ Тамбовская губерния в новых границах, на 1 февраля 1923 г. Статистический обзор с картой и списком волостей. — Тамбов, 1923. С. 1.

⁷ Статистический справочник по Тамбовской губернии. — Тамбов, 1926. С. 8.

губернии намного уступала численности женщин. Здесь не столько отражено влияние мировой войны, сколько последующих событий, главным образом, подавления крестьянского восстания. Во-вторых, известно, что средняя плотность населения Тамбовской губернии в 1920 г. составляла 63,1 человека на кв. км⁸. Таким образом, плотность населения Тамбовской губернии к 1926 г. сократилась на 4,8 человека на кв. км. хотя границы губернии и изменились, это было следствием подавления восстания.

Интерес также представляет численность населения городов Тамбовской губернии до и после подавления восстания.

Таблица 4

Население городов Тамбовской губернии без пригородов, чел.⁹

Уезды	1920 г.	1923 г.	1926 г
Борисоглебский	26 093	23 548	27 168
Елатомский ¹⁰	11 578	11 928	12 483
Елатьма	4 247	4 722	4 207 ¹¹
Кадам	7 331	7 206	8 200 ¹²
Кирсановский	11 432	9 700	11 282
Козловский	32 761	30 435	36 394
Липецкий	17 919	15 689	15 394
Моршанский	14 348	12 670	14 373
Тамбовский	87 721	86 519	95 287
Шацкий	4 400	3 943	3 142

В 1923 г., по сравнению с 1920 г., население тамбовских городов так и не восстановило свою численность, несмотря на естественный прирост за это время и возвращение не учтенных в 1920 г. красноармейцев.

В 1926 г., по сравнению с 1923 г., население большинства тамбовских и ранее входивших в Тамбовскую губернию городов увеличилось, за исключением городов Липецкого и Шацкого уездов, а также Елатьмы. Увеличение городского населения говорит о том, что жизнь стала налаживаться после погрома 1921 г., хотя и не везде.

Пользуясь данными переписи 1926 г., можно составить определенное представление и о карательной машине того времени в Тамбовской губернии.

⁸ Тамбовская губерния, в новых границах, на 1 февраля 1923 г. Статистический обзор с картой и списком волостей. — Тамбов, 1923. С. 1.

⁹ Сост. по: Краткий статистический справочник по Тамбовской губернии. — Тамбов, 1927. С. 8.

¹⁰ Статистический справочник по Рязанской губернии. — Рязань, 1923. С. 2.

¹¹ Сост. по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. — М., 1928. Т. 2. С. 28.

¹² Там же.

Так, в милиции и ОГПУ 4,1% мужчин и 2,4% женщин из числа работников составляли служащие в возрасте 15–17 лет, кроме того, 5% работников-мужчин данных структур были в возрасте 10–14 лет¹³.

О состоянии Тамбовской губернии после погрома 1921 г. красноречиво говорят факты, приведенные красными статистиками сразу после подавления восстания.

Так, советские статистики отмечали в 1922 г., что число клубных учреждений здесь сократилось только за первую половину текущего года в 3–5 раз¹⁴. Это говорит не только о том, что в период боевых действий здания, приспособленные под клубы, уничтожались или занимались другими учреждениями, но и о том, что население тогда было целиком поглощено другими жизненными проблемами.

Обратим внимание на то, за что и сколько людей было осуждено в губернии в первой половине 1922 г. Здесь не учитываются уголовные деяния¹⁵.

Таблица 5

Вид преступлений	Осужденные		Итого
	Мужчины	Женщины	
1. Государственные	26	1	27
2. Массовые беспорядки и бандитизм	221	6	227
3. Сопротивление, неисполнение законных требований, препятствование правильной деятельности и оскорбление власти	59	3	62
4. Уклонение от государственной повинности и налогов	22		22
5. Дезертирство и самоувечье в целях уклонения от военной службы	126		126
Всего	454	10	464

Также полезно ознакомиться с движением дел в следственных органах Тамбовской губернии с 1 января по 1 июля 1922 г.¹⁶

Вид преступления	Число дел к 01.01.1922 г.	Окончено к 01.07.1922 г.	Подследственных (осталось)
1. Преступления против Советской республики	100	23	103
2. Против установленного порядка управления	303	116	195 из 626

¹³ Там же. С. 22.

¹⁴ Там же. С. 38.

¹⁵ Обзор народного хозяйства Тамбовской губернии, октябрь 1921–1922 гг. — Тамбов, 1922. С. 62.

¹⁶ Там же. С. 63–64.

Эта сводка означает, что к 1922 г. большевики завершили разгром восстания и на протяжении этого года добивали активных сопротивленцев. Также видно, что рассмотрение дел в карательных органах шло медленно, и сотни подсудимых продолжали находиться в концлагерях и тюрьмах.

Касались советские статистики и выполнения отдельных видов продналога, например яичного: «На выполнение яичного налога оказал влияние и бандитизм, т.к. в бандитских уездах население оказалось лишенным кур и предпочитало сдавать яичный налог даже хлебом. Масляный налог, путем решительного нажима, удалось добрать уже зимой... Сбор картофеля происходил с чрезвычайной трудностью — почти исключительно под нажимом продсесий Ревтрибунала»...¹⁷ Даже красными статистиками отмечалось, что на местах при взимании этих налогов представители советской власти допускали преступления. В ряде мест часть налога или полностью присваивалась местными коммунистическими властями так, «что даже баланс нельзя подвести¹⁸...» Приводится конкретный пример, как в Спасском уезде местные коммунисты открыли самовольно новый ссыпной пункт, где вдобавок обвешивали и так несколько раз ограбленных крестьян, например в Пашкове!¹⁹ Советские статистики говорят, что такие действия были обыденными, а центральные коммунистические власти с этим явлением были якобы не в силах бороться²⁰.

При таком подходе был облегчен налог для южной части губернии, за последнее время сильно пострадавшей от двухгодичного недорода, бандитизма и разверстки, которая опиралась всей тяжестью на них, мало затрагивая север губернии²¹. Отмечалось, что особенно пострадали Борисоглебский, Кирсановский и Усманский уезды. Сложность для выработки четких норм налога, по мнению советских статистиков, представляло то, что «почти во всех волостях Тамбовского уезда все документы были уничтожены бандитами...»²²

Для того чтобы собрать налоги, советская власть не скупилась на репрессии и после подавления восстания. Так, советские статистики указывают «Методы работы» по сбору налогов: «В самом деле, из сводок репрессий к неплательщикам единого налога видно, что: 1) за всю кампанию (1922 г.) подвергнуто взысканиям 3848 неисправимых неплательщиков, что составляет только 0,6 % от всех плательщиков.

2) главную массу репрессий составляют административные взыскания (семидневный арест), каковой применен к 3 639, на долю же более тяжелых

¹⁷ Обзор народного хозяйства Тамбовской губернии, октябрь 1921–1922 гг. — Тамбов, 1922. С. 326–328.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. С. 333–334.

²⁰ Там же. С. 378.

²¹ Там же. С. 331.

²² Там же. С. 330.

судебных взысканий падают только 200 случаев, т.е. 0,03% всех плательщиков»²³.

Результаты такой политики не могли не сказаться. «Тамбовская губерния в целом не признана была центром голода, но в большинстве уездов сильное недоедание, граничащее с голодом, было налицо»...²⁴

Ниже дана «Сводка по применению административных и судебных мер воздействия, примененных к неплательщикам продналога»²⁵:

		Арестов	Судебных дел	Осужденных
1921 г.	август	2 670	56	71
	сентябрь	3 310	150	230
	октябрь	3 021	190	270
	ноябрь	3 005	466	231
	декабрь	2 095	457	2 327
1922 г.	январь	2 317	276	778
	февраль	4 418	1 493	3 459
	март	1 641	256	715
Итого		22 477	3 344	8 371

В этой сводке более полно отражены репрессии против крестьян за невыполнение продналога. Только за первые 3 месяца 1922 г. репрессиям подверглись 4952 человека.

Кампания по сбору единого налога в 1922 г.

	Арестов	Судебных дел	Осужденных
август	262	—	12
сентябрь	3 377	187	197
Итого	3 639	187	209
Всего	31 707	4 598	12 280

Советские статистики отмечали, что «Тамбовский, Кирсановский, Козловский, Усманский, Моршанский, Борисоглебский уезды оказались менее производительными в отношении трудгужналога, в связи с последствиями бандитизма...»²⁶

Особо они отмечали условия проведения натурального налога: «К моменту проведения натурального налога Тамбовская губерния находилась в

²³ Обзор народного хозяйства Тамбовской губернии, октябрь 1921–1922 гг. — Тамбов, 1922. С. 337.

²⁴ Там же. С. 371.

²⁵ Там же. С. 370.

²⁶ Там же. С. 306.

особенно тяжелых для продрабoты условиях. Борисоглебский, Тамбовский и Кирсановский уезды целиком, а Усманский, Козловский и Моршанский в значительной степени были охвачены бандитским движением, продолжавшимся уже 2 года... Наконец, и разверсткой Тамбовская губерния была истощена более многих других, как производящая губерния у линии фронта... Работа агентуры Губпродкома протекала в чрезвычайно тяжелых условиях упорной борьбы с населением, отчасти кулацким, оказавшим упорное сопротивление при сдаче продуктов... Гибель продовольственников во время работы, как в одиночку, так и при налетах банд, целыми группами, была весьма нередким явлением»...²⁷

Интересно взглянуть и на посевную площадь губернии. Если в 1917 г. она составляла 2 060 342 десятины, то на конец 1921 г. — 1 457 352 десятины, сократившись на 28%. Весной 1922 г. она составила 1 607 890 десятин, или на 22% меньше 1917 г. На конец 1922 г. в губернии не были возделаны 10,13% прежней посевной площади²⁸. Предполагалось, что в 1923 г. не будет возделано еще 5% пахотной земли, «относящейся, преимущественно, на счет южных районов, особенно пострадавших от бандитизма, в данный момент ослабленных в смысле наличия инвентаря и семян»²⁹. Это было прямым следствием погрома Тамбовской губернии, учиненного большевиками.

По числу хозяйств, которые частично или полностью имели не вспаханную землю, лидерство держит Борисоглебский уезд, один из главных очагов восстания — 43,6%; в Темниковском уезде — 34%, в Кирсановском — 32,2%, в Усманском — 27,6%. Стоит отметить, что во многих хозяйствах не было возможности вспахать землю, поэтому **сеяли по не-вспаханному**. Особенно это проявилось в принимавших активное участие в восстании Борисоглебском и Усманском уездах. Одна из причин этого — отсутствие лошадей и инвентаря. Особенно сильное уменьшение рабочего скота отмечалось в Лебедянском, Кирсановском и Усманском уездах. Наряду с этим отмечалось резкое падение уровня сельскохозяйственного производства. Во многих случаях в этих и других уездах отмечались не только случаи вспашки полей на коровах, но и на людях.

Вспашка на коровах, говорящая о крайней бедности хозяйств, вскоре после подавления восстания на Тамбовщине имела довольно широкое применение³⁰. Раньше коров берегли, поскольку использование их для вспашки полей, особенно с тяжелыми почвами, влекло за собой снижение урожая. Однако ситуация в 1921–1922 гг. резко изменилась в худшую сторону, что отразилось в ниже расположенной сводке:

²⁷ Там же. С. 323.

²⁸ Там же. С. 67.

²⁹ Там же. С. 101.

³⁰ Там же. С. 79.

Уезды	
Борисоглебский	8%
Усманский	5%
Козловский	2%
Лебединский	2%
Кирсановский	0,8%
Тамбовский	единичные случаи

Вспашка на людях говорила о просто отчаянном положении ряда хозяйств³¹. Некоторые хозяйства после подавления восстания были лишены не только лошадей, но и крупного рогатого скота.

Уезды	
Кирсановский	0,3%
Борисоглебский	0,01%
Лебединский	единичные случаи

Согласно отчету статистиков, «Вспашка на зябь, несмотря на солидный процент прошлого года, в этом году проходит неудовлетворительно. Так, в прошлом 1921 г. вспашка на зябь дала следующие результаты (от 1917 г.) по уездам»³²:

Борисоглебский	50%	Моршанский	26%
Козловский	60%	Тамбовский	40%
Кирсановский	50%	Усманский	30%
Лебединский	32%	Шацкий	60%

«В текущем году результаты вспашки на зябь еще не подведены, но они будут значительно ниже прошлого года. Уезды говорят о вспашке на зябь следующее: Борисоглебский уезд. Неделя зяблевой вспашки объявлена с 1 октября 3-м съездом селькомов. Вспахано до настоящего времени 12%. Причина слабого исполнения — отсутствие живого инвентаря у крестьян.

Елатомский уезд — 20%. Кирсановский уезд — 10%. Такое слабое выполнение объясняется не отсутствием интереса у населения, который определенно есть, а отсутствием рабочих лошадей.

Козловский уезд... В период, совпавший с уборкой проса, озимого посева и наступившей дождливой погоды, зяблевая вспашка затормозилась. Сведений о результатах нет.

Лебединский уезд. Неделя зяблевой вспашки объявлена с 1 октября ввиду запоздания с посевом озимых. В совхозах вспашка выполнена на 65%.

Липецкий уезд — количество вспаханного достигает 3% общей площади ярового клина...

Моршанский уезд говорит о задержке в проведении зяблевой вспашки. Сведений о вспаханной площади пока нет.

³¹ Там же. С. 86.

³² Там же.

Спасский район — вспашка не начата.

Тамбовский уезд. Неделя зяблевой вспашки начата. О количестве вспаханного сведений пока нет, тормозом служит недостаток лошадей.

Усманский уезд. Зяблевые вспашки из-за большого недостатка лошадей до сего времени не приняли массового размера. Сведений о вспаханном пока нет.

Шацкий уезд. Результатов вспашки нет».

Как видим, крестьянские хозяйства были разорены до такой степени и потеряли столько людей и инвентаря, что во многих случаях были просто не в состоянии обрабатывать собственную землю.

Резко сократилась и площадь удобренной земли. В Елатомском уезде лишь 31,8% земли было удобрено, что было самой высокой цифрой по губернии, в других северных и центральных уездах она была еще меньше, а в южных уездах удобренная земля составляла проценты или доли процента.

«Положение животноводства в данное время характеризуется сильным сокращением его... Четыре северных уезда и Моршанский резко выделяются в смысле меньшего сокращения животноводства всех видов*. Наиболее стойким оказался по всей губернии крупный рогатый скот, особенно коровы. Коневодство уменьшилось в своем размере гораздо больше, чем крупный рогатый скот, и особенно сильно сократилось количество молодняка, опустившись до такого размера, что в ближайшие годы его оказывается недостаточно для покрытия необходимого ремонта рабочих лошадей, что дает веские основания предполагать, что в течение 2–3 лет количество рабочих лошадей будет продолжать уменьшаться. Больше всего уменьшилось количество лошадей в 2 южных уездах: Усманском и Борисоглебском, а также в Липецком уезде. В наиболее благоприятных условиях находятся 5 северных уездов».

Больше всего пострадало свиноводство. Оно сохранило лишь 26,8% своего состава от 1917 г. Особенно сильно пострадал в этом отношении Борисоглебский уезд, где осталось лишь 1 151 свинья, что составляет 2,1% от данных 1917 г. Также при учете поголовья свиней оказывается, что меньше всего пострадали 5 северных уездов, где их процент не опускается ниже 43,6 по Моршанскому уезду.

Птицеводство губернии испытало сильный удар уже с началом I мировой войны, когда закрылись заграничные рынки, и оно постепенно потеряло свой промышленный характер. Другие виды животноводства к 1922 г. превратились в отрасль хозяйства натурального. Насколько важно было это уменьшение в характере хозяйства Тамбовской губернии, можно судить по тому, что в общем бюджете до 1916 г. животноводство давало

* Как принимавший наименьшее из всех уездов участие в восстании.

44,6% всех денежных доходов губернского сельского хозяйства, оставляя на долю полеводства 55,4%³³.

По словам советских статистиков, «в довоенное время Тамбовская губерния по числу конских заводов занимала одно из первых мест в России. В ней насчитывалось в 1904 г. 345 конских заводов с 6 тыс. маток; в 1917 г. осталось уже 122 завода и в данное время насчитывается всего только 3 завода». Происходит исчезновение славившегося на весь мир тамбовского битюга — мощного и неприхотливого тяжеловоза.

Тамбовская губерния также славилась своим пчеловодством. «К 1915 г. число пчеловодческих хозяйств возрастает до 5 361 и у них 94 699 ульев (из них 28 303 — рамочных*)»³⁴. На осень 1921 г. по подворному обследованию пчеловодческих хозяйств, произведенному Губстатбюро осенью 1921 г., их число упало до 4 666 с 44 065 ульями, из которых рамочных было 7 429. К осени 1922 г. число ульев возрастает до 62 813, из которых 14 762 были рамочными.

При этом в 1921 г. меда было собрано 2 450 пудов, причем по собранным данным, в этом году многие хозяйства показали полное отсутствие полезного продукта. Показания о количестве меда относятся только к 20 392 ульям из 44 065, вошедших в учет. Как делали вывод советские статистики, «следовательно, в среднем на 1 улей приходится 4,8 фунта (менее 2 кг), цифра чрезвычайно низкая».

Другим мрачным показателем служит посев по «пожару». Он свойственен хозяйствам, имеющим крайне отсталый уровень развития. Так, посев по «пожару», то есть после сжигания леса и без вспашки, в золу, производился в основном в период медного, бронзового и железного века, а также в раннее средневековье. Его применяли также дикари Экваториальной Африки и Южной Америки. То, что такой «способ» возродился в советской России, а именно на Тамбовщине, говорит о крайней степени разорения крестьянского хозяйства.

Посев по «пожару», без вспашки, производился:

Уезды

Борисоглебский	14%
Лсбедянский	10%
Усманский	10%
Тамбовский	единичные случаи

Садоводство также находилось в крайнем упадке. По признанию советских статистиков, «национализированные сады до 1922 г. переходили из рук в руки и благодаря этому пришли в окончательный упадок»³⁵.

³³ Там же.

* Т.е. наиболее современных и продвинутых.

³⁴ Там же. С. 74.

³⁵ Там же. С. 88.

Не лучшим образом обстояло и со сбором огородных культур с десятины земли. В 1922 г. уровень их сбора продолжал неуклонно падать даже по сравнению с показателями 1919–1921 гг., который составлял от сборов 1917 г. две трети и меньше³⁶:

Культура	1919–21 гг., пудов	1922 г.
Картофель	500	500
Капуста	1000	867
Томаты	700	500
Лук	250	—
Огурцы	600	423

Интересно рассмотреть здесь и промышленность. Советские статистики раскрывают ее действительное состояние: «Пищевая и вкусовая промышленность сокращаются. С одной стороны, потому, что за годы революции немало заведений, особенно винокуренных, уничтожено, а с другой — вследствие отсутствия продуктов сельского хозяйства (хлебные злаки, картофель, сахарная свекла, табак), многие заведения принуждены бездействовать»³⁷. Цифры помогут создать более четкое представление:

	1912–13 гг.	1921–22 гг.	
Винокуренное производство	555 829 ведер	19 904 ведер	
	1910–11 гг.	1920–21 гг.	1921–22 гг.
Сахар	1 859 022 пудов	66 033 пудов	65 189 пудов
Плانتации сахарной свеклы	12 549 десятин	6 154 десятин	
	1913 г.	1921 г.	
Табачное производство	519 940 пудов	116 087 пудов	
	1912–13 гг.	1921–22 гг.	
Крахмал	172 504 пудов	48 991 пудов	
	1908 г.	1921–22 гг.	
Маслобойная промышленность	17 заводов, 418 900 пудов подсолнечного масла	1 завод, 30 694 пудов подсолнечного масла	

Все отрасли промышленности в губернии, несмотря на начавшийся нэп, работали с большими перебоями³⁸. Наряду с этим отмечалось невероятное удорожание продовольствия за 1921–1922 гг.³⁹

В кожевенной промышленности губернии в 1920–21 гг. «замочка» сырья по крупным кожам составляла — 20%, по мелким — 62% от

³⁶ Там же. С. 91.

³⁷ Обзор народного хозяйства Тамбовской губернии, октябрь 1921–1922 гг. — Тамбов, 1922. С. 260.

³⁸ Там же. С. 262.

³⁹ Там же. С. 265.

задания, а за то же полугодие 1921–22 гг. по крупному сырью — 65% и мелкому — 67%.

В глубоком упадке находилось канатное и пеньковое производство. Так, Сасовский пенько-канатный завод имел задание изготовить 30 220 пудов каната, но изготовил 19 024, или 62,15% от нормы при том, что за то же время до 1917 г. он изготовлял 60 тыс. пудов каната.

Параллельно этому менялось и количество рабочих на заводе. Если в октябре 1921 г. здесь было 429 рабочих, то на 1 сентября 1922 г. — только 69.

Предприятиями по производству черепицы задание выполнялось не более 27,57% от нормы, а в некоторых случаях — 16,11%. По кирпичному производству были получены еще более удручающие результаты: если Козловский кирпичный завод смог дать 35% задания, то Тамбовский завод гжельного кирпича выполнил лишь 11,71%, а простого — 14,68%. Лавровский завод гжельного кирпича выполнил 16,5% задания. Жидиловский кирпичный завод выполнил только 10% нормы, а Липецкий — лишь 9% задания. В то же время, другой Липецкий и Грязновский кирпичные заводы выполнили... 0% задания!⁴⁰

К началу 1922 г. на территории губернии было 5 концентрационных лагерей, состоявших в ведении Губернского подотдела принудработ: 1) Тамбовский № 1; 2) Трегуляевская сельскохозяйственная колония заключенных № 2; 3) Борисоглебский № 3; 4) Борисоглебский полевой № 4 (временный, ликвидированный в марте 1922 г.); 5) Моршанский № 5. По данным советских статистиков, в них к началу 1922 г. содержалось 1 884 человека. По тем же данным, за 9 месяцев 1922 г. сюда дополнительно поступило 5 588 человек, а из концлагерей были (освобождены, бежали, умерли, переведены в другие концлагеря за пределами губернии 6 819 человек). Поэтому к 1 октября 1922 г. в них содержалось 653 человека, из них 30 женщин. Несмотря на скупость официальных документов, советские статистики упоминают, что здесь были «случаи голода и заразных заболеваний»⁴¹. Это было следствием нечеловеческих условий содержания, среди которых они отмечали «скученность содержания». Так, при осмотре Тамбовского концентрационного лагеря № 1 выяснилось, что первоначально он был предназначен только на 300 человек, но в нем на начало января 1922 г. находилось около 1 тысячи человек⁴².

⁴⁰ Обзор народного хозяйства Тамбовской губернии, октябрь 1921–1922 гг. — Тамбов, 1922. С. 267.

⁴¹ Обзор народного хозяйства Тамбовской губернии, октябрь 1921–1922 гг. — Тамбов, 1922. С. 513–514.

⁴² Там же. С. 514.